

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

2

1982

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

НАУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 2
ЛІПЕНЬ

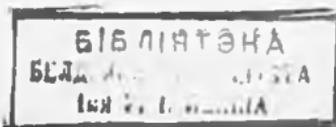
ПРАВА

Фундаментальная бібліятека

БГУ

01152677

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), **В. С. ГРЫГОР'ЕЎ**,
І. І. ЖБАНКОВА, **У. Р. ІВАШЫН**, **В. Р. РУДЗЬ** (*нам. галоў-*
нага рэдактара), **А. М. САРЖЭЎСКІ**, **А. Я. СУПРУН**, **І. Р.**
ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (*адказны рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕУ (*адказны сакратар*), **Г. П. ДАВІДЗЮК**,
П. П. ДРОНЬ, **Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ** (*нам. адказнага рэдак-*
тара), **М. І. ЖУКАЎ**, **А. С. КЛЯУЧЭНЯ**, **А. А. КРУГЛОУ**,
М. І. КРУКОЎСКІ, **Г. М. ЛІУШЫЦ**, **Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ**,
В. В. СЦЕПІН, **В. Ф. ЧЫГІР**, **М. Р. ЮРКЕВІЧ**, **С. Я. ЯН-**
ЧАНКА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия III, № 2, 1982

Издательство Белорусского государственного
университета имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар **А. А. Сычой**
Малодшы рэдактар **Г. М. Добыш**
Мастацкі рэдактар **Л. Г. Мядзведзева**
Тэхнічны рэдактар і карэктар **Г. І. Хмарун**

Здадзена ў набор 27.04.82. Падпісана да друку 08.07.82. АТ 14692. Фар-
мат 70×108³/₁₆. Друк высокі. Ум. друк арк. 7,0. Ул.-выд. арк. 9,01.
Тыраж 1245 экз. Заказ 901.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ БЕЛЫЙ
(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения крупного советского ученого в области физики и механики полимеров, вице-президента Академии наук БССР, ректора Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, лауреата Государственной премии БССР, заслуженного деятеля науки и техники БССР, члена КПСС с 1947 г., академика АН БССР Владимира Алексеевича Белого.

Научная деятельность Владимира Алексеевича началась в Ростовском-на-Дону институте инженеров железнодорожного транспорта, который он окончил с отличием в 1945 г.

После успешной защиты диссертации в Москве В. А. Белый был направлен в Гомель для организации Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта. Здесь под его руководством создается первая в Белоруссии периферийная научно-исследовательская лаборатория АН БССР, преобразованная в 1969 г. в Институт механики металлополимерных систем АН БССР, который возглавил Владимир Алексеевич. В 1969 г. В. А. Белый был назначен ректором открывшегося в Гомеле государственного университета, оставаясь одновременно директором ИММС на общественных началах.

Отдавая много сил и энергии научно-организационной деятельности, В. А. Белый продолжает исследовательскую работу и сосредоточивает знания и опыт на решении важнейшей народнохозяйственной проблемы — создании новых конструкционных материалов.

Владимир Алексеевич Белый сформировал новое направление в науке — механику металлополимеров. Деятельность созданной им научной школы охватывает практически все аспекты механики металлополимеров: от поиска на атомномолекулярном и надмолекулярном уровнях физических и химических закономерностей взаимодействия отдельных элементов металлополимерных систем до создания научных принципов формирования новых композиционных материалов.

Широкий диапазон научных интересов В. А. Белого и его учеников способствовал развитию и ряда смежных областей знаний: структурной механики, теории адгезии, теории трения и изнашивания. Обнаружен ряд весьма важных эффектов в области механики металлополимеров: наследственное термоокисление, транскристаллизация, способность расплавов полимеров растворять металлы в окислительной среде. Получены принципиально новые научные данные о механике трения полимерных материалов, в частности, найдена связь молекулярной подвижности и образования свободных радикалов, эмиссионных явлений и фрикционных характеристик; изучен механизм фрикционного переноса; предложены новые методы управления фрикционными свойствами при взаимодействии твердых тел. Все это нашло отражение в монографиях В. А. Белого и его учеников: «Трение полимеров», «Трение и износ материалов на основе полимеров» (недавно англо-американским издательством «Пергамон пресс» опубликован английский перевод). В. А. Белый является автором 9 монографий и около 400 научных трудов, из них около 80 вышли в свет за рубежом.

Под руководством В. А. Белого разработаны новые методики и оригинальные приборы для изучения различных процессов в металлополимерных системах. Его теоретические исследования удачно сочетаются с большой практической и изобретательской деятельностью. Он автор многочисленных изобретений, имеет более 20 патентов в Англии, Франции, США, Японии, ФРГ, Италии, Швеции и т. д. Для изготовления композиционных материалов и изделий из них, в основе которых лежат изобретения В. А. Белого и его учеников, уже построены и строятся крупные промышленные предприятия, дающие большой технико-экономический эффект. Более 100 учеников Владимира Алексеевича стали активными изобретателями, двоим из них, как и самому В. А. Белому, присвоены почетные звания заслуженного изобретателя БССР.

За успехи в изобретательской деятельности Владимир Алексеевич Белый награжден почетной медалью «Техника—колесница прогресса», четырьмя золотыми медалями и почетными дипломами ВДНХ СССР. Он является членом Центрального Совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Академик В. А. Белый неоднократно выступал с научными и учебно-методическими докладами на многочисленных международных конгрессах и конференциях в ГДР, Англии, США, Франции, Японии, Польше, Италии, ФРГ, Югославии, на Кубе, Филиппинах и в других странах. Во Франции за научные достижения в области трибоники он удостоен почетных медалей имени Вокансона (1968) и Жаккара (1970).

В. А. Белый с 1973 г. возглавляет научно-техническую комиссию ГКНТ при Совете Министров СССР по сотрудничеству с Великобританией в области трения и износа. Всемирным центром анализа научных публикаций (США) отмечено весьма большое количество ссылок на научные работы В. А. Белого, что свидетельствует о их популярности у ученых различных стран.

Целью своей жизни Владимир Алексеевич считает подготовку кадров высшей квалификации. Среди его учеников более 50 докторов и кандидатов наук.

В 1969 г. Владимир Алексеевич Белый избирается членом-корреспондентом, затем действительным членом, а в 1973—вице-президентом Академии наук БССР.

В 1978 г. В. А. Белый назначается ректором Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. С этого времени благодаря настойчивости, уменью и энергии Владимира Алексеевича значительные изменения произошли в жизни университета. Возросло количество и повысилось качество публикаций и монографий, научных разработок, защищаемых авторскими свидетельствами СССР и патентами за рубежом. Если в 1977 г. было получено 82 авторских свидетельства, то в 1980—204, а количество авторов изобретений увеличилось с 319 до 532. Экономический эффект от внедрения научно-исследовательских работ возрос с 4,6 млн. руб. в 1977 г. до 23,6 млн. руб.—в 1981.

Существенно улучшилась подготовка кандидатов и докторов наук. Если в 1977 г. защитили диссертации на соискание степени кандидата наук 38 человек, то в 1981—105.

За высокие показатели в социалистическом соревновании среди ву-

зов страны университет трижды (1979, 1980, 1981 гг.) награждался Переходящим Красным Знаменем Министерства высшего и среднего специального образования СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Владимир Алексеевич Белый ведет большую общественную работу. Он член Центрального Комитета Компартии Белоруссии и депутат Верховного Совета БССР, в котором возглавляет комиссию по науке и технике. Избирался делегатом XXIV и XXVI съездов КПСС, ряда съездов Компартии Белоруссии, съездов профсоюзов.

В. А. Белый является активным борцом за мир. С докладами о миролюбивой политике Советского государства он выступает перед различными аудиториями в нашей стране и за рубежом. За активную деятельность в борьбе за мир он награжден двумя высшими наградами Советского комитета защиты мира.

Многогранна и общественно-научная деятельность В. А. Белого: заместитель председателя Научного совета АН СССР по трению и смазкам, член Комиссии Президиума АН СССР по физике и механике полимеров, член экспертного совета ВАК по машиностроению, председатель комиссии по премиям Ленинского комсомола Белоруссии, член научного совета по «Полимерным материалам в народном хозяйстве» ГКНТ Совета Министров СССР, член редколлегий ведущих академических журналов «Поверхность: физика, химия и механика», «Механика композитных материалов», а также «Бюллетень ВАК» и др.

Велика роль В. А. Белого в организации всесоюзного журнала АН СССР и АН БССР «Трение и износ», главным редактором которого он является. Журнал объединил усилия советских ученых в данной области и завоевал большой авторитет в нашей стране и за рубежом, о чем свидетельствует приобретение права на переиздание его в США на английском языке с целью распространения во всем мире.

Плодотворный труд академика АН БССР В. А. Белого высоко оценен Коммунистической партией и Советским правительством. Он награжден орденом Ленина, орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами Верховного Совета БССР.

Свое шестидесятилетие Владимир Алексеевич встретил в расцвете духовных сил и научного таланта. Неиссякаемость творческой энергии, научного потенциала и смелых замыслов Владимира Алексеевича вызывает восхищение. Поздравляя Владимира Алексеевича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, личного счастья, новых свершений на благо нашей Родины.

Д. Б. МЕЛЬЦЕР

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ И ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (К 100-летию со дня рождения Георгия Димитрова)

Георгий Димитров... Это имя неотделимо от нашей эпохи. Он был и остается одним из самых талантливых марксистов-ленинцев, непоколебимым борцом против капитализма и фашизма, выдающимся политическим деятелем. Вся его яркая жизнь — пример беззаветного служения светлым идеалам коммунизма, делу мира и прогресса. Л. И. Брежнев назвал великого сына болгарского народа Г. Димитрова одним «из виднейших теоретиков марксизма-ленинизма и деятелей международного коммунистического движения»¹.

Георгий Димитров родился 18 июня 1882 года в селе Ковачевцы Радомирской околии, недалеко от Софии, в трудовой семье. С юных лет познает нужду, лишения, бесправие. 12-летним мальчиком он оставляет школу и поступает в софийскую типографию, где вскоре становится квалифицированным наборщиком. В рабочей среде молодой Димитров получил трудовую закалку, первые уроки классовой пролетарской солидарности. Он много и упорно занимается самообразованием, изучает произведения болгарских и русских революционных демократов, впитывает мудрость идей К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, Д. Благоева.

Весной 1902 года 20-летний рабочий-печатник Г. Димитров вступает в ряды Болгарской рабочей социал-демократической партии. В развернувшейся в то время острой борьбе тесных социалистов с оппортунистами, отрицавшими классовую борьбу и выступавшими за сотрудничество с буржуазией, он сразу же занял революционную марксистскую позицию. В 1909 году Димитров избирается в состав Центрального Комитета, членом которого он оставался до конца жизни, в течение сорока лет.

Выдающиеся способности, бесстрашие, безграничная преданность интересам рабочего класса выдвигают Г. Димитрова в ряды наиболее авторитетных и любимых руководителей болгарского профсоюзного движения (с 1909 года — секретарь Общего рабочего синдикального союза). Он в самой гуще острых классовых битв в стране, возглавляет почти все крупные забастовки и массовые демонстрации трудящихся — политическую стачку рабочих в декабре 1905 года в защиту русской революции, забастовку горняков Перники в июне — июле 1906 года, выступления железнодорожников Русе, докеров Бургаса, текстильщиков Сливена, табачников Пловдива, печатников Софии и многочисленные другие схватки болгарского пролетариата.

В ноябре 1913 года болгарские рабочие послали Г. Димитрова своим представителем в Народное собрание (его избирают секретарем парламентской фракции партии тесных социалистов). Здесь проявился его яркий талант трибуна, смело и решительно разоблачавшего антинародную политику правящих кругов, последовательно защищавшего интересы трудящихся. Популярность Димитрова в массах, его безграничная верность делу пролетариата вызвали страх и беспокойство у болгарских правителей. Его неоднократно арестовывали. Когда в феврале 1914 года Димитрова в очередной раз схватила полиция, он писал жене: «Кто ищет спо-

койной жизни, тот не должен быть социал-демократическим деятелем. Неприятности нас не могут запугать»².

Восторженно встретил Г. Димитров Великую Октябрьскую социалистическую революцию, рассматривая ее как первую победу международного революционного пролетариата над капитализмом и империализмом, начало мировой революции. С этого времени он стал активным пропагандистом идей Великого Октября, организатором широкого движения солидарности болгарских трудящихся с Советской Россией. В конце 1919 года он возглавил 55-дневную стачку железнодорожников, которая переросла в первую в Болгарии всеобщую политическую забастовку.

Георгий Димитров сыграл важную роль в преобразовании партии техных социалистов в Коммунистическую партию и вступлении ее в III Коммунистический Интернационал (май 1919). Он был делегатом III конгресса Коминтерна и одним из учредителей Профинтерна.

9 апреля 1921 года состоялись встреча и беседа молодого болгарского революционера с В. И. Лениным³. Владимир Ильич с живым интересом следил за революционной борьбой болгарских трудящихся и расспрашивал Г. Димитрова о политическом положении в стране, о ее взаимоотношениях с соседними балканскими государствами, о врангелевцах, находившихся на ее территории. С особым вниманием Ленин слушал рассказ о деятельности БКП, Земледельческого союза, настроениях рабочего класса и крестьянства, их массовых выступлениях. Прощаясь с Г. Димитровым, В. И. Ленин сказал: «Желаю вашей партии и вам лично больших успехов. Мы не сомневаемся, что ваша партия и болгарский народ — верные друзья нашей Советской социалистической республики»⁴.

В сентябре 1923 года Г. Димитров возглавил вооруженное народное восстание — первое антифашистское выступление в Европе. Однако восстание потерпело поражение. Г. Димитрова заочно приговаривают к смертной казни. Преследуемый фашистскими властями, он вынужден эмигрировать. Расширяются масштабы его деятельности в международном коммунистическом и рабочем движении. Оставаясь руководителем БКП, Г. Димитров является также секретарем Президиума Балканской коммунистической федерации, членом руководящих органов Коминтерна и Профинтерна, много сил и энергии отдает укреплению и развитию революционного движения в европейских странах. Будучи ответственным секретарем постоянной комиссии Польско-прибалтийской группы секций ИККИ, он много внимания уделял деятельности Компартии Польши, и в частности КПЗБ. В январе 1926 года принял участие в III конференции Коммунистической партии Западной Белоруссии. Он высоко оценил деятельность Белорусской крестьянско-рабочей громады, подчеркнув, что «этот опыт может быть использован Болгарской коммунистической партией и другими компартиями аграрных стран Центральной Европы и Балкан...»⁵

В марте 1933 года Г. Димитров, в то время возглавлявший Западно-европейское бюро ИККИ, находясь в Берлине, по доносу был арестован. Как известно, фашистские заправилы — Гитлер, Геринг, Геббельс и другие, захватившие в январе 1933 года власть в Германии, организовали провокационный поджог рейхстага, чтобы потом обвинить в преступлении коммунистов и получить таким образом предлог для разгрома КПГ и уничтожения остатков демократии в стране. Главным обвиняемым они избрали Г. Димитрова. Смело, с революционной страстностью вступил он в схватку с кликой фашистов, разоблачая подлинных виновников и организаторов этого чудовищного злодеяния, подвергая беспощадной критике нацистский режим. Презирая смерть, Г. Димитров мужественно защищал великое дело рабочего класса, честь коммуниста-ленинца. «Верно, что я большевик, пролетарский революционер. — заявил он в своей речи на суде. — Борьба за диктатуру пролетариата и за победу коммунизма, бесспорно, составляет содержание моей жизни...»⁶ Трудящиеся всего мира с восхищением следили за мужественной борьбой Г. Димитрова в Лейпциге. «Он не побоялся бросить обвинение в лицо своим врагам, судившим его за отстаивание идей коммунизма. — писал народный поэт Белоруссии Я. Колас. — Из обвиняемого он превратился в грозного обвинителя»⁷. И вышел победителем в неравном поединке с гитлеровскими фашистами. Его пришлось оправдать. Беспремерный подвиг Г. Димитрова вдохновил миллионы людей всех континентов на борьбу против фашизма.

После лейпцигской эпопеи, когда болгарские буржуазные власти отказались выдать Г. Димитрову разрешение на въезд в родную страну, правительство СССР приняло его в советское гражданство и таким образом

вырвало из кровавых лап фашистских палачей. 27 февраля 1934 года он прибыл в Москву.

Георгию Димитрову принадлежит большая заслуга в разработке исторических документов VII конгресса Коминтерна. 2 августа 1935 года он выступил на нем с историческим докладом, вооружившим коммунистические партии идеей создания союза и единства действий революционных, демократических и прогрессивных сил в условиях наступления фашизма и реальной угрозы возникновения новой войны. Г. Димитрову был доверен высокий пост генерального секретаря Исполкома Коммунистического Интернационала. В течение восьми лет—до роспуска Коминтерна в 1943 году—он отдает свои силы, талант сложной и многообразной теоретической и практической деятельности по мобилизации и сплочению масс против фашизма и войны, за торжество коммунистических идей. «Мало **хотеть мира**,—писал Г. Димитров 1 мая 1936 года.—Надо **бороться за мир**... Борьба за сохранение мира в нынешних условиях—это борьба против **фашизма**, это борьба по сути дела **революционная**»⁸.

В годы второй мировой войны Г. Димитров много внимания уделял сплочению патристических сил различных стран вокруг коммунистических партий в общий фронт борьбы против гитлеровской Германии и ее сообщников. Он выступил инициатором создания Отечественного фронта, который сплотил все демократические, антифашистские силы Болгарии на борьбу против монархо-фашистского режима. В сентябре 1944 года, когда Красная Армия вступила на территорию Болгарии, трудящиеся массы под руководством партии коммунистов, возглавляемой Г. Димитровым, свергли господство буржуазии и взяли власть в свои руки.

В ноябре 1945 года Г. Димитров возвращается на родину после 22-летней вынужденной эмиграции. «Ставши во главе партии и государства,—писал позже товарищ Тодор Живков,—Димитров повел твердой и решительной рукою корабль родины к берегам социализма»⁹.

В последние и особенно напряженные годы своей жизни Г. Димитров свой огромный опыт, талант партийного и государственного деятеля, отдает болгарскому народу, делу строительства социализма в родной стране. Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Георгий Димитров, выступая на V съезде партии в декабре 1948 года, заявил, что «необходимо посредством индустриализации и электрификации страны и механизации земледелия добиться в течение 15—20 лет того, на что другим странам в других условиях потребовалось целое столетие»¹⁰. Трудящиеся массы под руководством БКП, выполняя заветы Георгия Димитрова, превратили Болгарию в развитую промышленно-аграрную страну с передовой индустрией, современным социалистическим сельским хозяйством и динамично развивающейся культурой.

Великий патриот, интернационалист Георгий Димитров был большим и верным другом Советского Союза. Он всегда рассматривал отношение к первой стране социализма как важнейший критерий пролетарского интернационализма. И сегодня актуальны сказанные Г. Димитровым сорок пять лет назад слова о том, что пробным камнем проверки искренности и чести каждого деятеля рабочего движения, каждой рабочей партии и организации трудящихся, каждого демократа в капиталистических странах является их отношение к Советскому Союзу, великой стране социализма.

В течение почти 12 лет, с февраля 1934 до ноября 1945 года, Георгий Димитров постоянно жил и работал в нашей стране, которую он считал второй родиной. В 1937 году трудящиеся Костромы избрали его депутатом Верховного Совета СССР. Выдающиеся заслуги Г. Димитрова отмечены высшей наградой Советского государства—орденом Ленина.

Для советских людей Г. Димитров остается великим поборником нерушимой болгаро-советской дружбы. Он говорил: «Нет и не может быть здравомыслящего болгарина, любящего свою родину, который не был бы убежден в том, что для национальной независимости и процветания Болгарии искренняя дружба с Советским Союзом не меньше необходима, чем солнце и воздух всякому живому существу»¹¹. Смысл этих слов, ставших крылатыми, является краеугольным камнем внешнеполитического курса НРБ. Как глава правительства Г. Димитров подписал 18 марта 1948 года советско-болгарский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот исторический документ стал мощным импульсом поступательного развития Болгарии, заложил основы для всеобъемлющего братского взаимодействия двух стран.

В приветствии Всенародному комитету болгаро-советской дружбы, по случаю его двадцатипятилетия, товарищ Л. И. Брежнев пишет: «Отрадно сознавать, что движение, у истоков которого стоял замечательный патриот и интернационалист Георгий Димитров, сегодня приобрело подлинно всенародный размах, органически впитало в себя лучшие традиции исторических связей между нашими народами, заняло достойное место в общественно-политической жизни социалистической Болгарии»¹².

Состоявшийся в марте—апреле 1981 года XII съезд БКП подтвердил решимость болгарских коммунистов и всего народа неуклонно идти путем Георгия Димитрова—путем всестороннего укрепления братских отношений с КПСС, с великой Страной Советов, с советским народом, путем строительства развитого социалистического общества в НРБ.

Героическая и благородная жизнь великого сына болгарского народа Георгия Димитрова, его неутомимая революционная деятельность всегда будут ярким примером того, как нужно жить и бороться за победу коммунистических идеалов.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом.— М., 1974, т. 4, с. 273.

² Димитров Г. Писма. 1905—1949.— София, 1962, с. 52.

³ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника.— М., 1979, т. 10, с. 295.

⁴ Работническо дело, 1966, 3 нояври.

⁵ Спомени за Георги Димитров (1882—1934).— София, 1971, т. 1, с. 300—301.

⁶ Димитров Г. Лейпцигский процесс: Речи, письма и документы.— М., 1961, с. 71.

⁷ Колас Я. Публіцыстычныя і крытычныя артыкулы.— Мінск, 1957, с. 464.

⁸ Димитров Г. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны.— М., 1939, с. 120, 126.

⁹ Жыўкаў Т. Камуніст лейскай гвардыі.— Звезда, 1972, 18 чэрвеня.

¹⁰ Димитров Г. Избранные произведения.— М., 1957, т. 2, с. 644.

¹¹ Там же, с. 21.

¹² Правда, 1982, 12 февраля.

В. К. КИСЕЛЕВ

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО РАЗВЕДКОЙ ПАРТИЗАН БЕЛОРУССИИ (июнь 1941—август 1943)

С первых дней агрессии фашистской Германии против первого в мире социалистического государства на временно захваченной врагом советской территории развернулось партизанское движение, организатором и руководителем которого являлась Коммунистическая партия, ее ЦК и подпольные партийные органы. Партизанские формирования создавались из рабочих, колхозников, представителей народной интеллигенции, военнослужащих Красной Армии. С каждым месяцем партизанское движение набирало силу, приобретало опыт борьбы с врагом, расширяло зоны деятельности, усиливало удары по захватчикам. Если в августе 1941 года в Белоруссии действовал 231 партизанский отряд, насчитывавший в своих рядах 12 тыс. человек, в том числе 1215 коммунистов, то через два года, несмотря на понесенные потери, с врагом сражались 89 бригад и 129 отдельных отрядов—более 86 тыс. человек, включая 8 тыс. коммунистов. Народные мстители с начала войны и до 1 августа 1943 года нанесли фашистам большие потери в живой силе и технике: подорвали 3703 эшелона, разгромили 562 штаба, гарнизона и опорных пункта, уничтожили 548 различных складов, вывели из строя до 267 тыс. захватчиков и их пособников¹.

Такой внушительный урон противнику советские патриоты смогли нанести, располагая хорошо организованной, высокоцентрализованной и широко разветвленной системой разведывательной службы, которая имела надежную двухстороннюю связь с руководящими органами советского тыла. Она не только обеспечивала командование партизанских формирований сведениями, необходимыми для быстрого и успешного проведения операций, но и давала разнообразные и точные данные для штабов советских войск. Компартия Белоруссии была политическим руководителем и организатором партизанского движения, что объективно обусловило подчиненность партизанской разведки ЦК и подпольным партийным комитетам в лице их чрезвычайных политических и военно-оперативных органов.

Важнейшим органом партийного руководства разведывательной службой партизан являлся Центральный Комитет КП(б)Б, действовавший на основе принципиальных указаний ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного Главнокомандования.

С первых недель войны ЦК КП(б)Б принимает энергичные меры для организации разведки. Директива СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 6 июля 1941 года обязывала все партийные и советские органы при формировании отрядов народного ополчения создавать группы для глубокой разведки в тылу врага. 12 июля в составе ЦК была организована группа связи и информации. Уже через 5 дней она стала выпускать информационные сводки, в которые включались сведения, полученные от советских граждан, вышедших из оккупированных районов. 18 июля ЦК КП(б)Б принимает постановление об усилении разведывательной работы в тылу противника. По инициативе Центрального Комитета была создана школа по подготовке партизанских кадров. В ней наряду с другими предметами преподавали основы разведывательного дела².

Осенью 1941 года, когда республика была уже полностью оккупирована гитлеровцами и развернулась битва за Москву, нарушилась регулярная связь ЦК с подпольными партийными органами и партизанскими отрядами. Для восстановления этой связи и получения сведений об обстановке в оккупированных районах предпринимались различные меры — опрос вышедших из этой зоны, посылка связных, донесения разведывательных отрядов. После поражения вермахта в битве под Москвой и выхода советских войск к восточным границам республики разведывательная деятельность резко активизировалась. В марте 1942 года были созданы Северо-Западная и Западная оперативные группы ЦК КП(б)Б. В их обязанности входил сбор разведанных путем проведения бесед с каждым прибывшим из тыла противника и организации рейдов разведывательно-связных групп для установления контактов с партизанскими отрядами и получения от них информации о противнике. За июнь — сентябрь 1942 года была установлена стабильная связь с 60 отрядами, действовавшими в Витебской, Минской, Могилевской, Гомельской областях, и получены сведения из Барановичской и Вилейской областей³.

Преобразование партизанского движения в 1942 году в массовое, укрупнение отрядов и объединение многих из них в бригады потребовало от разведслужбы большей четкости, централизации всей ее системы, дальнейшего усиления партийного влияния. По инициативе ЦК ВКП(б) 30 мая 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения, а 9 сентября утвержден Белорусский штаб партизанского движения (БШПД). Разведывательные отделы штабов партизанского движения возглавляли квалифицированные разведчики-коммунисты. ЦК производил тщательный отбор добровольцев-коммунистов в спецшколы для подготовки руководителей партизанской разведки. Только в 1942—1943 годах было подготовлено для Белоруссии 130 разведчиков, а в Белорусской школе — 90⁴.

Дальнейшему совершенствованию организации и деятельности партизанской разведки способствовал V Пленум ЦК КП(б)Б, проходивший 26—28 февраля 1943 года, в период коренного перелома в ходе войны после победоносного Сталинградского сражения. На нем были детально проанализированы достижения и недостатки разведслужбы народных мстителей. В постановлении Пленума, в частности, отмечалось: «Необходимо решительно усилить разведывательную работу в помощь Красной Армии, сообщать о передвижениях воинских частей, расшифровывать всю оборонительную сеть противника вокруг городов и на рубежах». Постановлением ЦК КП(б)Б от 23 апреля 1943 года об усилении разведывательной работы в партизанских отрядах Белоруссии в БШПД, подпольных обкомах партии, во всех бригадах и отрядах вводились должности заместителей командиров по разведке, кандидатуры которых утверждало Бюро ЦК. Для дальнейшего повышения уровня организации разведки во все областные соединения ЦК направил весной — летом 1943 года 11 опытных офицеров-коммунистов. Летом 1943 года Центральный Комитет направил ряд документов подпольным партийным комитетам и партизанскому командованию, в которых потребовал дальнейшей активизации разведки в связи с окончательным переходом стратегической инициативы к Советской Армии (в результате поражения гитлеровских войск под Курском) и приближающимся освобождением республики⁵.

На временно оккупированной территории Белоруссии партийное ру-

ководство разведывательной службой осуществляли подпольные обкомы. Они давали конкретные указания по различным вопросам ее организации и деятельности. В 1942 году действовало четыре подпольных обкома. Например, Витебский подпольный обком партии заслушивал информацию о ходе работы разведывательной службы в отрядах и бригадах, намечал конкретные меры по ее расширению и улучшению, занимался подбором и расстановкой руководителей разведки. Так, 8 октября 1942 года по решению обкома была создана бригада «За Советскую Белоруссию». Начальником ее разведки был назначен коммунист А. Сухушин. Ему разрешили отобрать в отрядах 8 человек для создания группы бригадной разведки. В январе 1943 года обком принял постановление об организации работы с комсомольцами и молодежью в оккупированных городах и райцентрах, в котором ставилась задача подобрать из их числа лиц, способных вести непрерывное тайное наблюдение за врагом и оперативно передавать все полученные данные в партизанские формирования⁶. Нередко подпольные обкомы партии непосредственно ставили задачи на проведение конкретных разведывательных операций. Так, в июле 1943 года Брестский обком поставил перед подпольной партийной организацией в Бресте задачу — дать план размещения в городе военных объектов и воинских частей. Вскоре штаб партизанского соединения получил схематические планы Брестского железнодорожного узла и города с обозначением военных объектов и системы ПВО врага, в том числе укреплений у железнодорожного моста через р. Мухавец⁷. О своем руководстве разведывательной службой и итогах ее деятельности подпольные обкомы отчитывались перед ЦК КП(б)Б.

Непосредственное партийное руководство партизанской разведкой осуществлялось через подпольные межрайкомы, горкомы и райкомы партии, которые, как правило, базировались при партизанских формированиях и были наиболее тесно связаны с разведорганами бригад и отрядов. Особенно активизировали они свою деятельность весной 1943 года после образования БШПД и еще пяти подпольных обкомов партии. Если к сентябрю 1942 года подпольных межрайкомов, горкомов и райкомов насчитывалось 37, то в августе 1943 года их было уже 127⁸.

В феврале 1943 года подпольный межрайком КП(б)Б Минской зоны принял решение ввести при 6 подпольных райкомах партии институт специальных уполномоченных, возложив на них обязанности по проведению разведки и обработке информации, а также по организации диверсий и ликвидации представителей оккупационных властей, вермахта и изменников Родины, осуществлению контроля за деятельностью особых отделов в отрядах и бригадах⁹.

Полоцкий подпольный райком партии 28 марта 1943 года постановлением «О подготовке к празднованию 1 Мая» обязал разведчиков неслабно вести наблюдение за гарнизонами противника, детально изучить систему его обороны, своевременно сообщать о всех изменениях в численности, вооружении и передвижении фашистских войск¹⁰.

Большое внимание все подпольные партийные органы уделяли подбору и расстановке кадров руководителей разведывательной службы партизан. Сюда направляли людей самых разных профессий, возрастов и национальностей, но одно было у них общее — большинство составляли коммунисты и комсомольцы. Если в феврале 1943 года среди заместителей командиров бригад и отрядов по разведке коммунисты составляли 42 %, комсомольцы — 38 и беспартийные — 20 %, то летом 1943 года, несмотря на увеличение в четыре раза разведаппарата партизан, коммунисты уже составляли 60 %, комсомольцы — 20 и 20 % являлись беспартийными¹¹. Таким образом, под руководством партии партизаны Белоруссии создали хорошо организованную разветвленную систему разведслужбы, которая смогла добиться значительных результатов в справедливой борьбе с фашистскими оккупантами.

¹ Очерки истории Компартии Белоруссии. — Минск, 1967, ч. 2, с. 318, 323; Киселев В. К. Партизанская разведка: Сентябрь 1943 — июль 1944. — Минск, 1980, с. 10—11.

² См.: Якубовский Н. А. В тыл врага. — Минск, 1979, с. 49, 53; Коммунист Белоруссии, 1977, № 7, с. 38; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 2, л. 204; оп. 33 а, д. 2, л. 38—39.

³ См.: Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1975, с. 9; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1236, л. 149—150; ф. 3500, оп. 3, д. 86, л. 5, 10, 17, 23; д. 129, л. 64.

⁴ См.: Якубовский Н. А. Указ. соч., с. 72, 78, 101, 111—112, 144.

⁵ См.: Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы.— Минск, 1973, т. 2, кн. 1, с. 184, 186, 299—300; Киселев В. К. Указ. соч., с. 14—15; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 214, л. 81, 84.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 29, д. 158, л. 43; оп. 33 а, д. 256, л. 138, 198—199; ф. 63, оп. 16, д. 2, л. 161 об.; ф. 3500, оп. 4, л. 95.

⁷ Там же, ф. 3500, оп. 4, д. 262; д. 302, л. 50; ф. 4290, оп. 2, д. 71, л. 19, 24.

⁸ Подпольные партийные органы..., с. 245, 248.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 71, л. 500; д. 660, л. 465—465 об., 474—475.

¹⁰ Там же, ф. 3806, оп. 1, д. 1, л. 93 об.

¹¹ Там же, ф. 3500, оп. 1, д. 11, л. 110—111, 112—123 об.

Л. Л. СМИЛОВИЦКИЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРТИИ БЕЛОРУССИИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИМИ КАДРАМИ, ПОВЫШЕНИЮ ИХ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЯ И МЕТОДИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА (1944—1952)

Восстановление и дальнейшее развитие среднего педагогического образования в Советской Белоруссии после ее освобождения от немецко-фашистских захватчиков во многом зависели от успешного решения проблемы подготовки преподавателей. Компартия Белоруссии, руководствуясь директивными указаниями ЦК ВКП(б), ленинскими принципами работы с кадрами, опытом, накопленным в ходе социалистического строительства, главное внимание обращала на подбор, выдвижение, правильную расстановку и воспитание кадров преподавателей.

В 1944/1945 учебном году в республике начали работу 23 педагогических училища с 412 преподавателями. В ряде училищ насчитывалось только 4—5 педагогов и комплектование преподавательских коллективов продолжалось на протяжении всего учебного года¹. Во многих педучилищах из-за отсутствия преподавателей не велись отдельные учебные дисциплины. Так, в Брестском, Лидском, Новогрудском, Кричевском, Слуцком педучилищах не преподавались музыка, рисование, физкультура, не проводились практические занятия в мастерских и на опытных сельхозучастках. В 1949 году из 27 училищ в 10 не преподавалось черчение².

Министерство просвещения БССР по согласованию с партийными органами осуществило ряд мер по восстановлению довоенных кадров преподавателей педучилищ. Работники средних педагогических учебных заведений отзывались с фронтов и партизанских отрядов, из районов советского тыла по персональным спискам. Возвращению педагогических кадров способствовала и досрочная демобилизация в 1945 году преподавателей всех учебных заведений. Всесоюзный Комитет по делам высшей школы (ВКВШ) приказом от 28 сентября 1945 года обязал все управления наркоматов, директоров вузов, техникумов и училищ обеспечить в течение месяца преподавателей, демобилизуемых из рядов Советской Армии и Военно-Морского флота, работой по специальности³. Еще в июле 1944 года ВКВШ на основании распоряжения СНК СССР издал приказ «О зачете в стаж работы преподавательского и учебно-вспомогательного состава вузов и техникумов времени пребывания в период Отечественной войны в Красной Армии и Военно-Морском флоте, в партизанских отрядах»⁴. Этим была повышена заинтересованность преподавателей в возвращении к педагогической деятельности.

Изыскивая новые источники пополнения преподавательского состава педагогических училищ республики, ЦК КП(б)Б обратился в ЦК ВКП(б) и Министерство высшего образования СССР с просьбой ускорить возвращение в БССР из других областей и республик преподавателей, ранее работавших в белорусских учебных заведениях⁵. Кроме того, по рекомендации партийных комитетов на работу в педагогические училища направлялись наиболее подготовленные работники государственных органов, учреждений культуры, учителя средних школ, выпускники вузов. Министерство высшего образования СССР в 1947 году направило на работу в педучилища республики 36 преподавателей⁶.

Все это позволило к началу 1950-х годов в основном решить пробле-

му обеспечения педагогических средних учебных заведений квалифицированными кадрами. Так, если в 1946/1947 учебном году в 28 училищах работало 555 преподавателей, то в 1951/1952—697⁷. В 1952 году 81 % преподавателей имели высшее и незаконченное высшее образование, а 96 % имели педагогический стаж пять и более лет⁸. 28 % преподавателей педучилищ республики составляли коммунисты⁹.

В послевоенные годы КП(б)Б уделяла большое внимание повышению квалификации педагогов. Так, в августе 1948 года отдел школ и вузов ЦК КП(б)Б совместно с Министерством просвещения БССР провели совещание директоров педучилищ, на котором обсуждались итоги 1947/1948 учебного года и работа преподавателей по повышению качества педагогической работы. В феврале 1949 года был проведен семинар, на котором преподаватели психологии, педагогики и руководители практики педучилищ республики обменялись опытом¹⁰. Эти и другие совещания и семинары принимали конкретные рекомендации по повышению квалификации педагогов.

Повышение квалификации преподавателей предполагало совершенствование их методического мастерства. С этой целью проводилась проверка наличия и качества у преподавателей поурочных и тематических планов, записей в классных журналах, практиковалось заслушивание отдельных преподавателей на партийных собраниях, в учебной части, на заседаниях предметно-методических комиссий, педсоветов, а также проведение открытых занятий с последующим их обсуждением. Академические занятия регулярно посещались председателями предметных комиссий, членами партбюро и администрации учебных заведений.

Многие преподаватели педучилищ добросовестно работали над повышением квалификации и методического уровня. Они принимали активное участие в разработке и создании учебных программ и планов, обсуждали конспекты и результаты посещений занятий своих коллег, помогали учащимся в изготовлении наглядных пособий, совершенствовали методику проведения занятий. Наилучших успехов в 1951/1952 учебном году добились В. А. Парахневич (Минское педучилище), В. Л. Жуковская (Гродненское), Е. М. Буланкова и З. А. Коробко (Лидское), Е. С. Бондаревич (Речицкое). А директора Брестского, Могилевского и Ганцевичского педучилищ готовились к защите кандидатских диссертаций¹¹.

Особенности послевоенного периода, вызванные трехлетней оккупацией территории Советской Белоруссии гитлеровцами, обострение борьбы на международной арене требовали усиления идейно-политического воспитания преподавателей учебных заведений. Вопросы идейной закалки кадров обсуждались на VI, VII и VIII пленумах ЦК КП(б)Б в феврале, июле и октябре 1945 года¹². В декабре 1947 года состоялся XV пленум ЦК КП(б)Б, обсудивший вопрос «О политической и идеологической работе среди интеллигенции»¹³. Пленум обязал партийные организации республики улучшить идеологическую работу среди педагогов, более активно вовлекать их в общественную работу, обеспечить «подлинно большевистское воспитание учащейся молодежи». Решения ЦК КП(б)Б были положены в основу деятельности партийных комитетов республики по повышению идейно-теоретического уровня преподавателей педагогических училищ республики. В 1947 году Мозырский РК КП(б)Б после проверки работы педучилища принял постановление «О состоянии идеологической работы среди учащихся и преподавательского состава педучилища»¹⁴. Дирекция и партийная организация Мозырского педагогического училища должны были организовать марксистско-ленинскую учебу преподавателей, создать постоянно действующий лекторий. В Волковысском педучилище 18 февраля 1950 года на партийном собрании обсуждался вопрос о марксистско-ленинском образовании преподавателей. Собрание обязало всех преподавателей составить индивидуальные планы политической учебы в соответствии с интересами, возможностями и уровнем подготовки каждого, регулярно посещать занятия кружка по истории ВКП(б). В ноябре 1950 года секретарь парторганизации училища Л. Е. Иванова доложила собранию, что кружок по истории партии работал регулярно, улучшились посещаемость и активность его слушателей. Коммунисты и беспартийные преподаватели предложили больше внимания уделять обсуждению вопросов текущей политики, практиковать проведение теоретических докладов и конференций¹⁵. Стройная система политической учебы действовала во всех педагогических училищах республики. Формы ее были разнообразны: теоретические семинары по проблемам философии, политэкономии,

истории ВКП(б), теоретические конференции, лекции, собеседования, районные вечерние партшколы. Повышению идейно-теоретического и образовательного уровня преподавателей педучилищ способствовало также привлечение их к чтению лекций на общественно-политические и специальные темы по линии Общества по распространению политических и научных знаний.

Таким образом, в 1944—1952 годах Компартия Белоруссии проделала большую работу по обеспечению средних педагогических учебных заведений республики кадрами преподавателей и улучшению их качественного состава. В результате к 1952 году в педагогических училищах республики работали высококвалифицированные, преданные делу партии и народа преподаватели.

¹ Партархив ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 17, д. 21, л. 12—19.

² ЦГАОР БССР, ф. 42, оп. 4, д. 262, л. 154; д. 32, л. 213.

³ См.: Бюллетень ВКВШ, 1945, № 9—10, с. 4—7; Государственный архив Минской области, ф. 3772, оп. 1, д. 1, л. 13—14.

⁴ См.: Бюллетень ВКВШ, 1944, № 7, с. 3.

⁵ См.: Соколов Н. К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР.— Минск, 1978, с. 35.

⁶ ЦГАОР БССР, ф. 42, оп. 4, д. 296, л. 146.

⁷ Там же, ф. 42, оп. 4, д. 271, л. 174; д. 318, л. 5; д. 374, л. 399.

⁸ Там же, ф. 42, оп. 4, д. 374, л. 399 — проценты подсчитаны автором.

⁹ Там же, ф. 42, оп. 4, д. 445, л. 9 — проценты подсчитаны автором.

¹⁰ Там же, ф. 42, оп. 4, д. 318, л. 8—10.

¹¹ Там же, ф. 42, оп. 4, д. 374, л. 578—580.

¹² См.: Очерки истории КПБ.— Минск, 1967, ч. II, с. 392.

¹³ См.: Советская Белоруссия, 1947, 10 декабря.

¹⁴ Партархив Гомельского ок КПБ, ф. 3723, оп. 10, д. 187, л. 169.

¹⁵ Партархив Гродненского ок КПБ, ф. 1274, оп. 1, д. 5, л. 16, 51.

А. А. РОЗАНОВ

О НЕКОТОРЫХ БУРЖУАЗНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ КУРСА КПСС НА РАЗРЯДКУ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В современной буржуазной «советологической» литературе значительный вес работ, в которых извращается внешняя политика КПСС и Советского государства. Чем сильнее благотворное воздействие внешнеполитических инициатив нашей партии на формирование международных отношений, чем весомее практические результаты советского «мирного наступления», тем массивнее и изощреннее нападки идеологов империализма на теорию и практику международной политики КПСС, на ее ленинский курс в мировых делах.

Анализ последних публикаций основных центров «советологии» США, Великобритании и других капиталистических стран показывает, что в том ее крыле, которое специализируется на вопросах внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, одной из ведущих является линия на искажение, фальсификацию разработанного и проводимого КПСС курса на разрядку, сотрудничество и разоружение.

Интерес буржуазных авторов к проблемам, связанным с разрядкой напряженности, с борьбой нашей партии за достижение и упрочение позитивных сдвигов в международных отношениях, вызван отнюдь не академическими соображениями, стремлением проникнуть в суть советской внешней политики, разобраться в ее теоретических основах, целях и принципах, в конкретных шагах нашей партии и государства на международной арене. Подавляющее большинство буржуазных исследователей сориентировано на то, чтобы представить историю разрядки в выгодном для Запада свете, очернить внешнюю политику КПСС, посеять недоверие к ней и тем самым идеологически подкрепить курс империализма на конфронтацию и взвинчивание гонки вооружений. Их подход к разрядке вообще, к линии КПСС в вопросах политической и военной разрядки в особенности имеет отчетливую классовую обусловленность.

Исходным пунктом буржуазных интерпретаций курса КПСС на разрядку международной напряженности служит утверждение, что со второй половины 60-х годов будто бы наметилась некая «трансформация» со-

ветской внешней политики, начался переход к «новому», «более умеренному», «прагматическому» курсу по отношению к капиталистическому миру¹. КПСС якобы «пересмотрела» политику мирного сосуществования, лишила ее «статуса фундаментальной политики» и взяла курс на разрядку².

В данном случае наши идейные противники пытаются спекулировать на том, что с середины 60-х годов внешняя политика КПСС поднялась на новый уровень, стала еще более активной и масштабной, а ее преобразующее воздействие на всю систему международных отношений значительно возросло. Но это — вовсе не результат какой-либо «ревизии» политики мирного сосуществования, ее «принижения». Напротив, выдвижение нашей партией на передний план своей международной деятельности борьбы за разрядку напряженности явилось дальнейшим развитием, конкретизацией этой политики применительно к новым историческим условиям, возникшим вследствие неуклонного изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма. «Нашей партией, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду, — накоплен огромный опыт борьбы за мир, за разрядку международной напряженности. Обогатились в результате и теория, и практика мирного сосуществования»³.

Разрядка и мирное сосуществование находятся в тесной взаимосвязи, взаимозависимости. По самой своей сути разрядка — это процесс внедрения в практику международных отношений ленинских принципов мирного сосуществования⁴. Закрепление, углубление разрядки, расширение ее диапазона, придание ей устойчивого, необратимого характера способствуют все более полному осуществлению, реализации принципов мирного сосуществования, их воплощению в международных договорах, соглашениях, в тех или иных формах сотрудничества государств с различным социальным строем.

Спектр разнородных трактовок буржуазными политологами и «советологами» курса КПСС на международную разрядку весьма широк. Кроме крайних, полюсных имеется множество промежуточных позиций, а также не вполне последовательных воззрений. Тем не менее, с известной долей условности, можно выделить два основных подхода буржуазных авторов к оценке советской политики разрядки: подход с позиций «антиразрядки», яркого антикоммунизма (Б. Крозье, Л. Шапиро, Р. Пайпс, Л. Лабек, Р. Конкуэст и др.) и подход с позиций «подлинной» разрядки, гибкого антикоммунизма (М. Шультман, В. Кульман, Г. Стайбел, К. Голдман и др.). Конечно, это — расхождения тактического порядка в рамках единой стратегической линии, направленной на дискредитацию внешнеполитического курса КПСС. Но было бы неверно их не учитывать, игнорировать, поскольку при первом подходе целью является доказательство «пагубности» или же «иллюзорности», «обреченности» любой разрядки напряженности в отношениях между Советским Союзом и капиталистическими странами, а при втором — невозможности «истинной» разрядки до тех пор, пока КПСС не откажется от проведения классовой, интернационалистской внешней политики и от решительной борьбы с буржуазной идеологией.

Для тех западных теоретиков, которые стоят на почве «антиразрядки», воинствующего антисоветизма, характерны использование традиционного идейного арсенала, созданного еще в период «холодной войны», перелицовка старых антикоммунистических догм с учетом новых факторов международных отношений. Они неустанно твердят об «экспансионизме», «агрессивности» СССР и соответственно препарируют разрядку как «вынужденную» для коммунистов фазу на пути к «мировому господству»⁵. В этом же русле лежат и утверждения о разрядке как «тактическом решении», «обходном маневре» Кремля⁶. Подобные измышления — составная часть стандартного набора обетшалых мифов империалистической пропаганды, предназначенных для раздувания антисоветского психоза.

Разнообразнее теоретический багаж тех буржуазных аналитиков, которые выдают себя за сторонников «подлинной» разрядки. Ими пущен в оборот тезис о том, что КПСС выступает лишь за «ограниченную», «поверхностную» разрядку, поскольку наша партия усиливает идеологическое наступление и оказывает действительную, всестороннюю помощь силам, борющимся за национальное освобождение и социальный прогресс. Идеологическая борьба на международной арене объявляется атрибутом «холодной войны», свидетельством «непримиримой враждебности», доказа-

тельством нежелания радикально улучшить отношения с Западом. Идеологическое противоборство, утверждает американский «советолог» М. Шульман, «устанавливает узкие рамки для процесса ослабления напряженности». Поддержка КПСС освободительной борьбы народов подается буржуазными авторами как подрыв стабильности международного сообщества.

Однако в действительности идеологическая борьба—явление объективное, отражающее противостояние на мировой арене двух антагонистических классов—рабочего класса и буржуазии. Она является атрибутом не «холодной войны», а всей эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму. Ущерб делу разрядки наносит не борьба идеологий, не мирное, честное соревнование идей и общественной практики, а проводимая империализмом «психологическая война», направленная на создание атмосферы подозрительности, недоверия, неприязни к народам социалистических стран, к политике коммунистических партий.

Что касается международной стабильности, то буржуазные теоретики в конечном счете понимают под ней сохранение социально-политического статус-кво, консервацию существующих социальных структур, увековечение политических позиций капитализма. Разрядка в этом контексте мыслится как средство замораживания угодных империализму порядков и институтов, как инструмент достижения классовых целей монополистической буржуазии, стремящейся остановить процесс обновления мира. Очевидно, что международная разрядка, рассматриваемая в плоскости такой «стабильности», невозможна, неосуществима, ибо процесс революционных по характеру и глобальных по масштабам общественных преобразований неодолим, неуклонен. «Разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы. Никто не может рассчитывать на то, что в условиях разрядки коммунисты примирятся с капиталистической эксплуатацией...», — подчеркнул XXV съезд КПСС⁸. Солидарность нашей партии с борьбой народов за свободу и прогресс общества не противоречит разрядке, поскольку последняя распространяется исключительно на сферу межгосударственных отношений.

Вопреки утверждениям «советологов» КПСС вовсе не против международной стабильности, если она рассматривается в плане сохранения и упрочения мира, предотвращения таких изменений международной ситуации, которые усиливают угрозу термоядерной катастрофы. Разрядка в марксистско-ленинском понимании как раз и представляет собой процесс преодоления «холодной войны», переход к устойчивым, ровным отношениям между государствами, когда разногласия и споры разрешаются не силой, не угрозами и бряцанием оружия, а мирными средствами, за столом переговоров.

Многие буржуазные авторы явно тяготеют к выискиванию в международной политике КПСС «двойного дна». В работах Т. Стэнли, Р. Румеля, Р. Кеннеди и др. выдвинута концепция «негармоничной», «противоречивой», «двойственной» политики разрядки, проводимой нашей партией. Утверждается, что КПСС и Советское государство, стремясь к разрядке на дипломатическом фронте, одновременно якобы предпринимают меры по наращиванию военного потенциала в целях достижения военно-стратегического превосходства. Разрядка, за которую борются коммунисты, преподносится как всего лишь «дымовая завеса», «фасад», прикрывающие действия, несовместимые с политической диалогом и переговорами.

Такие домыслы не имеют ничего общего с реальной действительностью. Подлинные намерения СССР ясно и недвусмысленно изложены в официальных партийных и государственных документах, в выступлениях руководителей партии и правительства. Никакой другой, параллельной и тайной внешней политики КПСС не существует. Курс на разрядку, сотрудничество и разоружение выражает миролюбивую сущность социализма как общественного строя, где нет классов, социальных слоев или профессиональных групп, заинтересованных в войне и экспансии. Он органически связан с главной целью внешнеполитической деятельности партии: обеспечить необходимые внешние условия для решения созидательных задач, рассчитанных на длительную перспективу. КПСС видит в разрядке путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства. Курс на разрядку—это не *modus operandi*, не конъюнктурная политика, не средство для «ослабления бдительности» Запада, как утверждают идеологи империализма, а принципиальная, твердая, последовательная линия КПСС в международных де-

лах, основанная на глубоком научном анализе факторов и закономерностей, определяющих главные тенденции мирового развития.

Уровень советского военного строительства обусловлен исключительно потребностями обороны с учетом географического положения страны и особенностей международной обстановки. Советский Союз считает, что для нужд обороны примерного равенства, паритета в соотношении военных сил СССР и США, Варшавского Договора и НАТО достаточно. Идея достижения военного превосходства чужда нашей партии и государству, да и само это понятие теряет смысл при наличии нынешних огромных арсеналов ядерного оружия. Надежды на такое превосходство возлагают те империалистические круги, которые не желают мириться со сложившимся военно-стратегическим равновесием и делают ставку на возврат к прошлому. «Мы не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой стороной,— указал XXVI съезд КПСС.— Это не наша политика. Но мы и не позволим создать такое превосходство над нами»⁹.

Идейные защитники империализма нередко пытаются «доказать», что КПСС будто бы не стремится к военной разрядке, к выработке радикальных мер по ограничению и сокращению вооружений, к реальному разоружению. Буржуазные политологи заявляют, что военная мощь Советского Союза — чуть ли не единственный фактор, определяющий международный авторитет СССР, его вес в решении проблем мировой политики. Разрядка в военной сфере, дескать, приведет к ослаблению влияния, падению роли Советского Союза в мире. Цель этих вымыслов ясна: создать такой психологический фон, на котором можно было бы безудержно взвинчивать гонку вооружений, раздувать милитаристские страсти, изображать мероприятия по созданию качественно новых систем и видов оружия как «вынужденные», вызванные «нежеланием» СССР вести дело к сокращению вооружений.

Роль и влияние Советского Союза в мире обусловлены прежде всего могуществом его экономического потенциала, органической целостностью и динамизмом социальной системы, несокрушимым внутренним единством, соответствием целей внешней политики КПСС объективно назревшим потребностям мирового развития. Да и сам оборонный потенциал нашей страны опирается на мощную производственную и научно-техническую базу. Успехи в осуществлении экономической, социальной и международной политики партии — вот что определяет рост международного авторитета СССР. Высокая обороноспособность Советского Союза является фактором, сдерживающим агрессивные устремления империализма, предохраняющим натовских стратегов от попыток силой решить в свою пользу исторический спор между противоположными общественными системами.

Суть подхода КПСС и Советского государства к вопросам военной разрядки, разоружения товарищ Л. И. Брежнев изложил следующим образом: «Нет такого вида вооружений, который СССР не был бы готов ограничить, запретить на взаимной основе по договоренности с другими государствами. Важно только, чтобы все делалось без нанесения ущерба безопасности кого-либо, на условиях полной взаимности государств, располагающих соответствующими вооружениями. Важно, чтобы стремление остановить гонку вооружений было искренним, а не показным»¹⁰. Нежелание Запада придерживаться принципа равенства и одинаковой безопасности, его расчеты получить односторонние преимущества — таково действительное, а не мифическое препятствие на пути к достижению существенных сдвигов на переговорах по ограничению и сокращению вооружений.

¹ From Cold War to Detente.— New York etc., 1976, p. 110, 117; Petrov V. U. S.— Soviet Detente: Past and Future.— Washington, 1975, p. 27; Detente and Peace in Europe.— Frankfurt-New York, 1977, p. 49; Soviet Foreign Policy Toward Western Europe.— New York etc., 1978, p. 58.

² Okazaki H. A Japanese View of Detente.— Lexington etc., 1974, p. 20.

³ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 79.

⁴ См.: Суслов М. А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Сборник выступлений. 2-е изд., доп.— М., 1980, с. 117.

⁵ Congressional Digest, 1975, N 10, p. 247; Crozier B. Strategy of Survival.— London, 1978, p. 11.

⁶ Defending America: Toward a New Role in the Post—Detente World.— New York, 1977, p. 209.

⁷ Shulman M. D. Toward a Western Philosophy of Coexistence.— Foreign Affairs, 1973, N 1, p. 56—57.

⁸ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 33.

⁹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 22.

¹⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи, приветствия, статьи, воспоминания. Т. 7.— М., 1979, с. 353—354.

В. В. ГЕРМЕНЧУК

ЗАБОТА ТРУДЯЩИХСЯ БЕЛОРУССИИ О БОЛЬНЫХ И РАНЕНЫХ КРАСНОАРМЕЙЦАХ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Решение проблемы медицинского обеспечения Красной Армии в годы гражданской войны осложнялось острейшей классовой борьбой, тяжелым экономическим положением и неблагоприятным санитарно-эпидемическим состоянием страны. В особенно трудном положении находились больные и раненые воины. «Все наши трудности и мучения—ничто по сравнению с тем, что выпало на долю раненому красноармейцу, проливающему кровь на защиту рабочей и крестьянской власти...»¹,—указывал В. И. Ленин. Не хватало врачей, лекарств, перевязочных средств, белья, обуви, одежды, продовольствия. В такой обстановке оказание действенной помощи больным и раненым было возможно только путем объединения усилий военного и гражданского аппаратов, привлечения к этому делу широких масс трудящихся.

Значительный вклад в решение этой задачи внесли партийные и советские органы неоккупированных областей Белоруссии. Работая в условиях прифронтовой полосы, они подчиняли всю деятельность интересам Красной Армии, фронта. В связи с нехваткой в армии медицинских кадров был объявлен призыв на военную службу врачей и среднего медицинского персонала. Только за 1918 и первую половину 1919 года в Красную Армию было мобилизовано 1810 медицинских работников². Если учесть, что в 1913 году в Белоруссии работало 1167 врачей и 2180 человек среднего медперсонала³ и их количество едва ли увеличилось за время первой мировой войны, то по мобилизации ушло в Красную Армию примерно 54 % всех медработников.

Недоставало и младшего медицинского персонала. Учитывая это, ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии принял решение о мобилизации в Красную Армию 50 % работниц, членов местных партийных организаций. Призыв Центрального Комитета нашел горячий отклик на местах. Комиссия работниц при Гомельском комитете РКП(б) на общем собрании 6 мая 1919 года постановила: «Продолжить на местах работу выбывающих на фронт товарищей-коммунистов, влить часть лучших сил в Красную Армию для пропаганды и морального воздействия, пополнить ряды красных сестер»⁴. Уже в апреле 1919 года отправила на Южный фронт 19 красных сестер комиссия работниц при Витебском губкоме РКП(б). В мае на призыв партийного комитета записываться в санитарный отряд откликнулось около 100 женщин. Из них было отобрано 40 человек для обучения оказанию первой медицинской помощи⁵. Курсы красных сестер открылись также в Минске, Гомеле, Могилеве и других городах.

Под особым контролем партийных и советских органов находились госпитали и лазареты. Создавались специальные комиссии из представителей партийных и советских органов, общественных организаций для обследования лечебных учреждений. По результатам их проверок принимались срочные меры для устранения недостатков. Например, Витебский губком РКП(б) в октябре 1919 года, заслушав сообщение комиссии о нехватке белья в госпиталях и лазаретах, принял решение организовать сбор белья и платья у населения, не останавливаясь перед реквизициями⁶. Во исполнение этого постановления межведомственное совещание в январе 1920 года решило реквизировать по уездам губернии 2,6 млн. аршинов мануфактуры и пошить из нее 50 тыс. комплектов белья⁷. В этом же месяце Витебский губпродком, в целях обеспечения больных и раненых красноармейцев усиленным питанием, обязал все советские коммунальные хозяйства, находящиеся в 10 верстах от города, доставлять в госпитали и лазареты 50 % ежедневного удоя молока. Молочный налог вводился и на частновладельческие хозяйства. Было решено создать и молочную ферму губпродкома на 120 коров⁸.

Партийные и советские органы в обеспечении больных и раненых питанием, в оборудовании армейских госпиталей и лазаретов широко использовали помощь и поддержку населения. Первый Речницкий уездный съезд сельскохозяйственных коллективов, например, постановил в январе 1920 года организовать в одном из хозяйств лазарет для легко раненых и больных красноармейцев. Коммунары взялись оборудовать его, организовать уход за больными, уборку, чистку и отопление помещений, стирку белья, приготовление пищи⁹. Крестьяне д. Верхне-Заборье Оршанского уезда отвели под лазарет на 120 мест три больших каменных дома и снабжали больных и раненых продуктами¹⁰. Дома отдыха и санатории для выздоравливающих воинов нередко содержались за счет средств, отчисляемых рабочими и крестьянами.

Важное значение в организации помощи больным и раненым красноармейцам имели проводимые по инициативе партийных организаций субботники и воскресники, такие агитационные мероприятия, как «День помощи больным и раненым красноармейцам», «Неделя фронта», «Неделя трудового фронта», «Неделя помощи красноармейцам тыла», «Неделя казармы». Подобные мероприятия получили распространение в 1919 году. Принципиальное значение в этой связи имела статья наркома здравоохранения Н. А. Семашко «Партия и военно-санитарное дело», опубликованная в газете «Правда» 4 сентября 1919 года. В ней нарком призывал, чтобы о больных и раненых красноармейцах заботились не только специально на то поставленные работники, но и все члены партии, все сочувствующие Советской власти. Везде раненые должны встречать внимательное, ласковое, товарищеское отношение. Забота о них должна стать делом всего трудящегося населения. С этой целью предлагалось провести во всех губернских и уездных городах дни и недели помощи больным и раненым красноармейцам.

Первыми, 2 ноября 1919 года, провели «День раненого красноармейца» рабочие Москвы. 16 ноября 1919 года такой день был проведен в Витебске¹¹. Хорошо продуманная организация и большая агитационно-массовая работа позволили оказать больным и раненым разностороннюю помощь. Рабочие и крестьяне производили ремонт и уборку помещений госпиталей и лазаретов, чинили обувь и белье, изготавливали оборудование и мебель, собирали продукты и одежду. Нередко рабочие и служащие отчисляли в фонд помощи однодневный заработок.

В связи с активизацией боевых действий на Западном фронте весной 1920 года значительно увеличился приток раненых в Белоруссию. Если в январе 1920 года в госпиталях Витебска было 2800 красноармейцев, то к сентябрю их численность возросла до 20 тыс.¹² ЦК РКП(б) и ВЦСПС обратились ко всем партийным, комсомольским и профсоюзным организациям со специальным воззванием, в котором отмечалось, что новая кровопролитная война на польском фронте вызывает значительные потери Красной Армии больными и ранеными. Необходимо организовать хорошее лечение раненых, окружить их заботливым уходом, обеспечить усиленное питание и удовлетворение всех бытовых и духовных потребностей. Все железнодорожные вокзалы, распределительные пункты, госпитали и все места, в которых находились больные и раненые, были отнесены к трудовому фронту¹³.

В этот период в Белоруссии создаются комиссии помощи больным и раненым красноармейцам. В их состав входили представители партийных и советских органов, профсоюзов, комсомола. Комиссии помощи активно действовали в Витебске, Гомеле, Минске, Орше, Рогачеве, Жлобине и многих других городах. О содержании их работы свидетельствует деятельность созданной 20 мая 1920 года Витебской губернской комиссии помощи больным и раненым красноармейцам. Она состояла из 5 секций: эвакуационной, продовольственно-хозяйственной, лечебно-воспитательной, культурно-просветительной и контрольно-финансовой. Комиссия сформировала для посадки и разгрузки больных и раненых на приемных пунктах 10 санитарных отрядов, по 18 человек в каждом, из членов РКСМ, представителей женотдела и пожарной команды. У пристани на Двине были оборудованы пункт питания на 200 мест, читальня и клуб. В 13 верстах от города был открыт для раненых санаторий «Сосновка». В Шарковщине население вручило раненым и больным красноармейцам свыше 2 тыс. подарков. Подарки преподносили и раненым проходящих санитарных поездов. Во всех госпиталях губернии комиссии организовывали митинги, концерты, беседы, обеспечивали раненых литературой.

Партийные и советские органы, направляя в комиссию помощи наиболее способных и инициативных работников, оказывали им всяческое содействие и значительную материальную помощь. Так, Гомельская губернская комиссия в июле 1920 года получила от ревкома для своих нужд миллион рублей¹⁴. Однако главным источником средств были пожертвования трудящихся. Витебская губернская комиссия, например, с 20 мая по 1 октября 1920 года получила от центральных органов 100 тыс. рублей, а помощь рабочих и крестьян составила более 9,6 млн. рублей¹⁵. Показателен такой факт. 26 сентября 1920 года крестьянин д. Гололобовка Мстиславского уезда Максим Трусов на митинге, посвященном организации помощи больным и раненым, пожертвовал тысячу рублей и обратился к собравшимся с призывом последовать его примеру. Крестьянин заявил, что его единственный сын сражается на фронте в рядах красных бойцов и он гордится этим¹⁶. Население сдавало в комиссию продукты питания, одежду, обувь, белье и другие вещи. Например, к 31 августа 1920 года в Гомельскую уездно-городскую комиссию по проведению «Недели помощи фронту» поступило: от губсоюза 2 ящика спичек и 10 пудов махорки; от сельхозкредита—100 пар лаптей и 100 деревянных ложек; от главпродкома западных железных дорог—20 пудов сахара; от профсоюза парикмахеров—10586 рублей¹⁷. Это было наглядным подтверждением нерушимого единства армии и народа, которое сложилось и окрепло в годы гражданской войны.

В этот период партийные и советские органы совместно с военными организациями развернули широкую кампанию по предупреждению заразных заболеваний. Среди красноармейцев читались лекции, проводились беседы по борьбе с эпидемиями, устраивались «Недели санитарной пропаганды», распространялась соответствующая литература. Так, летом 1919 года во всех воинских частях Гомельского гарнизона школьные инструкторы читали лекции по санитарии и гигиене, два раза в неделю в гарнизонном клубе выступали врачи. Осенью 1920 года при Витебском гарнизонном клубе совместными усилиями губздраводела и военсанпросвета был открыт зал санитарного просвещения, а в Гомеле начал работу Красноармейский медицинский университет. Большим успехом у красноармейцев пользовалась передвижная санитарная выставка агитпоезда «Красноармеец» политуправления Западного фронта. Много внимания уделяла этим вопросам местная партийная и советская печать.

Политическую и культурно-просветительную работу с больными и ранеными красноармейцами в госпиталях и лазаретах вели назначенные партийными комитетами комиссары, рабочие, агитаторы и пропагандисты. Так, Витебский губком РКП(б) в мае 1920 года направил в распоряжение комиссара 143-го эвакопункта 10 агитаторов, 25 комсомольцев, а комиссии работниц было поручено организовать в госпиталях постоянное дежурство женщин-коммунисток¹⁸. В госпиталях и лазаретах Белоруссии было организовано обучение больных и раненых грамоте. Для них открывались клубы, библиотеки-читальни, проводились лекции, митинги и концерты. В. И. Ленин говорил, что «всякий шаг помощи, которая оказывается Красной Армией в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев... всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной Армии, в укрепление их настроения, в уменьшение числа болезней и в увеличение наступательной способности»¹⁹. Можно без преувеличения сказать, что благодаря активному участию рабочих и крестьян в медицинском обеспечении Красной Армии в годы гражданской войны и интервенции были спасены тысячи красных бойцов и командиров.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 156.

² См.: Селиванов П. А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты.— Минск, 1973, с. 57.

³ См.: Врачебное дело, 1972, № 11, с. 1.

⁴ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель—май 1919 г.): Сборник документов.— М., 1972, т. VII, с. 338.

⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 390, оп. 1, д. 32, л. 236; ГА г. Полоцка, ф. 420, оп. 1, д. 32, л. 507.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 390, оп. 1, д. 27, л. 84.

⁷ ГА Витебской области, ф. 2268, оп. 1, д. 15, л. 73.

⁸ Там же, ф. 2262, оп. 1, д. 200, л. 4, 5.

⁹ ГА Гомельской области, ф. 375, оп. 1, д. 13, л. 6.

¹⁰ См.: Беднота, 1920, 22 января.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 16, л. 95, 100.

¹² Известия Витебского губсовета, 1920, 28 января; 4 сентября.

¹³ Из истории гражданской войны в СССР.— М., 1961, т. 3, с. 174—175.

¹⁴ ГА Гомельской области, ф. 428, оп. 1, д. 207, л. 82.

¹⁵ ГА Витебской области, ф. 2268, оп. 1, д. 47, л. 202, 201.

¹⁶ См.: Думы бедняка, 1920, 1 октября.

¹⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 40.

¹⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 390, оп. 1, д. 79, л. 23.

¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 332—333.

А. М. БАБКОВ

ГЕРМАНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ЗАХВАЧЕННОЙ В 1918 ГОДУ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Вероломно нарушив условия Брестского перемирия, войска кайзеровской Германии оккупировали зимой-весной 1918 года большую часть территории Белоруссии. Цель германской интервенции заключалась в открытии Белоруссии от Советской России, ликвидации Советской власти и превращении ее в аграрно-сырьевой придаток Германии. Однако напуганные размахом революционно-освободительной борьбы белорусского народа германские империалисты вынуждены были оправдывать вторжение демагогическими заявлениями о стремлении предоставить белорусскому народу самоуправление. О том, какой смысл германское командование вкладывало в понятие «самоуправление», говорят публикации издававшегося им в Вильно «Военного Вестника», в которых белорусскому народу обещали создание «своего национального государства, монархического и союзного Германии». ¹ «Вестнику» подпевала газета «Гоман», отражавшая взгляды белорусских буржуазных националистов, готовых стать прислужниками оккупантов. С целью насаждения белорусского сепаратизма немецкая оккупационная администрация использовала также пропаганду проекта «возрождения Великого княжества Полоцкого». ²

Германские империалисты особое внимание уделяли усилению идеологической обработки белорусского народа. Громогласно заявляя, что защищают местное население «от анархии и большевиков», они пытались получить со стороны местного населения поддержку своей оккупационной политике, не спрашивая, нужна ли белорусам такая «защита».

На захваченных белорусских землях оккупанты создали новую администрацию, которая должна была содействовать укреплению диктатуры немецкой военщины в целях ограбления населения и его идеологической обработки. Старое губернское административно-территориальное деление отменялось и учреждалось корпусное. Согласно § 5 «Распоряжения об устройстве Военного Управления во вновь оккупированной области», из захваченных частей бывших уездов и волостей создавались новые уезды и волости ³. Высшей инстанцией оккупационного управленческого аппарата являлось Обер-Командо во главе с лядесгауптманом. Для управления областями создавались Генерал-Командо во главе с бециркгауптманами. Управление уездами и волостями осуществляли командо под руководством крейсгауптманов и амтгауптманов. Повсеместно учреждались немецкие комендатуры. Лядесгауптман, бециркгауптманы и крейсгауптманы занимались главным образом административной работой. Все другие представители управленческого аппарата выполняли административные функции одновременно с военной службой. Организаторы «германского порядка» надеялись таким образом обеспечить не только постоянный и методичный грабёж населения, но и установить за ним повсеместную слежку.

Германские оккупанты стремились использовать в своих грабительских интересах не только военную администрацию, но и бывшие городские думы и земские управы. В них заняли господствующее положение возвратившиеся вместе с интервентами помещики и капиталисты. Восстановленным органам буржуазного самоуправления отводилась роль безгласных исполнителей приказов и распоряжений немецких военных. Попытка Минской городской думы высказать малейшее несогласие с незаконными арестами оккупантами населения и лишением его элементарных политических прав привела к ее роспуску. Распоряжением командующего 10 армией генерала Фалькенгайна от 31 мая функции Минской думы перешли к управе, состоявшей из городского головы и членов

управы (штадтратов). При этом как городской голова, так и штадтраты назначались командующим по предложению коменданта. Обсуждение важнейших вопросов города возлагалось на Совет доверенных лиц, решение которого имели совещательный характер. Окончательное решение принимали только германские власти⁴. Для урегулирования взаимоотношений немецких властей и населения был учрежден институт поветовых (уездных) старшин. Они должны были работать в контакте с немецкими начальниками уездов и комендантами. Милиция была выведена из подчинения городским властям, она наделялась полицейско-политическими функциями для оказания помощи германским оккупационным властям в карательных действиях. Минский штадтгауптман Кунат Израэл сообщал, что «переход милиции под командование градоначальника или полицмейстера последовал по распоряжению Минской комендатуры с согласия Главнокомандующего III резервным корпусом»⁵.

Распоряжения оккупационных властей унижали достоинство населения: были введены телесные наказания, ограничивалась свобода передвижения. Так, приказом коменданта волости Старое Село местным жителям разрешалось ходить из одной деревни в другую только днем. За пропуск нужно было платить 1 рубль и вносить залог 10 рублей. Приказ обязывал население волости кланяться немецким офицерам⁶. Всякая политическая деятельность запрещалась. Отменялись свобода слова, печати, собраний. Вводилась предварительная цензура. Закрывались даже кадетские газеты «Минская мысль», «Бобруйский курьер». По распоряжению Фалькенгайна были преданы суду члены центрального бюро профессионального союза рабочих и служащих, объединявшего до 10 тыс. человек. Немецкий язык объявлялся языком не только официального общения с местным населением, но и служебной переписки. Так, немецкий полицмейстер Минска отказался принять корреспонденцию губернской земской управы только потому, что «закрывающаяся в ней переписка изложена на русском языке»⁷. Однако убедившись, что распоряжения на немецком языке большинству населения непонятны, германское командование вынуждено было разрешить печатание распоряжений также на русском, белорусском, еврейском, польском языках. Грубо нарушая международные правовые нормы, оккупанты отправляли местное население на принудительные работы в Германию. Только из Минска было принудительно отправлено 15 тыс. человек⁸.

На оккупированной территории захватчики также широко практиковали принудительный труд. В Минской губернии была проведена регистрация мужского населения. 9 апреля Минской немецкой комендатурой были расклеены объявления, в которых говорилось об отправке городских жителей на работы в сельскую местность «в целях обеспечения города продовольствием»⁹. На самом деле преследовались другие цели: выкачать из белорусского села как можно больше продовольствия не только для нужд оккупационной администрации, но и для поставок в Германию. В отдельных местностях узаконивались постоянные 2—3-дневные барщинные отработки на помещичьих полях. Население бесплатно ремонтировало дороги, мосты. Зажиточные слои населения были освобождены от выполнения трудовой повинности. В важнейших для военного времени отраслях (железнодорожном транспорте, лесном хозяйстве и некоторых других) интервенты ввели мизерную оплату труда для местных жителей. Широко применялись женский и детский труд. Продолжительность рабочего дня составляла в среднем 10—12 часов¹⁰.

Германские империалисты установили жесточайший режим произвола и насилия. Население оказалось вне закона. Наряду с германскими военными судами восстанавливались дореволюционные суды. Высшей гражданской судебной инстанцией в уезде являлся немецкий начальник уезда. Полномочия старых судов были сильно ограничены: из их ведения изымались административные дела. Политические дела рассматривали только германские власти.

Тяжелым бременем на плечи белорусского народа легли налоги. В Белоруссии оккупационная налоговая система должна была не только покрывать расходы на содержание немецкой военной администрации, но и служить источником обогащения интервентов. Они привлекли к грабежу населения волостные, земские управы. Оккупационные власти налагали также на население единовременные платежи. Например, с Полоцкого уезда было запланировано взыскать 500 тыс. рублей. На лиц, не уплативших в срок сбор, налагался штраф в размере 10 % суммы плате-

жа за каждую просроченную неделю¹¹. Широко применялась косвенная система грабежа. Захватчики ввели ряд новых налоговых сборов: военный налог на публичные зрелища, канцелярский и квартирный сборы. Распоряжением командующего 10-й армией все налоги и подати с 10 июля исчислялись в оккупационных рублях¹². По замыслам германских экономистов, это должно было оградить Германию от курсовых потерь и выкачать из Белоруссии как русскую, так и немецкую валюты.

Наиболее разорительными для белорусского населения оказались реквизиции. В Центральном государственном историческом архиве БССР в Минске сохранились разнообразные документы о принудительном изъятии у населения продовольствия, сырья. Продажа продовольствия и кормов частным лицам запрещалась. Для населения устанавливались минимальные нормы продовольственных пайков. По распоряжению командующего III резервным корпусом Бредова удовлетворение потребностей населения допускалось в следующих размерах: 225 г зернового хлеба и 50 зерновой смеси, 300 г картофеля—ежедневно, 150 г мяса или рыбы на душу населения—еженедельно¹³. В селах расклеивались приказы, запрещавшие жителям без разрешения германских властей приступать к покосу, сбору овощей и фруктов. Реквизиционные поставки достигали огромных размеров. Так, по требованию оккупантов Борисовский уезд должен был поставить им 900 тыс. пудов ржи, 300 тыс. пудов ячменя, 38 тыс. пшеницы, 800 тыс. овса, 600 тыс. пудов картофеля. Такие размеры поставок оказались непосильными, так как Борисовский уезд (как и вся Минская губерния) являлся потребляющим даже в мирное время. До войны среднегодовой ввоз зерна в Борисовский уезд превышал вывоз на 395 тыс. пудов. Койдановская волость Минского уезда должна была поставить 113 тыс. пудов ржи, что составляло 60 % сбора урожая. После такой реквизиции в крестьянской семье оставалось на год 3,5 пуда хлеба¹⁴. Реквизиции превратились в губительный для населения грабёж. За изъятые продукты, сельскохозяйственное сырьё крестьянин получал квитанции и (в редких случаях) денежную компенсацию, которая далеко не соответствовала стоимости реквизированных продуктов. Так, в июле—октябре 1918 года 438-й полк реквизировал у населения Дудичской волости Речицкого уезда сельхозпродукты, стоимость которых составила 45 178 рублей, а сумма компенсации—около 7 955 рублей¹⁵. За счет реквизиционных поставок обеспечивались нужды не только германской армии, оккупационной администрации, но и внутренние потребности Германии.

Военно-колониальная политика германского империализма нанесла большой ущерб белорусскому народу, способствовала росту нищеты, голода и болезней. Но планы империалистической Германии по окончательному закабалению Белоруссии вскоре потерпели крах. Обострение классовой борьбы внутри Германии, военные поражения и революционизирование армии, успешный освободительный поход Красной Армии, усиление партизанской борьбы в Белоруссии, Литве, на Украине привели к поражению немецких захватчиков и освобождению населения оккупированных ими территорий.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 4, оп. 1, д. 18, л. 26.

² Дзяніца, 1918, 3 июля.

³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 1, д. 1095, л. 190.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 7059, л. 30.

⁵ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 3678, л. 143.

⁶ Там же, л. 87, 131.

⁷ Там же, л. 53.

⁸ См.: Гісторыя Беларускай ССР.—Мінск, 1973, т. 3, с. 117.

⁹ Борьба за Советскую власть в Белоруссии: Сборник документов и материалов.—М., 1968, с. 170.

¹⁰ Библиотека Академии наук Литовской ССР: Отдел рукописей, ф. 21—862, л. 3.

¹¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2564, оп. 1, д. 262, л. 24.

¹² Государственный архив Минской области, ф. Р-213, оп. 1, д. 24, л. 42.

¹³ См.: Разгром немецких захватчиков в 1918 году.—М., 1943, с. 131.

¹⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 1, д. 1142, л. 120.

¹⁵ Красный архив, 1938, № 6, с. 98. (Подсчитано автором.)

**РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ БЕЛОРУССИИ
В ПЕРИОД КРИЗИСА КРЕПОСТНИЧЕСТВА
(40—50-е годы XIX века)**

Во второй четверти XIX века в Белоруссии, как и во всей России, процесс разложения феодально-крепостнической системы проходил особенно быстро. Помещичье и крестьянское хозяйства все шире втягивались в рыночные отношения, развивалась как вотчинная, так и капиталистическая мануфактурная промышленность, значительно выросло население городов. Все это вело к расширению внешней и внутренней торговли. Для этого времени характерно расширение торговых связей с Украиной и разными губерниями России, увеличение количества вывозимых товаров, вызванное усиленным развитием товарно-денежных отношений. Довольно четко определились и изменения в составе белорусского вывоза в целом и по отдельным районам сравнительно с началом XIX века, что обуславливалось начавшейся хозяйственной специализацией.

Во внешней торговле важнейшую роль играли речные пути. Поэтому на основании сведений о количестве и ценности грузов, прошедших по главным рекам, можно в целом судить о характере внешней торговли Белоруссии (см. таблицу).

**Стоимость грузов по губерниям Белоруссии
(40—50-е годы XIX века)**

Годы	Витебская	Могилевская	Минская	Гродненская	Итого по Белоруссии
1842	2071173	635208	6462908	682791	9852070
1844	2913252	877990	3144722	1830358	8766322
1847	5606321	1393737	4930255	3016679	14946992
1850	7483164	1459430	3740538	3994179	16677311
1854	7454406	1245514	8912173	1684953	19297046
1857	9512635	1190111	5342549	1440000	17485295
1860	9687696	1214544	6249846	908749	18060835

Общая стоимость перевезенных по рекам товаров с начала 40-х по 1860 год выросла почти в два раза. Особенно большой рост внешнеторговых перевозок наблюдался в Витебской губернии (более чем в четыре раза) и Могилевской (в два раза). Возрос вывоз в Ригу, куда была отправлена большая часть товаров из Витебской губернии и частично из Могилевской и Минской; Могилевская губерния также увеличила продажу товаров на Украину. Почти половина всей стоимости грузов приходилась на вывоз по Западной Двине в Ригу; около $\frac{1}{3}$ — на вывоз из Минской губернии: по Березине, Припяти и Днепру — на Украину, по Пине и Неману — главным образом за границу.

К пристаням Западной Двины подвозились по сухопутным путям и ее притокам различные сельскохозяйственные продукты, закупленные как в Витебской, так и привезенные из Могилевской, Смоленской, Минской губерний, а также с Украины.

Витебская губерния к 40—50 годам определилась как поставщик на внешний рынок льна и льнопродуктов. «Главный предмет внешней торговли, — подчеркивается в отчетах губернаторов, — составляет лен». Лен вывозится в Ригу. В 40—50-е годы выделялось в губернии для продажи на 600 тыс. — 1 млн. руб. льноволокна, помимо семени и масла¹. Зерновой хлеб, — говорится в отчетах этого периода, — здесь не считается предметом внешней торговли. Его даже в урожайные годы едва хватает на продовольствие жителей². В отчете за 1857 год четко определяются предметы внешнего вывоза из Витебской губернии: «Зерновой хлеб, кроме овса, из границ губернии почти не вывозится и даже недостаток ржи для винокурения пополняется приобретением его из других мест. Денежные же выручки доставляет лен и льняное семя, лес и дрова»³.

Большая часть товаров привозилась по Западной Двине из соседних губерний. «Нельзя определить количества и ценности всех произведений Витебской губернии, отправляемых в Ригу, — говорится в хозяйственном обозрении губернии за 50-е годы, — потому что большая часть сплавляемого леса и нагруженного на барки и струги товара покупается в соседних губерниях и доставляется зимою на места нагрузки на санях или весною — по речкам, впадающим в реку Двину»⁴. В Смоленской губернии закупались лес, пенька, овес, мука, крупа, постное масло, сало; в Минской — разный лес; в Псковской — лен; в Могилевской — льняное семя, пенька, а также лес; из Черниговской губернии ежегодно зимою подвозилось большое количество табаку⁵. За границу — в Дандиг и Кенигсберг — из Белоруссии, главным образом из Гродненской и Минской губерний, реками Неман и Западный Буг вывозилось в 40 — 50-е годы также большое количество сельскохозяйственных продуктов, леса и изделий из него.

В вывозе Гродненской губернии в этот период большое место занимал зерновой хлеб. В отчетах губернаторов указывается, что «закупка и продажа хлеба для заграничного отпуска» составляла «главный предмет оборотов купечества»⁶.

«Гродненская губерния, — указывается в хозяйственном обозрении, — принадлежит к разряду стран, производящих достаточное количество хлеба, так что за внутренним потреблением и за остатком для посевов часть хлеба сбывается за границу. Хлебная торговля производится в довольно обширных размерах: из Гродно, Слонима, Бреста и Мостов ежегодно отправляется водою до 250 тыс. четвертей хлеба»⁷. О значении хлеба в вывозе свидетельствует тот факт, что уменьшение его вывоза вследствие неурожая 1844 — 1845 годов сократило грузооборот по Неману и Щаре в 2,5 раза (с 870 тыс. руб. в 1845 году до 380 тыс. руб. в 1846)⁸.

Кроме хлеба значительную статью вывоза составляли строевой и дровяной лес, затем пенька, лен, льняное семя, водка, а также овечья шерсть и сукно производства местных предприятий⁹. Появление в составе вывоза и увеличение значения шерсти было вызвано быстрым развитием в губернии тонкорунного овцеводства. В отчетах губернаторов, начиная с конца 30-х годов, подчеркивается, что «шерсть составляет весьма значительную статью дохода»; продавалась она в основном в Варшаву¹⁰. Заметную долю во внешней торговле Гродненской губернии 40 — 50-х годов стали занимать сукна и другие изделия местного производства. Кроме сукна, сбываемых главным образом в Вильно, Минск, Митау, Динабург, Киев, Петербург и другие города Российской империи, продавались в соседние губернии и в Царство Польское кожи, медные изделия¹¹.

Основная часть вывозимых из Минской губернии за границу товаров приходилась на южную речную систему (Припять — Пина — Днепро-Бугский канал — Буг); ведущее место здесь занимала Пинская пристань. Сюда с Украины прибывали суда с пшеницей, табаком, солью, сахаром. Продукты частью продавались в губернии, частью (в основном хлебопродукты) отправлялись далее, за границу. За 5 лет (1855 — 1860) на Пинской пристани было погружено и отправлено разных товаров на сумму до 10 млн. руб., т. е. отправлялось в среднем за год на 2 млн. руб. Разного хлеба за пять лет было привезено и отправлено за границу на сумму свыше 3300 тыс. руб., т. е. ежегодно в среднем на 550 — 560 тыс. руб., семени льняного — на 70 тыс. руб., водки и спирта — на 50 тыс. руб., разного хлеба и лесных товаров — в среднем на 80 тыс. руб. Привозилось, кроме того, ежегодно соли в среднем на 130 — 150 тыс. руб., табаку — на 20 тыс. руб., железа и металлических изделий — на 20 тыс. руб. и пр.¹²

С Украины на пристани Днепровской системы поступали соль, а также хлеб, главным образом, в неурожайные годы. Так, например, в 1845 году было доставлено к этим пристаням хлеба зерном и мукой на 540 тыс. руб., в 1846 — на 250 тыс., в 1847 — на 290 тыс. рублей.¹³

За 6 лет (1855 — 1860) по Березине, через пристани Борисова и Бобруйск, было погружено и отправлено на Украину товаров на сумму до 2 млн. руб. При этом было вывезено рогож и циновок — до 2 млн. штук, лубьев — до 240 тыс. штук, разного леса (бревен, брусев, колод, крокв) около 2300 тыс. штук, лат, жердей, досок и пр. — до 200 тыс. штук. Помимо других продуктов за это время поступало с Украины пшеницы до 850 тыс. пудов, ржи — свыше 700 тыс. пудов, соли — до 1250 тыс. пудов¹⁴.

Таким образом, в вывозе Минской губернии в 40—50-е годы преобладали лес и лесные товары. За шесть лет (1855—1860) было вывезено разного леса на сумму свыше 4 млн. руб., лесных товаров (смолы, дегтя, скипидара) на сумму до 1300 тыс. руб. Лес в основном шел на Украину, меньше—за границу¹⁶. За эти же годы льна, льнопродуктов и пеньки вывезено за границу на сумму до 1700 тыс. руб., водки и спирта—на сумму до 500 тыс. рублей¹⁶.

Большое количество леса и лесопродуктов отправлялось на Украину по Днепру из Могилевской губернии. В отчетах могилевского губернатора за 40-е годы указывается: «Одну из главных отраслей торговли составляет красный лес, который по Днепру сплавляется в Киев и Николаев». В отчетах за 50-е годы уже отмечалось, что «эта торговля постепенно приходит в упадок по причине истребления лесов»¹⁷.

Для продажи за границу вывозились к пристаням Западной Двины, а также продавались в Минскую губернию пенька, лен, мед, воск. «Главная торговля,—указывается в отчетах губернаторов 30—50-х годов,—производится лесными изделиями, горячим вином и пенькою»¹⁸. Этих товаров продавалось в год на сумму от 700 до 1500 тыс. рублей.

С Украины в Могилевскую губернию по Днепру доставляли соль, пшеницу, а также скот¹⁹.

Таким образом, во второй четверти XIX века произошли заметные перемены в направлении вывоза и ввоза Белоруссии и составе вывозимых товаров. При общем росте количества вывозимых продуктов значительно расширился вывоз в украинские губернии. В вывозе на Украину основное место занимали разный строевой лес, деревянные изделия, продукты переработки древесины—смола, деготь, поташ, скипидар. Лес и лесные товары составляли значительную долю и в вывозе за границу. Сюда же вывозились в больших количествах такие сельскохозяйственные продукты, как лен, льняное семя, пенька, растительное масло и сало. Значительную статью вывоза составляли водка и спирт. Зернового хлеба вывозилось сравнительно немного, главным образом, из западной части Белоруссии—Гродненской и Минской губерний. Большая часть вывозимого за границу зернового хлеба закупалась в украинских губерниях, отсюда же поступал и листовой табак. Основные жизненно необходимые продукты (соль, различные ткани, железные изделия) в этот период ввозились в Белоруссию из российских губерний и Украины. Из-за границы завозились в небольшом количестве сельдь, вина, предметы роскоши.

Белоруссия становилась органической частью всероссийского рынка. Одновременно укреплялись и хозяйственные связи между отдельными районами Белоруссии, о чем свидетельствует постоянный и регулярный товарообмен как местными, так и привозными товарами.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 46, л. 44; д. 80, л. 35; д. 89; оп. 5, д. 115, л. 40; оп. 6, д. 24, л. 45; д. 77.

² Там же, оп. 5, д. 115, л. 40 (об.); оп. 6, д. 24, л. 45.

³ Там же, оп. 6, д. 53, л. 13.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18627, л. 162—169.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 88, л. 41 (об.).

⁷ Бобровский П. Материалы для географии и статистики России: Гродненская губерния.—СПб., 1863, ч. 2, с. 58.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 88, л. 122 (об.).

⁹ Там же, оп. 3, д. 95, л. 41 (об.); оп. 4, д. 89, л. 30.

¹⁰ Там же, л. 40 (об.).

¹¹ Там же, оп. 4, д. 64, л. 45; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 51, д. 1975.

¹² Зелецкий И. Материалы для географии и статистики России: Минская губерния.—СПб., 1864, ч. 2, с. 313—314.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 91, л. 20 (об.), 27 (об.); д. 60, л. 29 (об.).

¹⁴ Зелецкий И. Указ. соч., с. 348—349, 357.

¹⁵ Там же, с. 261.

¹⁶ Там же, ч. 1, с. 76.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 28, л. 44; оп. 5, д. 32, л. 40; оп. 6, д. 90, л. 141.

¹⁸ Там же, оп. 3, д. 13, л. 18; оп. 4, д. 78, л. 18; д. 75, л. 19.

¹⁹ ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 1, д. 671, д. 696, д. 739.

О ПУТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Исследуемый вопрос является одним из сложнейших в истории и археологии. Чтобы выяснить исторически конкретный путь возникновения города, необходимо установить, когда на данном месте появилось поселение, какого оно было социального облика, почему превратилось в новый тип поселения — город. Ответить на эти вопросы очень сложно. Тем более, что процесс возникновения городов протекал не одинаково и не одновременно в разных регионах древней Руси. В разные периоды существования древнерусского государства становление городов происходило различными путями.

Неизбежно и необходимо обращение археологов, работающих над данной темой, к письменным источникам. Конечно, сведения о древнерусских городах в этих источниках фрагментарны и касаются лишь их политической истории. Наболее полные сведения в письменных памятниках мы имеем по истории северо-восточных и юго-восточных земель. Западнорусские местные летописи почти не сохранились. К этому следует добавить, что летописный город и «город» в научном понимании этого слова неоднозначны. Летопись зачастую называет городом любой укрепленный пункт. Таким образом, проследить пути возникновения древнерусских городов только по письменным источникам не представляется возможным.

Для изучения древнерусского города важнейшими источниками являются археологические исследования. Они не только дополняют письменные источники, но и позволяют проследить пути развития городских поселений. До начала XX века археологические раскопки древнерусских городов почти не велись. Большие и действительно научные изыскания развернулись после Великой Октябрьской социалистической революции (Киев, Москва, Владимир, Новгород и др.). В послевоенное время продолжают систематические археологические исследования древнерусских городов.

Вопрос о возникновении древнерусских городов исследовали еще до революционные историки, но их выводы опирались лишь на изучение письменных источников. Действительно научные исследования были приняты в послевоенное время. Их результаты нашли отражение в работах М. Н. Тихомирова, Н. Н. Воронина. За последние десятилетия опубликованы новые интересные обобщающие работы¹. Советские археологи и историки, критически осмыслив опыт предыдущего поколения исследователей, данные археологических и письменных источников, продолжают разработку вопроса о путях возникновения древнерусских городов. Тем не менее, по этой проблеме до сих пор нет единой точки зрения. Пристальное внимание археологов и историков данный вопрос привлек в конце 40-х годов, когда были выдвинуты две теории возникновения древних городов: «замковая» и «племенная». Но фактический материал явно не укладывался в рамки какой-либо одной теории. Н. Н. Воронин писал по этому поводу, что процесс градообразования «развивался не по единой «социологической формуле», но имел несколько конкретных вариантов, и попытки подменить многосложность исторической действительности какой-либо одной схемой не помогут освещению вопроса»².

Большинство исследователей считает, что пути происхождения древнерусских городов были различны. Их многообразие отмечают В. В. Карлов, Т. Н. Никольская, М. Г. Рабинович и др.³. Следует отметить, что выводы эти сделаны на основании археологических раскопок городов различных регионов древней Руси и опираются на тщательное изучение их начальной истории. Тем не менее, нельзя не согласиться с А. В. Кузой по поводу гипотетичности многих из перечисленных историками форм поселений и реконструкций их особых путей превращения в город⁴. Обратимся к наиболее распространенным теориям происхождения городов. Ряд исследователей (С. В. Юшков, С. А. Тараканова, В. В. Мавродин, И. Ф. Фроянов) начальным типом городов называют племенные города, центры племенной верхушки. Но правомерно ли употребление термина «племенной город»? Город не мог возникнуть в доклассовом обществе. Не исключена возможность возникновения города из племенных поселений (Чечерск, Витебск), но этот путь нельзя считать типичным. Племенных поселений было много, но лишь немногие из них стали городами. Правильнее, на наш взгляд, вести речь о возникновении городов из племенных центров в переходный период от первобытного строя к феодаль-

ному, так как говорить о племенах в XI—XII веках не приходится. К сожалению, источники не дают нам полного представления о том, как выглядел подобный племенной центр. Тем не менее, самые древние и крупнейшие города теоретически могли вырасти из племенных центров (Изборск, Киев, Новгород, Полоцк, Псков, Смоленск, Чернигов). Но археологически это проследить очень трудно.

Из предшествующих форм поселений выводит города В. И. Равдоникас. Он считает, что они возникают из большесемейных поселений, находящихся в особо благоприятных для торговых и военных операций местах, путем их разрастания, оформления детинцев, строительства церквей. Так образовались, по его мнению, Старая Рязань, Ростов, Смоленск, Орша, Витебск, Туров, Изборск, Старая Ладога, Белоозеро⁵. В большинстве случаев при раскопках городским слоям предшествуют более ранние. Исследователь должен быть осторожен в отыскании генетических связей между ними, так как возможен хронологический разрыв между временем существования первого поселения и города, возможно случайное совпадение в выборе места для города на заброшенном городище (Плеснеск). Несомненно, какая-то часть поселений догородской стадии при благоприятных условиях (высокий уровень развития ремесла, наличие рынков сбыта, торговых путей) могла в результате накопления специфических городских функций постепенно превращаться в города. Возможно так выросли Белоозеро, Старая Ладога, Старая Рязань, Туров, Вертязин, Друцк, Суздаль, Вержавск, Серенск, Старая Русса: всего около 16% древнерусских городов, причем, в основном, в X—XI веках.

Одним из путей образования древнерусских городов было поселение ремесленников и торговцев у стен замков, построенных в качестве опорных пунктов, центров феодального владения и господства. Замок был политическим и экономическим центром округа, а феодалы—заказчиками и потребителями продукции ремесленников, которым было удобнее реализовывать свою продукцию в таком оживленном месте, как замок. По мере увеличения в составе населения удельного веса ремесленников и торговцев поселение приобретало специфические черты и превращалось в город. Этот процесс характерен для периода феодальной раздробленности (XI—XII века). К городам, возникшим из феодальных замков, можно отнести Волковыск, Гомель, Карачев, Клецк, Копысь, Колодяжин, Луцк, Лукомль, Речицу, Рогачев, Стрешин, Тушков, Чучин и др. Они составляют примерно 29% древнерусских городов. Многие из них так и остались небольшими городками.

Очень сложно отличить города, возникшие из феодальных замков, от городов, основанных князьями. Большинство таких городов носит имена основателей: Владимир, Борисов, Дмитров, Заславль, Княтин, Юрьев-Польской, Мстиславль, Ростиславль, Ярославль. Князьями основаны Переяславль-Залесский, Белгород, Вщиж, Дебрянск, Кобрин, Переяславль-Рязанский, Вышгород, Трубеч, Вортыньск. Они составляют около 27% древнерусских городов и возникают в основном в XII веке.

Строительство городов-крепостей вызывалось и острой необходимостью обороняться от внешних врагов. Поэтому некоторые древнерусские города возникли как военные пограничные крепости. К ним можно отнести Браслав, Брест, Гродно, Дрогичин, Пронск, Вортыньск, Городец на Волге, Микулини, Нижний Новгород, Витичев, Новгород Малый, Святополч, Тумашь, Райки и т. д.

В период феодальной раздробленности, обострения междуусобных столкновений и усиления тенденций к независимости от власти Киева пограничные крепости строятся на внутренних границах княжеств. Так, появился ряд городов на рубежах Полоцкой, Смоленской, Рязанской земель. Это Минск, Орша, Тешилов, Колтеск, Перемышль на р. Моче, Слободка, Звенигород, Кромы, Коломна, Дорогобуж, Торопец, Можайск, Перевитск, Зубцов.

Некоторые исследователи выделяют как отдельный путь возникновения городов в процессе освоения славянами новых территорий, называя Белоозеро, Браслав, Галич, Ростов, Муром, Брест, Гродно.

В последнее десятилетие археологами выдвинуты новые оригинальные идеи о специфике возникновения древнерусских городов. Так, В. Л. Янин и М. Х. Алешковский считают одним из вариантов возникновения городов образование их из погостов—административно-вечевых центров сельских округ, мест концентрации дани и ее сборщиков, центральных капищ и мест вечевых собраний⁶. Но в этом случае не учиты-

ваеяя главная черта городского поселения—ремесло. Очевидно, нужно согласиться с выводом Д. А. Авдусина, что «возникновение городов из погостов (что вообще вероятно)—явление вторичное, отмечающее образование городов не самых ранних, так сказать, вторую волну градообразования», так как погосты пришли на смену полюдью, одновременно с которым существовали уже древнейшие города⁷.

Теория В. О. Ключевского о возникновении «вооруженного торгового города» на главных водных путях⁸ перекликается с теорией В. А. Булкина и Г. С. Лебедева о так называемых «открытых торгово-ремесленных поселениях»⁹, которые они сравнивают с раннесредневековыми «виками» Северной Европы. Выделены отличительные особенности этих поселений и время их смены средневековыми городами (XI век). К их числу относят Ладогу, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово под Смоленском. Сторонников у данной теории пока немного. На наш взгляд, она не подкреплена археологическим материалом. Исследователи попытались связать особенности «виков» с уже исследованным Гнездовом, давшем археологам немало загадок. Но это пока единственный пример. Теория же требует основательного археологического подтверждения.

Недавно была высказана интересная точка зрения о возникновении древних городов в результате слияния нескольких поселков, ставших районами (концами) городских поселений¹⁰. Кончанская структура существовала почти во всех древнейших городах: Новгороде, Пскове, Смоленске, Старой Ладоге, Ростове, Киеве, Старой Руссе. Иными словами, городские поселения не распадались на концы, а образовывались из них.

Итак, вырисовывается следующая картина возникновения древнерусских городов. Первые древнейшие городские поселения (около 7%), возможно, сформировались из племенных или межплеменных центров, может быть, в результате слияния нескольких племенных (а иногда и межплеменных) поселков в один. Но это характерно лишь для самых ранних городов. Первые города могли вырасти и из поселений догородской стадии путем накопления ремесленно-торговых элементов (к этой группе можно отнести около 16% городов). В XI—XII веках города возникали также из феодальных замков (примерно 29%), в результате строительной деятельности князей (27), а также на внешних и внутренних границах княжеств (по предварительным подсчетам 21%).

Нет сомнения, что по мере накопления археологических материалов вопрос о формировании отдельных городов будет уточняться, но важно уже теперь правильно интерпретировать имеющийся материал.

¹ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— М., 1956; Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города.— М., КСИА, 1963, вып. 96; Лысенко П. Ф. Города Туровской земли.— Минск, 1974; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли.— Минск, 1978; Куза А. В. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг.— М., КСИА, 1978, вып. 155; Zagorski J. E. M. Die Entstehung der Städte in Belorusland.— In: Europäische Stadtgeschichte in Mittelalter und früher Neuzeit.— Weimar, 1979; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.— М., 1980 и др.

² Воронин Н. Н. К итогам археологического изучения древнерусского города.— М., КСИИМК, 1951, вып. 47, с. 9.

³ См.: Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— В кн.: Русский город.— М., 1976; Никольская Т. Н. К исторической топографии земли вятичей.— Советская археология, 1972, № 4; Рабинович М. Г. О происхождении и развитии восточнославянских городов.— М., 1975.

⁴ См.: Куза А. В. Рецензия на книгу «Русский город (Историко-методологический сборник)».— Советская археология, 1978, № 4, с. 290.

⁵ См.: Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных.— ИГАИМК, 1934, вып. 103, с. 117.

⁶ См.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2.

⁷ См.: Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов.— Вопросы истории, 1980, № 12, с. 32.

⁸ См.: Ключевский В. О. Соч.— М., 1956, т. 1.

⁹ См.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв.— Л., 1978.

¹⁰ См.: Янин В. Л., Алешковский М. Х.— Указ ст.: Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов.— В кн.: Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976.

В. Б. САВИЦКИЙ К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема деятельности в философии приобрела в настоящее время особое важное значение. Деятельность как философское понятие «есть характеристика способов человеческого взаимоотношения с объективным миром»¹, выступает в качестве связующего элемента в системе «человек-природа». И то, что в этой системе она проявляется в основной своей форме — трудовой деятельности, «есть не зависящее от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость»².

В предметно-практическом взаимодействии с природным миром человек преодолевает свою естественно-телесную ограниченность. Деятельность как процесс корреляции «человек-природа» является активно-творческим, целесообразным, постоянным практическим и теоретическим освоением людьми материального мира, подчинения его целям и потребностям человеческой жизни. «Природа, — отмечал К. Маркс, — взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека ничто»³. Она лишь условие, но не способ человеческого существования. Только посредством предметно-преобразующей деятельности возможно соединение человека с природой, включение природы в социальную форму движения материи. Человеческая деятельность по использованию природы имеет не ограниченный, а универсальный характер. Ее универсальность заключается в том, что человек посредством деятельности превращает природу в «неорганическое тело» цивилизации. В преобразующей деятельности человек осуществляет свои действия в рамках естественно-природных законов, создавая особый предметный мир своего бытия. В ходе этого процесса осуществляется опредмечивание человека: переход человеческих сущностных сил в форму предмета, самоутверждение его в природе, и в то же время «изъятие» предметов мира из сферы природы и превращение их в форму человеческой деятельности — распределительные природы.

Мир, созданный в процессе человеческой деятельности — это не мир природной реальности, это мир исторической действительности, мир, в котором властвуют законы производства, а не законы природы. Историческая действительность, «очеловеченная природа» не возникает и не существуют помимо человеческой деятельности.

В процессе взаимодействия человека с природой деятельность оказывается не только инструментом, с помощью которого люди создают, по выражению К. Маркса, «очеловеченную действительность», чувственно-предметный мир своего бытия, но и формой отчуждения человека от природы, формой становления и самоутверждения человека как родового существа.

Животное, чтобы не погибнуть, должно приспосабливаться к среде, так относиться к миру, как позволяет биологическая особенность его организма. Психическая организация животных дает возможность вступать в непосредственное, чисто биологическое отношение к миру, которое определено наследственной программой поведения. Специфика человека позволяет ему осуществлять действия не только адаптивного характера, по-

этому он осваивает мир не столько с точки зрения биологической полезности, сколько со стороны свойств «внутренней логики».

Характеризуя отношения животного и человека к природе, К. Маркс писал: «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта **жизнедеятельность**. Человек же делает своей свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания»⁴. Итак, жизнедеятельность человека, в отличие от поведения животного, не растворяется во внешнем мире, не тождественна самому природному миру. Однако самым существенным отличительным свойством человеческой жизнедеятельности служит способ ее активности. Деятельность есть такая форма активности, которая отлична от активности любого другого порядка, которая свободна от биологической предопределенности. Она не сводится к адаптационным действиям, поскольку направлена не на приспособление к имеющимся условиям, а на их осознанное преобразование. Носителем ее выступает не просто индивидуально-биологическое существо, а общественный человек.

В самой деятельности формирующим фактором выступает орудийный аспект. В нем заключены непреходящие основания, выражающие превращение инстинктивной жизнедеятельности животных в собственно человеческую деятельность. Орудийный аспект выражает способ развития человеческого отношения к миру, состоящий в опосредованной связи с ним. Благодаря орудийной деятельности материальная действительность включается в существенно иной вид связи и отношения, переходит в ту сферу своего обнаружения, в которой становится объектом практического отношения к ней.

Материальное производство, активное воздействие человека на природу связано с созданием и употреблением орудий труда, имеющим определяющее значение для перехода от животного состояния к человеческому. Важной характеристикой этого этапа сначала было систематическое употребление готовых природных предметов в качестве орудий труда. Постепенно использование природных орудий подчиняется изготовлению орудий из природных предметов. С этой поры производственный процесс приобретает такой характер, когда одни орудия производятся с помощью других, благодаря чему за ними закрепляются определенные операции. Именно здесь начинается целесообразный процесс: становление человека как разумного общественного существа. В орудийном процессе заключен поворотный момент во взаимодействии человека с природой: переход к глобальному использованию ее. В орудиях труда человек увеличивает физические силы, расширяет границы своего органического тела.

Подобно тому, как в характере приспособления наиболее адекватно проявляется сущность того или иного вида, в орудийном аспекте предстает факт превращения инстинктивной жизнедеятельности животных в собственно человеческую деятельность, которая становится родовой сущностью человека. «В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека»⁵.

Животное в своих действиях также пользуется орудиями, в определенном смысле «производит», но его орудия не являются орудиями труда, они есть естественные органы тела или непосредственно данные предметы природы, случайно встретившиеся ему. Орудия труда, в полном смысле слова, «...выступают не в качестве простых предметов природы... а в качестве предметов природы, уже преобразованных человеческой деятельностью»⁶. Применение животными «орудий» не обладает признаком необходимости, систематичности, поскольку использование ими орудий не является результатом осознанной цели, оно носит спорадический характер. Их «орудия» имеют единственное назначение — приближение к природным объектам (с целью облегчить удовлетворение биологических потребностей), а также единичное использование, поскольку за ними не закрепляются конкретные действия.

Следовательно, можно сказать, что само по себе использование орудий не является выражением человеческой деятельности, оно становится таковым лишь тогда, когда использование их осуществляется не эпизодически и не только с целью удовлетворения биологических потребностей, а когда одни орудия изготовлены с помощью других, в которых уже воплощены сущностные силы человека. Эти орудия не только связывают человека с природой, но и отделяют его от нее.

Орудийный аспект деятельности, на основе которого происходит спе-

цифический процесс обмена веществ между человеком и природой, является важнейшей чертой человеческой сущности «до тех пор, пока выработка средств существования еще господствует над дальнейшим развитием самого человека»⁷

Благодаря деятельности, выступающей как единство опредмечивания и распределмечивания, природа предстает перед человеком как сфера реализации его творческих способностей. Мир, со всеми его связями и отношениями, вещественными элементами и процессами становится сферой приложения человеческих сущностных сил, объектом активной деятельности. Природный мир «очеловечивается» в той мере, в какой он входит в сферу материальной или духовной деятельности человека. Способность человека овладевать предметами природы является уникальной. Животное, в отличие от человека, не способно освоить сущность, внутренние закономерности вещей, поскольку все его поведение сопряжено лишь с информацией об их внешне воспринимаемых проявлениях. Овладение предметным миром представляет собой сложный и многогранный процесс. Оно осуществляется как в экстенсивном, так и в интенсивном плане, включает в себя подчинение логики предмета логике самой деятельности, но на основе развития самого предметного мира. Овладение миром посредством деятельности является процессом постепенного накопления человеком предметного богатства, приспособления природы к нуждам общества. Всестороннее покорение природы может достигаться путем развития самой деятельности, в которой выражается господство человека над природой. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, **изменяет** внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажности, внешности...»⁸

В процессе взаимодействия человека с миром деятельность становится не только фактором освоения мира, но и основой формирования человека как социального существа. Те свойства, которые присущи человеку от природы, развиваются в процессе деятельности по ее собственной логике, но в пределах генетических возможностей человека, являющихся результатом его физиологического развития. Деятельность, определяющая способ взаимоотношения человека с природным миром, оказывает решающее влияние на процесс онтогенетического формирования человека. Орудийный фактор деятельности, общение и творчество определяют становление и развитие человека, придают ему статус общественного существа, изменяют способ активности и, в конечном итоге, саму его природу, которая является теперь не только индивидуально-биологической, но и социально-значимой. Формируется особый мир общественных отношений, в котором сливаются в интегральном единстве индивидуальное и общественное, биологическое и социальное, материальное и духовное.

Предметный характер деятельности раскрывает ее субстанциональность. Предметность показывает, что деятельность является объективным и спонтанным процессом, заключающим причину и мотив своей реализации в самой себе. Но эта объективность не тождественна объективности внешнего мира, сущность ее не в том, что деятельность противостоит сознанию, а в том, что она существует вне сознания, но на его основе. Сознание формируется на основе и в процессе деятельности и является ее неотъемлемым свойством. Поэтому деятельность всегда выступает как осознанный процесс, предполагает противопоставление субъекта объекту, включает целеполагание как внутренний стержень их взаимодействия. Субстанциональность деятельности характеризует исторический процесс со стороны его субъективности как осмысленное целенаправленное действие, содержание которого пропитано человеческим смыслом.

Целеполагание, проходя красной нитью через всю человеческую деятельность, выступает в ней как образ, модель будущего. Любой материальный процесс в деятельности реализуется дважды: сначала как мыслительный образ, а затем — реально. На основе предметно-деятельной связи человека с природой происходит постоянная объективация его сущностных сил. Природный мир является необходимым условием, возможностью формирования человеческой сущности. Переход ее в действительность осуществляется в человеческой деятельности. В ходе деятельного освоения природы возможна бесконечная и целесообразная переделка ее, превращение естественных предметов и процессов природы в человека, его сущностную природу, отличающую его от всех иных видов и родов живого. Выступая реализацией всех отношений человека, деятельность

является одновременно реализацией и его сущности, которую К. Маркс определил как «совокупность всех общественных отношений». Человек всегда таков, каким сделала его собственная деятельность, поэтому сущность человека равна его деятельности. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят»⁹.

Обогащение сущности человека проявляется в том, насколько его деятельность способна включить в себя материальную природу. До какой степени развита деятельность, до такой степени развит и сам человек. Развитие его сущностных сил может достигнуть лишь того уровня, до которого человеческая деятельность освоила мир. Деятельность как сущность человека является саморазвивающейся системой, потому что она формирует и преобразует предметный мир по законам присущей ей внутренней логики и никогда не находит полного воплощения ни в одной из своих форм.

¹ Михайлова И. Б. Чувственное отражение в современном научном познании. — М., 1972, с. 4.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 51.

³ Там же, т. 42, с. 172.

⁴ Там же, с. 93.

⁵ Там же.

⁶ Там же, т. 26, ч. III, с. 273.

⁷ Марксистская философия в XIX веке. (Книга первая.) — М., 1979, с. 386.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 199.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

О. И. ТИТОВ

ИСТИНА И ВЕРОЯТНОСТЬ

Вопрос об отношении истины к вероятности, важный и сам по себе, приобретает особое значение в плане борьбы с широко распространенным в современной буржуазной философии и науке извращениями этого соотношения, т. е. с подменой истинности формальной строгостью и математической точностью вывода или ведущим к агностицизму отождествлением истины с вероятностью. Этот вопрос неизбежно встает и при философском осмыслении теорий современной символической логики, а также логических потребностей и особенностей некоторых специально-научных теорий, например, квантовой механики.

Для оправдания отождествления истины с вероятностью в буржуазной литературе (К. Поппер, Г. Рейхенбах) используется факт существования неклассических логик, в которых истина и ложь выступают как предельные значения вероятности — 1 и 0.

Вопрос об отношении вероятности к истине не может быть решен без выхода за рамки формальной логики в философию, без содержательного анализа процесса мышления. При этом необходимо учитывать различия в соотношении качественных и количественных характеристик в самой действительности и в мышлении, зависимость между формально-количественными и качественно-содержательными аспектами и методами исследования.

Каждый предмет имеет бесконечное множество качественных и количественных характеристик, которые отражаются в нашем сознании. Поэтому истина как верное отображение предмета, как мысленный синтез качественных и количественных определений сама имеет количественные и качественные характеристики. При изучении количественно измеримых свойств и отношений особенно важна точность как степень близости относительной истины к абсолютной. Общие законы, которым подчиняется точность наших знаний, находят свое абстрактное выражение в математической теории вероятностей и вероятностных логиках.

Вероятность может выступать и как объективная характеристика явлений, и как мера точности наших знаний (и, соответственно, как мера уверенности в их истинности), причем нередко в обеих этих функциях одновременно. Например, вероятность ошибки измерения является одновременно и объективной характеристикой измерительного прибора, и характеристикой нашего знания.

И степень точности, и вероятность нельзя смешивать с истиной, как нельзя смешивать свойства предмета с самим предметом. Поэтому вероятностные истинностные значения в логике нельзя считать равноправными с традиционными вне тех рамок, где речь идет о степени адекватности знания или о степени уверенности в его истинности. Качественные и количественные характеристики предметов, слитые в действительности в неразрывном единстве, разделяются и фиксируются порознь в наших абстракциях и языковых выражениях. Всюду, где невозможна абсолютная точность вследствие относительной ограниченности познавательных возможностей, наличия случайностей или объективной расплывчатости самого предмета, появляется вероятность как характеристика нашего знания и как психологическая характеристика мышления. Вследствие разделения количественных и качественных аспектов действительности в наших абстракциях количественный и качественный аспекты истины в формальной логике также разделяются. Это выражается в двух различных типах истинностных значений, между которыми устанавливается чисто формальное соотношение. Если с формальной точки зрения (в вероятностных логиках) традиционные значения «истинно» и «ложно» представляются предельными значениями вероятности, то в реальном, содержательном процессе мышления дело обстоит как раз наоборот: вероятность как истинностное значение уже предполагает традиционные истинностные значения. Прежде чем вычислять вероятность того, что изучаемый объект имеет определенное свойство, надо знать, присуще ли это свойство некоторой части объектов того класса, к которому принадлежит интересующий нас объект. Никто не вычисляет вероятность заведомо невозможного. А истинность или ложность таких исходных суждений устанавливается, как правило, не комбинаторно-вероятностными, а качественно-содержательными методами. Уже на эмпирическом уровне исследования принципы отбора исходного материала для вероятностных суждений явно или неявно дедуцируются из некоторой теории. Затем на основе некоторой гипотезы или теории дедуктивно выводятся сами эти суждения (даже те из них, которые уже были получены опытным индуктивно-эмпирическим путем). Лишь после этого наступает очередь их индуктивно-эмпирического подтверждения или опровержения. Одно и то же суждение может субъективно оцениваться как достоверное, весьма вероятное, мало вероятное или совсем невероятное в зависимости от того, какие факты и теоретические положения, принимаемые за истину, лежат в его основе. Например, для Ленина суждение о расхождении русского крестьянства на буржуа и пролетариев было достоверным, а для русских народников — гадательно-вероятным, и это было следствием коренного различия в методологии исследования русской экономики. Таким образом, вероятностные суждения в науке, степени их вероятности и способы их статистической проверки зависят от лежащих в их основе качественно-содержательных принципов, определяемых теоретико-методологической базой исследования. А комбинаторно-вероятностные и вообще количественные методы исследования при всей их важности играют подчиненную роль.

Вероятностные суждения явно или неявно предполагают обычные суждения, истинность которых оценивается в согласии с законом исключенного третьего и обычной двузначной логикой. Следовательно, вероятность как истинностное значение уже предполагает традиционные истинностные значения. И, по-видимому, следует согласиться с Г. Клаусом, что попытки гносеологически уравнивать многозначные логики с обычной двузначной логикой «равносильны принципиальной атаке на объективность науки» в духе плюрализма истины, что это — попытки «научно дисквалифицировать науку»¹.

В металогическом аппарате неклассических логик используется тот самый закон исключенного третьего, который в них отвергается или ограничивается. С формальной точки зрения тут нет парадокса ибо этот закон отвергается в объектном языке, а признается в метаязыке. Для правильного понимания этого факта необходимо выяснение смысла ограничений, налагаемых на действие этого закона, и содержательное определение истинностных значений.

В. И. Ленин говорит, что «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека», что «самые обычные логические «фигуры»... суть... самые обычные отношения вещей»². Это значит, что для выяснения границ действия законов логики и их отношения к истинностным значениям суждений необходимо с позиций материалисти-

ческой диалектики рассмотреть прежде всего их онтологическое содержание.

В ограничениях закона исключенного третьего следует различать субъективный момент, обусловленный относительной ограниченностью познавательных возможностей, и объективный, обусловленный отсутствием резких границ между различными классами явлений. Этот закон верен для классов с четко определенными границами и их элементов, но с ним надо быть осторожным там, где речь идет о классах с размытыми границами и об объектах с различными степенями принадлежности к некоторому классу и одновременно к его дополнению. Эти степени принадлежности различны для разных объектов (и даже для одного и того же объекта в разное время) и подчиняются вероятностно-статистическим законам, если классы, к которым они принадлежат, достаточно обширны, а разнообразие степеней принадлежности достаточно велико. Такие объекты как раз и образуют ту середину, то третье, что не отражено в этом законе. Эта «середина» уже получила свое математическое выражение в теории нечетких множеств Л. А. Заде с помощью понятий «нечеткое множество» и «мера принадлежности к нечеткому множеству»³. Нечеткие множества (и, соответственно, предикаты) представляются весьма общей и поэтому удобной для выяснения сферы действия законов противоречия и исключенного третьего абстрактной онтологической моделью. Используя (для краткости) символику логики предикатов и теории множеств, структурные различия между четкими и нечеткими множествами можно описать так.

Четкие множества

$$A) \forall x (\mu_{\bar{K}}(x) \neq 0 \rightarrow \mu_K(x) = 0)$$

$$B) x \in \bar{K} \leftrightarrow x \notin K$$

$$B) \overline{P(x)} \leftrightarrow \tilde{P}(x)$$

$$Г) K \cap \bar{K} = \emptyset$$

или:

$$m(K \cap \bar{K}) = 0$$

Нечеткие множества

$$\exists x (\mu_{\bar{K}}(x) \neq 0 \wedge \mu_K(x) \neq 0)$$

$$\forall x (\mu_K(x) = \sigma \rightarrow \mu_{\bar{K}}(x) = 1 - \sigma),$$

$$\text{где } 0 \leq \sigma \leq 1;$$

$$x \in \bar{K} \leftrightarrow x \notin K$$

$$\overline{P(x)} \leftrightarrow \tilde{P}(x)$$

$$K \cap \bar{K} \neq \emptyset$$

или:

$$m(K \cap \bar{K}) \leq m(K \cup \bar{K})$$

Здесь $\mu_K(x)$ — мера принадлежности x к множеству K ; $\tilde{P}(x)$ — x имеет свойство не- P ; остальные обозначения имеют обычный для логики предикатов и теории множеств смысл.

Оба типа множеств отражают реальную действительность, но так как каждый предмет представляет собой единство противоположностей, на практике люди в подавляющем большинстве случаев имеют дело с нечеткими множествами.

Вследствие описанного выше структурного различия между обоими типами множеств различно их отношение к законам противоречия и исключенного третьего. Символически это можно выразить так.

В четких множествах

$$1. \forall x \forall P \overline{(P(x) \wedge \tilde{P}(x))}$$

$$2. \forall x \forall K \overline{(x \in K \wedge x \notin K)}$$

$$3. \forall x \forall P (P(x) \wedge \tilde{P}(x))$$

$$4. \forall x \forall K (x \in K \wedge x \notin K)$$

$$5. \forall x \forall P (P(x) \vee \tilde{P}(x))$$

$$6. \forall x \forall K (x \in K \vee x \notin K)$$

$$7. \forall x \forall P (P(x) \vee \tilde{P}(x))$$

$$8. \forall x \forall K (x \in K \vee x \notin K)$$

В нечетких множествах

$$1. \forall x \forall P \overline{(P(x) \wedge \tilde{P}(x))}$$

$$2. \forall x \forall K \overline{(x \in K \wedge x \notin K)}$$

$$3'. \forall x \exists P (P(x) \wedge \tilde{P}(x))$$

$$4'. \forall x \exists K (x \in K \wedge x \notin K)$$

$$5. \forall x \forall P (P(x) \vee \tilde{P}(x))$$

$$6. \forall x \forall K (x \in K \vee x \notin K)$$

$$7'. \forall x \exists P (P(x) \wedge \tilde{P}(x))$$

$$8'. \forall x \exists K (x \in K \wedge x \notin K)$$

Соблюдение формулировок 1—8 для четких множеств и нарушение формулировок 3, 4, 7 и 8 в нечетких множествах очевидно. Гораздо труднее убедиться в соблюдении формулировок 1, 2, 5 и 6 для нечетких множеств. Одной только логикой тут обойтись нельзя, но практика убеждает в том, что независимо от истинности или ложности суждений « $x \in (K \cap \bar{K})$ » и « $P(x) \wedge \bar{P}(x)$ » суждения « $x \in K$ » и « $P(x)$ » будут либо истинны, либо ложны для любых x . Например, суждение «он—пролетарий» будет либо верно либо ложно для любого человека независимо от того, будет ли он пролетарием, полупролетарием или буржуа. А нетрадиционным истинным значениям будут соответствовать различные меры принадлежности, поскольку оценка этих мер на практике является чаще всего вероятностно-статистической.

Столь же трудно, как показывает сравнительно недавняя дискуссия о диалектическом противоречии⁴, согласовать формулировки 1—2 и 3'—4'. Здесь возникает до сих пор не получивший четкого решения вопрос: присущи ли предмету противоположные определения в одном и том же отношении или в разных? Думается, что применив к отношениям ленинскую формулировку о раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности, на этот вопрос можно ответить так: вещам присущи противоположные определения в одном и том же отношении и, следовательно, в разных отношениях. Например, благодаря раздвоению в самом отношении к средствам производства мы говорим, что полупролетарий— это пролетарий и непролетарий, благодаря раздвоению бесконечности на экстенсивную и интенсивную мы говорим, что отрезок конечен и бесконечен и т. п.

На основании изложенного представляется правильной та точка зрения, что закон противоречия и закон исключенного третьего являются не только законами мышления, но имеют объективное значение⁵. Именно поэтому неправомерно гносеологическое приравнение традиционных истинностных значений к вероятностным. Последние представляют собой количественную характеристику суждений и выражают либо объективную расплывчатость предмета суждения, либо степень неуверенности говорящего, либо степень близости относительной истины к абсолютной.

Как говорит Ю. А. Петров, «теории математической логики получают, как правило, названия соответственно обеспечиваемым ими инвариантам, т. е. выделенным семиотическим значениям терминов и предложений, причем в одной и той же системе может быть несколько выделенных значений»⁶. В многозначных (в том числе и вероятностных) логиках объективные значения («истинно» и «ложно») и другие, субъективные, семиотические значения (определенность, уверенность и т. п.) не различаются, и недостаток строгости на метаязыковом уровне компенсируется формальной строгостью и простотой теории на уровне объектного языка. Строгое разграничение этих различных семиотических значений потребовало бы сложных, многоярусных логик, где каждый ярус был бы метаязыком по отношению к нижележащему и каждому ярусу соответствовал бы свой инвариант. Заметим, что в логике Р. Карнапа вероятностные значения относятся к метаязыковому уровню, а традиционные значения характеризуют предложения объектного языка⁷.

В заключение отметим, что резкое противопоставление теории нечетких множеств теоретико-вероятностному способу описания явлений не имеет достаточных оснований по следующим причинам: во-первых, имеет место доходящее до изоморфизма сходство некоторых операций и формул теории нечетких множеств и теории вероятностей; во-вторых, оценка меры принадлежности очень часто является вероятностной или выборочно-статистической; в-третьих, логика с континуальным множеством значений, о необходимости которой для теории нечетких множеств говорит Л. А. Заде, окажется, по-видимому, вероятностной или обнаружит принципиальное родство с нею.

¹ Klaus G. Moderne Logik.— Berlin, 1972, S. 73. (Перевод наш.)

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 165, 159.

³ Математика сегодня.— М., 1974, с. 8—9.

⁴ Диалектическое противоречие.— М., 1979, с. 78—95, 191—206.

⁵ Klaus G. Moderne Logik, S. 54, 70.

И. И. БУЛЫКО

О СТРУКТУРЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

Одним из важнейших аспектов категориального анализа коммунистического критерия нравственности является вопрос о его структуре, ответ на который позволяет не только глубже раскрыть содержание этого фундаментального понятия марксистско-ленинской этики, но и с большей эффективностью использовать критерий в нравственной регуляции поведения социалистической личности, в нравственно-воспитательном воздействии на нее. В нашей литературе по данной проблеме имеются лишь отдельные высказывания и замечания в работах Гумницкого Г. Н., Дробницкого О. Г., Боровского М. И. и др.

Согласно коммунистическому критерию нравственности, моральным является поведение личности, соответствующее интересам борьбы за коммунизм, принципам коммунистической морали. Явления, противоречащие коммунистическим идеалам, безнравственны. Коммунистический критерий нравственности вытекает из всей совокупности социалистических общественных отношений, выражающих необходимость построения коммунизма, утверждения коммунистической морали. Он раскрывает свое содержание в принципах морального кодекса строителя коммунизма, в простых коммунистических нормах нравственности.

Однако структура морали чрезвычайно многопланова, и различные ее элементы вступают в сложные взаимосвязи, характеризуются многосторонней взаимообусловленностью. Преобладание того или иного элемента в конкретном объекте моральной оценки определяет специфику этого морального явления и требует, наряду с использованием общего коммунистического морального критерия, оценивать явление с помощью особых, частных мерил нравственного и безнравственного. Так, например, мы вправе говорить об особенностях измерения ценностного содержания морального сознания личности, конкретного поступка, линии поведения, детерминант морали и других специфических объектов моральной оценки. Поэтому «применение критерия борьбы за коммунизм к самым различным проявлениям нравственного поведения людей и требует его развигия, конкретизации, раскрытия его содержания через множество других категорий, дабы понятие борьбы за коммунизм действительно не превратилось в застывшую схему»¹. В нашей этике основой анализа структуры морального критерия является практика, практическая борьба за коммунизм. Однако не всегда учитывается субъективный фактор, роль которого в силу специфики морального детерминизма высока. Практическая борьба за коммунизм ведь может рассматриваться как подлинный критерий нравственности лишь в том случае, если она есть одновременно результат соответствующего ценностного проявления деятельности морального сознания личности, соответствующего осознанного отношения личности к своему поступку с позиций субъективной моральной ответственности, долга, чести, совести и т. д. При этом речь идет не о самодовлеющей роли субъективного фактора, а о теснейшей взаимосвязи субъективного и объективного в критерии нравственности. Только диалектическое единство этих сторон критерия служит основой понимания его структуры.

Рассмотрим в общих чертах, какие элементы входят в содержание объективного и субъективного аспектов коммунистического критерия нравственности. Его объективный характер составляют прежде всего коммунистические моральные принципы, посредством которых мораль выражает самые общие, предъявляемые членам общества требования, отражающие нравственную сущность социально-экономического базиса развитого социализма. Поэтому степень соответствия поведения личности моральным принципам есть общее объективное требование критерия нравственности.

Анализируя объективный аспект в структуре критерия морали, нельзя обойти простые нормы нравственности, выступающие уже как конкрет-

ные и практические средства в функционировании морали. Находясь в теснейшей взаимосвязи с общими моральными требованиями, простые нормы выступают в роли моральных критериев для оценки каждого отдельного поведенческого акта с учетом всех специфических характеристик конкретной нравственной ситуации, что позволяет осуществлять моральную оценку более дифференцированно, более объективно. Искажение или игнорирование простых норм в критерии нравственности делает моральную оценку неполной, снижает ее эффективность в нравственной регуляции и воспитательном воздействии на личность. Без усвоения и использования «арифметических» нравственных основ не будут успешно решены и уравнения «высшей математики» в морали.

Однако, как мы уже говорили, структура морального критерия не исчерпывается лишь объективными мерилami нравственного и безнравственного. Она включает в себя и внутриличностные нравственные мерила, так как «марксистская этика выдвигает двойной критерий нравственной оценки поведения—через определения моральной ценности поведения личности и целенаправленности мотивации»². Это значит, что сама личность и ее моральные характеристики также должны использоваться в качестве нравственных критериев.

Использование субъективного критерия избавляет от серьезных ошибок в моральной оценке отдельных нравственных ситуаций. Человек, к примеру, может безусловно соблюдать моральные требования общества, однако исполнять их не в силу нравственных убеждений, а по необходимости, из-за страха перед общественным осуждением. Оценивать такую личность только через призму ее поведенческой деятельности неверно. Если коллектив, в котором работает такой субъект, даст ему высокую моральную оценку, создадутся благоприятные условия для приспособления потенциально безнравственной личности к социальной среде. Такая нравственная «конспирация» позволяет человеку, например, безнаказанно проявлять свою подлинную моральную сущность вне коллектива. Именно такого рода люди являются представителями «двойной» морали, выступают в качестве инципаторов нравственных конфликтов в коллективе. Их ложный моральный авторитет создает им анонимность, которая затрудняет поиски подлинного виновника той или иной безнравственной ситуации.

Рациональной основой внутриличностного критерия нравственности являются прежде всего убеждения личности, определяющие ее моральное поведение. Моральные качества—следующий субъективный структурный элемент критерия. Подразделяясь на положительные и отрицательные, на добродетели и пороки, они не содержат в себе конкретного указания на характер и форму моральных действий личности, но в обобщенной форме выступают в качестве ценностного мерила личности и ее поведения. Определение моральных качеств личности является критерием для ее моральной оценки.

Социалистическая личность сегодня характеризуется высокоразвитой структурой морального сознания. Марксистская этика, как известно, насчитывает свыше 400 различных моральных качеств, и классифицировать их, определить важнейшие в условиях развитого социализма—эта актуальная задача может быть решена с помощью всесторонней разработки и использования субъективного уровня коммунистического критерия нравственности.

Моральные чувства, будучи тесно связанными с моральными качествами, также представляют собой субъективный аспект в структуре морального критерия. Особенно велика их роль в моральной самооценке. В обыденной жизни человек не всегда располагает возможностью осознать ситуацию, определить с рациональных позиций моральность своего намерения. Он часто должен мгновенно ориентироваться в возникшей ситуации. Тогда он руководствуется собственными моральными чувствами как главными нравственными критериями. «Нравственные чувства сами по себе не являются добродетелями, а только фиксируют... меру добродетельности личности»³.

В условиях развитого социализма активно возрастает роль субъективных моментов в коммунистическом критерии нравственности. В нашей стране каждый человек—хозяин и творец собственной жизни, а отсюда все большее значение приобретают субъективные факторы регулирования поведения личности, моральные саморегуляторы как главные духовно-нравственные рычаги процесса самовоспитания. Не случайно в докладе

на Всесоюзной научно-практической конференции «Формирование активной жизненной позиции: опыт и актуальные проблемы нравственного воспитания» подчеркивалось: «Сегодня такие критерии, как нравственная надежность личности, рабочая совесть, высокий душевный настрой, чувство хозяина оказывают непосредственное влияние на эффективность и качество труда, на все дела общества»¹.

Отсутствие высокоценностных моральных убеждений, качеств и чувств, а соответственно, слабое использование субъективных нравственных критериев моральной оценки и самооценки во многом обуславливают противоречие между ценностным содержанием общественного нравственного воспитания и реальной нравственной деятельностью личности. Данными обстоятельствами следует объяснить факт проявления в условиях развитого социализма активного и высокоценностного общественного воспитательного воздействия на личность, с одной стороны, и наличие в отдельных случаях нравственной патологии в поведении личности — с другой. Если развитие процесса нравственного воспитательного воздействия на личность со стороны общества значительно опережает процессы нравственного самовоспитания, формирования внутренних регуляторов поведения, в том числе субъективных критериев морали, то возникает опасность выхода личности из-под социального контроля и формирования безнравственной линии ее поведения. Наибольшими негативными последствиями чревата такая дисгармония между общественным нравственным воспитанием и самовоспитанием по отношению к подрастающему поколению, социализация которого еще не завершена.

Таким образом, чем выше роль и качество субъективного критерия нравственности, тем действеннее и совершеннее функционирование морали в обществе и прежде всего процесс формирования нового человека. Целе-направленным воспитательным воздействием на личность необходимо приводить содержание субъективных критериев моральной оценки в соответствие с объективными критериями нравственности. Критерий коммунистической нравственности займет свое место в системе морали и будет эффективно выполнять в ней свою многогранную роль только при условии использования целостной его структуры, гармонического сочетания и практического проявления всех внутренних компонентов в зависимости от специфики объекта моральной оценки.

¹ Боровский М. И. Детерминизм и нравственное поведение личности.— Минск, 1974, с. 193.

² Личность: этические проблемы.— М., 1979, с. 14.

³ Гусейнов А. Структура нравственного поступка.— В сб.: Структура морали и личность. М., 1977, с. 144.

⁴ Алиев Г. А. Формирование активной жизненной позиции: опыт и актуальные проблемы нравственного воспитания.— М., 1979, с. 17.

М. В. ФУРС

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ

Одним из актуальных вопросов коммунистического воспитания трудящихся на этапе зрелого социализма является задача формирования активной жизненной позиции личности, ориентированной на коммунистически значимые цели и ценности. Успешное решение этой задачи невозможно без теоретического и, прежде всего, социально-философского осмысления самой категории жизненной позиции личности, выявления ее социальной сущности, структуры и основного содержания, а также статуса данного понятия в общей категориальной структуре исторического материализма.

В обширной социально-философской, социологической и социально-психологической литературе до сих пор не выработано однозначного понимания категории «жизненная позиция» и, в силу сложности этого интегрального понятия, оно употребляется в различных смысловых и содержательных значениях. Из всего многообразия точек зрения по данной проблеме следует выделить два основных подхода к исследованию природы и сущности жизненной позиции личности: социологический и социаль-

но-психологический. Для первого подхода характерно понимание позиции как условия, в котором и через которое действует и проявляется личность. Это — статус и роль личности¹. В этом случае позиция рассматривается как нечто внешнее по отношению к самой личности.

Особенности социально-психологического подхода к данной проблеме связаны с пониманием позиции личности как неотъемлемого компонента ее внутренней структуры. Согласно данному аспекту рассмотрения позиция связывается с устойчивыми личностными элементами, под которыми понимается многообразный спектр психических, волевых и поведенческих функций человека в зависимости от того, какая функция берется в качестве основополагающей и исходной в структуре позиции: система потребностей и стремлений, социальных установок, уровень сознания и т. д.² Существуют и другие подходы к выяснению сущности позиционных структур личности.

Основываясь на марксистском понимании сущности человека как совокупности всех общественных отношений, целесообразно рассмотреть жизненную позицию с точки зрения отношения личности к миру в целом, к обществу, его ценностям и нормам, к своей деятельности и ее продуктам. Ведь именно в процессе взаимоотношения личности с социальной средой, в ходе практической деятельности формируется, уточняется и изменяется ее жизненная позиция. Раскрывая сущность и особенности этого сложного духовно-практического феномена, Б. Г. Ананьев справедливо указывает, что жизненная позиция представляет собой «сложную систему **отношений личности** (к обществу в целом, к общностям, к которым она принадлежит, к труду, к людям, к самому себе), **установок и мотивов**, которыми она руководствуется в своей деятельности, **целей и ценностей**, на которые направлена эта деятельность»³. Следует отметить, что жизненная позиция личности в рамках этих отношений складывается как единство двух взаимосвязанных сторон: объективной и субъективной. Объективную сторону жизненной позиции личности составляет ее социальное положение (социальный статус, роль) и условия жизни человека, субъективную, понимаемую как выражение объективной стороны — степень осознанности личностью своего социального положения, характер ее мировоззренческой позиции.

Диалектическое единство и взаимосвязь этих двух сторон и составляют основное содержание жизненной позиции личности. В этом плане представляется неправомерным, как мы полагаем, сводить позицию личности только к объективной стороне, т. е. социальному положению, равно как абсолютизировать ее субъективный момент.

Что может выступать в качестве объекта жизненной позиции? Объектом жизненной позиции выступают, во-первых, включенные в жизненный процесс индивида условия жизни, социальные связи и социальные отношения в обществе, элементы природной и социальной среды, во-вторых, многообразная система материальной и духовной деятельности людей и их продукты, в-третьих, вытекающая из сложившихся социальных отношений совокупность общественных норм, ценностей, взглядов, событий и, наконец, в-четвертых, сама духовно-практическая деятельность человека и его внутренний духовный мир. Субъектом жизненной позиции может выступать не только отдельная личность, но и коллектив, социальная группа, определенный класс и даже общество в целом (это относится только к социалистическому и коммунистическому обществу). Общественная собственность на средства производства, отсутствие эксплуатации человека человеком, неуклонное движение социалистического общества по пути социальной однородности способствуют становлению его в качестве единого субъекта жизненной позиции.

В процессе жизнедеятельности личность опосредует свое отношение к действительности сознанием, мировоззренчески осмысливает ее с целью реализации этого осознанного отношения предметно-практическим образом. Исходя из этого, жизненную позицию личности можно рассмотреть как систему мировоззренческих взглядов и действий личности по их реализации. Отсюда вытекает, что внутреннюю основу жизненной позиции личности составляет ее мировоззрение. Однако не все содержание мировоззрения включается в структуру жизненной позиции, а лишь те элементы содержания, которые непосредственно связаны с практическим воплощением его в жизни. На уровне индивидуального сознания эти мировоззренческие структуры складываются в определенную мировоззренческую позицию — систему взглядов и связанных с ними убеждений лично-

сти, которые определяют ее действия и поступки. Сформированность жизненной позиции в решающей степени зависит от сформированности мировоззренческой позиции личности, степени убежденности ее в правоте тех или иных общественных идеалов. Являясь внутренним моментом в структуре жизненной позиции, мировоззренческая позиция предполагает второй, не менее важный структурный элемент — деятельность личности, ее поведение и поступки. Поэтому жизненную позицию мы определяем как способ реализации внутренней мировоззренческой позиции личности в различных формах ее жизнедеятельности. Связующим звеном мировоззренческой позиции и практических действий личности по ее реализации является система потребностей, интересов, а также связанные с нею цели, идеалы, установки и ценностные ориентации. Рассмотрим более подробно основные структурные компоненты жизненной позиции личности.

Сердцевину, внутренний стержень мировоззренческой позиции составляет система взглядов человека на жизнь, на самого себя и свою деятельность, а также совокупность убеждений, характеризующих степень готовности личности к определенным действиям и поступкам. Знание как совокупность познавательных образов, возникающих в ходе активного воздействия человека на окружающий мир, представляет собой отражение и фиксацию в идеальной форме объективной действительности. В результате этого отражения складывается объективно истинное знание, независимое ни от человека, ни от человечества, т. е. знание по своему содержанию объективно. Каким же образом такого рода знание превращается в элемент мировоззренческой позиции личности? Это превращение зависит прежде всего от того, как личность относится к этому знанию, как оценивает его с точки зрения своих потребностей, интересов и жизненных целей, т. е. служит ли оно организующим началом ее активной творческой деятельности. Такое превращение возможно лишь тогда, когда знание приобретает характер непоколебимого убеждения — поступать и действовать тем или иным образом. Основанные на научном знании убеждения внутренне цементируют не только мировоззренческую, но и общую позицию личности в жизни. Следует отметить, что не все знание переходит в убеждение, а лишь те его элементы, которые непосредственно связаны с жизненной практикой личности, переходят в дела, поступки, линию поведения. Причем, убеждения могут основываться не только на базе научного знания, но и на ложных и неадекватных идеях и представлениях, например, религиозные убеждения. Далее, убеждения являются одним из главных внутренних компонентов жизненной позиции прежде всего потому, что они выражают определенный тип мировоззренческой позиции личности и ее основные функции. Это, во-первых. Во-вторых, выступая связующим звеном между знанием и социальным действием, убеждение представляет собой не просто знание, а знание, оплодотворенное волей, чувствами и переживаниями человека. Поэтому содержание убеждения можно представить как единство трех взаимосвязанных элементов: информационного, представляющего собой совокупность результатов познания; оценочного, предполагающего как рациональную оценку высказывания о предмете убеждения, так и чувственно-эмоциональное отношение человека к предмету убеждения; и, наконец, деятельно-волевого элемента, проявляющегося в активном отношении человека к своим целям, задачам и идеалам.

Убеждения как раз и являются для человека той границей, за которой начинается действие. Наиболее прочно и непосредственно убеждения связываются с жизненной позицией в процессе стремления личности реализовать свои цели, вытекающие из ее потребностей и интересов. Отмечая решающую роль потребностей в социальной детерминации поведения людей, Ф. Энгельс указывал, что «люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)»¹. Вытекающие из потребностей интересы, выполняя регулятивную функцию, играют важную роль в формировании жизненной позиции личности. Если потребности в общем виде выражают отношение личности к условиям жизни, то под влиянием интересов человек определяет свои жизненные цели и идеалы, мотивируя и осознавая которые, он вырабатывает средства для их достижения.

В процессе реализации своей мировоззренческой позиции личность стремится к определенным жизненно важным целям, осуществление которых связано с ближайшими и отдаленными планами. Однако основные параметры и содержание жизненным целям задает, несомненно, идеал,

представляющий собой специфическое отражение действительности в виде целей, задач и выступающий как идеальная модель желаемого будущего. Выполняя роль долговременного и перспективного регулятора жизненной позиции личности, идеалы модифицируются в определенные жизненные цели, выражающие сознательное отношение человека к своей будущей деятельности, средствам и объекту, на который направлена деятельность, и к результату, ради которого эта деятельность совершается. В процессе реализации жизненной позиции личность конкретизирует свои идеалы и цели в конкретных программах и планах. В отличие от наследуемых биологических программ, социально-личностные программы жизнедеятельности формируются в процессе индивидуального развития человека под воздействием ценностей культуры и сложной системы общественных отношений. Жизненная целевая программа личности предполагает: теоретическое обоснование и осознание цели в качестве основной задачи практического действия; поиск путей и средств реализации задач; прогнозирование результатов духовно-практической деятельности и т. д. В жизненных планах личности конкретизируются и детализируются отдельные составные части ближайших программных задач. В них намечаются уже пути, последовательность этапов, сроки, темпы и конкретные средства реализации социальных личностных программ.

Однако решающее влияние на содержание и генеральную направленность мировоззренческой позиции, ее активность оказывают установки и ценностные ориентации личности. Согласно теории установки Д. Н. Узнадзе «в случае наличия какой-либо потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно характеризовать как **готовность**, как установку его к совершенно определенной деятельности, направленной на удовлетворение его актуальной потребности»⁵. Являясь выражением отношения личности к определенным ценностям и нормам, социальная установка представляет собой сложный структурный феномен. Она содержит в себе три органически взаимосвязанных элемента: когнитивный (познавательный)—определенные представления и мнения об объекте; эмоциональный (оценочный)—положительное или отрицательное чувство и отношение к данному объекту; поведенческий—готовность к определенному образу действия.

Согласно диспозиционной теории, разрабатываемой В. А. Ядовым и его сотрудниками, социальные установки личности не функционируют обособленно, сами по себе, а складываются в иерархическую систему диспозиций—фиксированных в социальном опыте личности предрасположенностей воспринимать и оценивать условия ее деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом. Первый, низший ее уровень составляет система элементарных фиксированных установок, формирующаяся на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях и представляющая собой готовность к действию (поведенческий компонент социальной установки). Второй уровень включает уже когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Следующий уровень иерархии диспозиционных структур личности характеризуется наличием общей (доминирующей) направленности интересов личности, которая более устойчива и стабильна по отношению к социальной установке. И, наконец, высший уровень диспозиционной структуры образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения, отвечающая высшим социальным потребностям личности в саморазвитии и самовыражении⁶. Однако в ходе социологического обоснования этой теории выяснилось, что не ценностные ориентации, а скорее общая направленность интересов доминирует на вершине диспозиционной иерархии личности⁷.

В зарубежной социально-психологической литературе интенсивно исследуются когнитивные, эмоциональные и поведенческие предрасположенности субъекта к реакциям на социальные обстоятельства деятельности как определенное отношение к различным объектам и ситуациям⁸. Однако практическая реализация мировоззренческой позиции в жизни осуществляется через активную социальную деятельность личности. Именно в ходе трудовой, общественно-политической, культурно-познавательной и других видов деятельности закрепляются и уточняются жизненные позиции людей, их мировоззренческие взгляды и убеждения. Поэтому деятельность можно рассматривать, с одной стороны, как условие или средство формирования жизненной позиции, а с другой—как ее непосредственный результат. Целенаправленная деятельность завершает процесс становле-

ния общей позиции личности в жизни и в то же время предвосхищает ее новые диспозиционные структуры.

Итак, жизненная позиция личности представляет собой сложное духовно-практическое образование, характеризующееся неразрывным единством мировоззренческой позиции и средств ее реализации — активной деятельности через систему потребностей и интересов, целей и идеалов, установок и ценностных ориентаций. Эта позиция требует от личности социальной активности в самом широком смысле этого слова. Поэтому формирование активной жизненной позиции у каждого советского человека — основная задача всей системы коммунистического воспитания, ориентированного на всестороннее и гармоническое развитие личности.

¹ См.: Кон И. С. Социология личности. — М., 1967, с. 23.

² См.: Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте: Психологическое исследование. — М., 1968, с. 174; Буева Л. П. Социальная среда и сознание личности. — М., 1968, с. 98; Рубинштейн С. Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности. — В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 246.

³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л., 1969, с. 288.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 493.

⁵ Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси, 1961, с. 170.

⁶ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. / Под ред. В. А. Ядова. — Л., 1979, с. 22—23.

⁷ См.: там же, с. 189.

⁸ См.: Борзикова Л. В., Семенов А. А. «Аттитюды» и поведение: Реферативный обзор. — Общественные науки за рубежом: Философия и социология. М., 1973; Шихарев П. Н. Исследование социальной установки в США. — Вопросы философии, 1973, № 2.

Навуковы камунізм

П. П. ДРОНЬ, Н. Н. БЕЛЯКОВИЧ

РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Проблема формирования личности — один из узловых моментов ожесточенной идеологической борьбы между социалистической и буржуазной идеологиями. С одной стороны, буржуазные идеологи усилленно пытаются противопоставить творческое наследие В. И. Ленина марксизму, изобразить его явлением узконациональным, чисто «российским», обвинить ленинизм в недооценке проблемы человека. С другой — доказывается неустранимость природной порочности человека, игнорируется реальное воплощение коммунистического идеала личности в практике социалистического строительства.

В. И. Ленин в новых исторических условиях осуществил дальнейшее творческое развитие марксистского учения о закономерностях становления и формирования социалистической личности. Выработка стратегических и тактических задач революционной борьбы рабочего класса и социал-демократии России в период подготовки и осуществления Великой Октябрьской Социалистической революции настоятельно требовала наряду с разработкой теории социалистической революции определения путей свободного и всестороннего развития всех членов общества, наиболее полного и строгого учета возможностей и условий превращения этого процесса в действительность.

Опираясь на основополагающий методологический принцип К. Маркса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» разоблачил теоретиков народничества как идеалистов, которые отрицали объективный характер общественного развития и отводили решающее значение в этом процессе субъективному фактору. Он показал, что ход истории, а вместе с тем и жизнедеятельность личности определяются объективными законами общественного развития, основу которого составляет материальное производство. «При материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в производственные отношения... Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом, производственный порядок обуславливает социальные, политические и чисто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит»¹.

Такое понимание отношений зависимости и взаимосвязи личности в обществе позволило материалистически объяснить существование человека и вывести общие закономерности его развития. В. И. Ленин показывает, что социальная природа человека не является качеством, присущим ему с момента рождения. Она есть результат включения индивида в систему общественных отношений. Поэтому научный подход к познанию человека предполагает прежде всего исследование характера отношений данной общественно-экономической формации, законов ее функционирования, не зависящих от сознания, воли и намерения людей.

В творчестве В. И. Ленина проблема развития человека рассматривается в неразрывной связи с общественно-исторической практикой, представляющей собой универсальный способ освоения действительности. При этом активная роль здесь отводится самой личности. Активность человека существует как внутреннее свойство его природы и проявляется в разнообразных видах деятельности. Развивая характеристику исторического процесса как результата индивидуальных действий, данную Ф. Энгельсом, В. И. Ленин пишет, что «история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» и что «задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия...»². Роль и место отдельных личностей или групп людей в осуществлении исторического процесса наиболее правильно дает возможность объяснить теория классовой борьбы. Она устанавливает приемы сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Посредством классовой борьбы, пишет В. И. Ленин, «...действия «живых личностей» в пределах каждой... общественно-экономической формации... были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой...»³ Для исторического процесса важно такое индивидуальное действие личности, которое определяется ее классовой принадлежностью. Поэтому только класс в состоянии играть решающую роль в историческом развитии. Именно он наиболее глубоко и полно выражает сущность деятельности социальной группы, вытекающую из ее места в сфере материальных условий общественной жизни. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения⁴.

Исследуя субъекты истории — личность и классы — в диалектической взаимосвязи, В. И. Ленин выработал вместе с тем единственно научный критерий определения социальной значимости человека. Если субъективная социология предлагала в качестве готового рецепта заняться изучением «живой личности» со всеми ее «помыслами и чувствами», то В. И. Ленин ставит вопрос иным образом: «помыслы и чувства» личности не являются случайно и произвольно. Они вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности. «И далее: по каким признакам, — писал он, — судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»⁵.

Мастерски применив марксистский метод конкретно-исторического анализа личности, условий ее жизни и деятельности, В. И. Ленин, исследуя социальные механизмы формирования личности, углубил научную концепцию человека. Самым общим объективным основанием для исследования сознания различных типов личности является в марксизме членение исторического процесса на общественно-экономические формации. Исходя из этого, В. И. Ленин свой анализ содержания сознания человека связал с конкретной системой общественных отношений и характером общественного разделения труда. Полемизируя с Михайловским, он указывает, что сознание и самосознание человека «должно быть объяснено из противоречий материальной жизни, из столкновения между условиями производства и условиями производительности»⁶. Социальные типы сознания обуславливаются принадлежностью личности к определенному классу, социальной группе. Раскрывая сущность буржуазного сознания личности, которому соответствует, как отмечает В. И. Ленин, тип Пуришкевичей и Столыпиных, можно выделить характерные для этого сознания признаки, как господство, насилие, подчинение, лицемерие, фальш, трусость, индивидуализм и эгоизм. Эти качества являются отражением тех условий, в которых живет буржуа.

Вместе с тем, как показал В. И. Ленин, в рамках буржуазного общества формируется высший, революционный тип сознания личности — классовое сознание рабочего класса. Оно является отражением объективного социального положения рабочего класса в системе общественных отношений. Это, в свою очередь, обуславливает и структуру его классового сознания, основными элементами которого являются, во-первых, понимание рабочим классом своего действительного положения в капиталистическом

обществе как основного эксплуатируемого и угнетенного класса. Во-вторых, осознание того, что обостряющиеся противоречия капиталистического общества заключают в себе объективные предпосылки, тенденции для изменения положения рабочего класса. В-третьих, сознание рабочего класса включает также понимание того, что объективные закономерности изменения его положения превратятся в действительность только в борьбе за свержение капиталистического строя, осознание своей исторической роли, цели борьбы ⁷.

Научный анализ типов сознания конкретных представителей социальной структуры дореволюционной России позволил В. И. Ленину найти в обществе, «...просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению **должны** — составить силу, способную смести старое и создать новое» ⁸. Объективное положение рабочего класса в системе капиталистических общественных отношений предопределяет его историческую миссию как могильщика этого общества и создателя нового, самого прогрессивного общественного строя, обеспечивающего условия формирования «**всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать**» ⁹.

В. И. Ленин раскрыл действие закономерности всестороннего и гармонического развития человека в условиях социализма, отметил решающее значение свободного труда для расцвета и самовыражения человеческой индивидуальности. Новый способ производства, основанный на общественной собственности, соединяет непосредственных производителей со средствами производства, создает возможность и на практике обеспечивает всем членам общества полное развитие и применение их физических и духовных способностей. При социализме творческие силы всех членов общества составляют единую совокупную рабочую силу и общественный труд выступает как процесс целенаправленных согласованных действий всего народа. На основе интеграции в трудовом процессе физических и интеллектуальных функций создается возможность всестороннего развития человека.

В социалистическом обществе постепенно устраняется присущее капитализму порабощающее разделение труда внутри предприятия, которое сводит до минимума его интеллектуальное содержание и развивает человека односторонне. В новых условиях распределение общественного труда между сферами и отраслями производства планомерно регулируется обществом. На первой фазе коммунизма еще сохраняется традиционно сложившееся разграничение сфер деятельности между классами и социальными группами с постоянно расширяющейся возможностью индивидуально-го выбора области труда каждым членом общества.

Обобщая первый опыт социалистического строительства, В. И. Ленин показывает, что прогресс общественного производства, все более полное овладение людьми законами социального развития приводят к сочетанию сознательного планомерного распределения труда между отраслями с переменой труда всех членов общества. Перемена труда как закономерность становления нового человека предполагает чередование в самом процессе производства различных видов деятельности, занятие ими в свободное время. Суть этого закона состоит в том, что человек должен обладать способностью для перехода от одного вида деятельности к другому родственному в соответствии с изменяющимися потребностями производства или личными побуждениями индивида. Каждый член общества должен быть способен после соответствующего совершенствования знаний и опыта к осуществлению функций управления обществом или коллективом.

Процесс становления и развития коммунистической общественной формации, как предвидел В. И. Ленин, будет сопровождаться усложнением и возвышением потребностей личности. Эта закономерность формирования нового человека, будучи выражением объективно необходимых условий и требований поступательного социального развития, находит свое проявление прежде всего в том, что в условиях социализма постоянно происходят изменения в структуре потребностей всех слоев общества как материальных, так и духовных. К первым относятся потребности не только в непосредственных материальных благах, но и экономические потребности более высокого уровня, отражающие отношения собственности. Это — потребности трудящихся в определенном типе собственности — общественной собственности, в ее укреплении и развитии, в обогащении содержания своего труда, в формах распределения общественного продукта, которые обеспечивали бы максимальное в данных условиях социальное равенство людей.

С возникновением социалистического общества формируются и развиваются потребности в разнообразных формах общественных связей, развиваются политические потребности (в демократических свободах, в управлении государственными и общественными делами), становится богаче и разнообразнее духовная жизнь человека.

Практика строительства развитого социалистического общества в СССР и других социалистических странах подтвердила и подтверждает жизненную и всеобщую значимость ленинского учения о закономерностях развития личности. Успехи в формировании нового человека, достигнутые нашей страной, являются реальным воплощением ленинского гуманистического идеала. «Советский человек, — отметил Л. И. Брежнев, — это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью создателя нового мира»¹⁰. Ленинское учение о человеке является подлинно научной основой формирования всесторонне развитой коммунистической личности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 135.

² Там же, с. 159, 415.

³ Там же, с. 430.

⁴ См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. — М., 1956, т. 2, с. 322.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

⁶ Там же, с. 136.

⁷ См.: Там же, т. 4, с. 312, 373, 374; т. 5, с. 363—364; т. 6, с. 24.

⁸ Там же, т. 23, с. 47.

⁹ Там же, т. 41, с. 33.

¹⁰ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 63.

А. Ф. ЛИТВИНОВИЧ

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ

В условиях зрелого социализма процесс интернационализации характеризуется диалектическим единством национального и интернационального и выражается в углублении и расширении обмена материальными и духовными ценностями, кадрами, опытом между тружениками различных национальностей, в формировании и росте интернациональных традиций, мировоззрения. Интернационализация выступает ускорителем развития производительных сил сельского хозяйства, совершенствования всей системы общественных отношений в деревне.

Социалистическая интернационализация есть планомерный, осуществляемый в соответствии с коренными интересами всех социалистических наций и народностей процесс формирования общих черт образа жизни, создания и развития исторической интернациональной общности людей, единых материальных и духовных ценностей, исключающий всякие противоречия между нациями, процесс, ведущий к их тесному сближению и в перспективе к постепенному социальному слиянию.

Социально-классовая структура общества требует дифференцированно-го подхода к вопросам коммунистического и интернационального воспитания трудящихся. Именно так ставил вопрос В. И. Ленин, который советовал подходить к массам «особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»¹.

Это важно и сегодня, так как на глубину, интенсивность интернационализации воздействуют сохраняющиеся и в условиях зрелого социализма существенные различия между городом и деревней. Коммунистическая партия прежде всего указала на комплексный подход к решению задач, направленных на достижение двух взаимосвязанных целей — надежного обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем и сближения материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни.

Село, по сравнению с городом, во многих регионах имеет немногочисленный национальный состав, а сельский уклад жизни характеризуется

меньшим числом межнациональных контактов и общений. В сельской местности более ярко, чем в городской, выражены традиционные национальные особенности культуры, быта и обрядов. На формирование мировоззрения жителей села решающую роль оказывает рабочий класс. Постоянное общение колхозников и рабочих совхозов с горожанами, трудовая дружба способствуют росту их политической активности, устранению пережитков прошлого, духовно и культурно обогащают работников села, внедряют в их сознание и жизнь принципы коммунистической морали, коллективизма, дружбы.

На современном этапе строительства коммунизма, когда началось движение к социальной однородности нашего общества, появляется все больше общих черт у современного рабочего и современного труженика села. Изменяется процесс, характер и содержание труда сельского труженика. Все больше внимания уделяется образованию, повышению уровня и расширению профиля подготовки специалистов различных профессий. Наряду с профессией агронома, зоотехника, ветеринарного врача, инженера, экономиста, селекционера появились профессии оператора, электрика, слесаря, еще сравнительно недавно считавшихся чисто «городскими». В данном случае уклад жизни сельского населения приближается к городскому. Растет профессиональный уровень жителей села, происходит расширение его кругозора, формируется материалистическое и интернационалистское мировоззрение.

Создание аграрно-промышленных комплексов является наиболее эффективным путем рационального использования трудовых ресурсов села, сближения уровней жизни городского и сельского населения в современных условиях, фактором формирования интернационалистского мировоззрения.

Традиционная консервативность деревни даже в условиях развитого социализма не может не оставить своего отпечатка на приобщении жителя села к новым бытовым условиям. Например, значительное количество сельских жителей в Литве и западных областях Белоруссии живет на хуторах. Эта разобщенность мешает проведению культурно-массовых и общественно-политических мероприятий, зачастую лишает хуторян, в особенности молодежь, возможности участвовать в художественной самодеятельности, посещать кино, лекции, вынуждает тратить много времени для поездок на работу и с работы, которое можно было бы использовать для учебы, разумного досуга.

Различия между рабочими и жителями села по темпам роста в области образования заметно сокращаются, а в Литовской ССР, например, темпы роста образовательного уровня жителей села выше городских. В 1959 году на тысячу городских жителей республики приходилось 406 человек с высшим и средним (оконченным и неоконченным) образованием, а в 1979 году — 684, т. е. в 1,7 раза больше. Из расчета на тысячу жителей в городах республики людей с высшим образованием и средним (оконченным и неоконченным) в 1959 году было в 3,3 раза больше, чем на селе, а в 1979 году лишь в 1,8 раза ².

Формирование интернационалистского мировоззрения тружеников села требует учета ряда важных особенностей. Необходимо всемерно использовать возросшие возможности межреспубликанского социалистического соревнования, положительное влияние города на сельских жителей в процессе шефских связей. Повышение культурно-технического уровня работников села объективно способствует формированию их материалистического мировоззрения и интернационалистского сознания. Процесс активного формирования интернационалистского мировоззрения тружеников села требует также ускоренного сближения бытовых условий города и деревни, дифференцированного учебно-воспитательного подхода к различным слоям сельского населения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 192.

² См.: Коммунист (Вильнюс), 1981, № 6, с. 35.

В. И. КОНОВАЛЬЧИК

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Реализация выдвинутой XXVI съездом КПСС задачи динамичного развития и роста эффективности производства в сельском хозяйстве, укрепления его материально-технической базы, совершенствования распределительных отношений органически связана с ростом уровня и масштабов обобществления сельскохозяйственного производства, развитием и совершенствованием его форм. Качественная особенность современного этапа обобществления производства в сельском хозяйстве характеризуется развитием специализации и концентрации на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

Материальной основой процесса обобществления производства является развитие производительных сил. Исторически и логически данный процесс взаимосвязан с возникновением общественного разделения труда. Углубление общественного разделения труда основано на дальнейшем развитии производительных сил и сопровождается усилением специализации всех звеньев общественного производства, что ведет к развитию и совершенствованию их взаимосвязей и взаимозависимостей и означает усиление общественного характера труда. Так как общественное разделение труда является непрерывным, постоянно развивающимся процессом, то и процесс обобществления производства развивается во всех общественно-экономических формациях, на всех их этапах.

В. И. Ленин видел сущность процесса обобществления производства при капитализме «в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности; — в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства... Это значит, что общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплавиваются в одно целое»¹.

В этом определении В. И. Ленина выделяются две стороны процесса обобществления: специализация, базирующаяся на развитии общественно-разделения труда, и кооперация труда. Указанные две стороны процесса обобществления производства характеризуют этот процесс в любой общественно-экономической формации.

Сейчас общепризнано, что обобществление производства — сложный процесс, отражающий развитие производительных сил и производственных отношений. Поскольку система производственных отношений является социально-экономической формой развития производительных сил, то процесс обобществления производства представляет собой диалектическое единство материально-вещественного содержания и социально-экономической формы.

Всякий процесс производства осуществляется при наличии средств производства, работников, приводящих их в движение, и процесса труда. Очевидно, что процесс обобществления производства означает обобществление всех названных, тесно взаимосвязанных его элементов. Таким образом, в рамках обобществления производства происходит процесс обоб-

ществления средств производства, труда и формирование совокупного работника.

Некоторые экономисты разграничивают понятия «обобществление производства» и «обобществление труда»². Однако процесс производства невозможен без процесса труда и отрывать их друг от друга нелогично. При абстрактно-логическом анализе понятия «обобществление производства» и «обобществление труда» различны. В реальной же действительности они выступают как единый процесс. Нельзя говорить о процессе производства без процесса труда, так же как нельзя вести разговор о процессе труда вне процесса производства. Поэтому в широком смысле обобществление производства означает обобществление производства и труда. Это диалектическое единство.

Обобществление средств производства составляет исходный момент социалистического обобществления производства. Оно осуществляется двояко: путем национализации основных средств производства крупной буржуазии и путем кооперирования мелких товаропроизводителей. Национализация средств производства — это юридическая предпосылка для экономического обобществления производства, которое В. И. Ленин назвал «обобществлением производства на деле»³. Процесс обобществления средств производства тесно взаимодействует с обобществлением труда и формированием совокупного работника.

Преобразование мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое сельское хозяйство осуществлялось по ленинскому кооперативному плану. Установление социалистической собственности на средства производства в формах государственной общенародной собственности и колхозно-кооперативной создало широкие возможности для развития всеобщей кооперации труда, взаимодействия работников в производстве, становления непосредственно-общественного характера производства, достижения планомерности как всеобщей формы осуществления экономических процессов.

В условиях развитого социализма процесс обобществления производства охватывает все отрасли народного хозяйства, в том числе и сельское хозяйство. Здесь обобществление производства реализуется в формах специализации, концентрации, кооперирования. В докладе на июльском Пленуме ЦК КПСС (1978) Л. И. Брежнев говорил: «Специализация и концентрация производства... есть то, что марксисты-ленинцы называют обобществлением производства и труда»⁴. Необходимо подчеркнуть, что специализация и концентрация первичны по отношению к межхозяйственному кооперированию, которое развивается на их основе.

Индустриализация сельскохозяйственного производства порождает потребности в новых профессиях, изменяет характер и содержание труда, расширяет рамки его кооперации. На этой основе возникают новые формы организации совместного труда многих работников, укрепляются коллективизм и отношения взаимопомощи и сотрудничества.

Одной из важнейших социально-экономических особенностей сельского хозяйства является наличие двух форм социалистической собственности: государственной общенародной и колхозно-кооперативной. Степень зрелости колхозно-кооперативной формы собственности ниже государственной, что выражается в различных уровнях обобществления колхозного и совхозного производства. На отношения собственности в сельском хозяйстве все большее влияние оказывают процессы межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

Межхозяйственная кооперация повышает уровень обобществления колхозного производства, ведет к ослаблению группового характера колхозно-кооперативной собственности. Так как собственность государственно-колхозных формирований создается путем долевых взносов, средства производства, закрепленные за межхозяйственными предприятиями, произведенная продукция и полученная прибыль являются коллективной собственностью хозяйств-пайщиков в соответствии с их долевым участием, то это свидетельствует о повышении уровня обобществления производства, но не дает основания утверждать о возникновении новой самостоятельной формы собственности⁵. Совместная деятельность колхозов и совхозов в рамках таких формирований вносит новые черты в отношения собственности, усиливая внутреннюю связь двух форм социалистической собственности в сельском хозяйстве. Это вызывает социальные изменения в жизни колхозного крестьянства. Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС указывал, что «на социальную структуру села большое влияние оказывает

сближение двух форм социалистической собственности, развитие межхозяйственных организаций, в которых участвуют и колхозы, и государственные предприятия. Немалое значение имеют и изменения форм организации, оплаты труда колхозников»⁶.

В процессе межхозяйственного кооперирования происходит изменение роли и места колхозов в сельскохозяйственном производстве. Они утрачивают значение единственных хозяйственных производственных ячеек в колхозно-кооперативном секторе экономики. На базе кооперации возникли специализированные межхозяйственные предприятия индустриального типа с высоким уровнем концентрации производства. Они призваны обеспечить общенародные интересы по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, а также интересы хозяйств-пайщиков в выполнении продовольственной программы и повышении уровня рентабельности кооперированных отраслей. В условиях нашей республики наиболее рациональной формой межхозяйственного кооперирования являются колхозы и совхозы, выполняющие производственные функции межхозяйственных предприятий. Таких в республике насчитывается 277, а всего в производстве продукции животноводства участвуют 903 спецхоза. В них, по сравнению с многоотраслевыми хозяйствами, в 2—3 раза выше производительность труда, в 1,5—2 раза ниже себестоимость продукции⁷.

Межхозяйственная кооперация позволяет вовлекать все колхозы и совхозы, независимо от уровня их экономического развития, в процесс концентрации и специализации, что способствует росту эффективности производства в целом, создает материально-технические и организационные предпосылки для более высокого уровня обобществления сельскохозяйственного производства — агропромышленной интеграции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 177.

² Ионов Ч. К вопросу о сущности социалистического обобществления производства.— Экономические науки, 1975, № 2, с. 18.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом.— М., 1979, т. 7, с. 423.

⁵ Панченко Н. Ф., Ломакин В. А. Накопление в колхозах.— М., 1976, с. 199.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 53.

⁷ Гвоздев В. Углублять специализацию и концентрацию в сельском хозяйстве.— Коммунист Белоруссии, 1980, № 5, с. 12.

Т. Л. КЛЕЦКОВА

КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ СОБСТВЕННОСТИ ГЕГЕЛЯ В РАНИХ РАБОТАХ К. МАРКСА

Государственно-правовая теория Гегеля в своей основе представляет собой наиболее значительную попытку теоретического обоснования частной собственности как прирожденного свойства человека и разумного общественного начала. В его построениях она и составляющий элемент человеческой личности, и основа, субстанция гражданского общества и политического государства¹. Поэтому воспевание государства как действительности нравственной идеи оборачивается тем, что действительность нравственной идеи выступает здесь как религия частной собственности². Фактически вся система категорий «Философии права» основана на развертывании определений частной собственности, составляющих тем самым субстанцию этой системы.

Отказываясь от однозначного определения категории собственности, Гегель характеризует ее посредством системы диалектически взаимосвязанных категорий, начиная со свободной воли, владения, потребления, отчуждения, договора и кончая семейным и всеобщим имуществом, словами и государством. Совокупностью этих категорий он описывает собственность как волевое, юридическое отношение³. Простейшее абстрактное определение развертывается в многообразное целое, причем «воля собственника, согласно которой вещь принадлежит ему, есть первая субстанциональная основа, и ее дальнейшее определение, употребление есть лишь явление и особый способ видоизменения, не имеющий такого значения, как эта основа»⁴.

Исходя из вышесказанного, представляется справедливым, что «система Гегеля лишь выражает и идеализирует первостепенную важность

частной собственности в структуре гражданского общества и политического государства»⁵. Причем Гегель защищает и феодальную и буржуазную собственность, что, естественно, обусловило внутренние противоречия его теории, так как требование сохранения феодальной собственности противоречит требованию развития собственности буржуазной. Объективной основой этого «дуализма» теории явился «дуализм» немецкой действительности на рубеже XVIII—XIX веков, который и был лишь некритически воспроизведен.

К. Маркс пришел к необходимости систематического критического пересмотра государственно-правовой теории Гегеля в самом начале формирования основ собственных взглядов на общество. Естественно, что он не дает в своих первых работах всестороннего и систематического ее анализа. Однако уже в самых ранних работах он не только разбирает «некритический позитивизм», социальный смысл гегелевской апологетики. Критика реакционных сторон философии права Гегеля является здесь одновременно и постановкой вопроса об искажении диалектики в его системе.

В то время как для Гегеля проблема собственности носит абстрактный характер (обязанность уважать собственность тождественна якобы праву на нее), К. Маркс интересуется действительным правом действительного лица, и прежде всего — социально и политически обездоленной массы. Становление научных взглядов К. Маркса на собственность начинается с ломки идеалистического метода и создания общенаучных материалистических предпосылок ее исследования. Реализация переворота в методологии осуществляется через изменение теоретических определений, трактовки понятия собственности, ее природы.

Центральным в критике гегелевских взглядов оказался вопрос о сущности противоречий современного прусского общества и их преодолении. К. Маркс отмечает, что глубина Гегеля сказывается в том, что он везде начинает с противоположности определений и на ней делает упор. Но при этом главная его ошибка состоит в том, что он «противоречие явления понимает как единство в сущности, в идее, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно — существенное противоречие»⁶. К. Маркс критикует Гегеля за непонимание действительных отношений между условиями прусского государства, все противоречия между которыми он сводит к абстрактным, мистическим противоречиям. Это следствие «коренного порока его хода мыслей», состоящего в том, что в субъект превращаются абстрактно-логические категории, идея, а действительный субъект — в ее предикат.

К. Маркс показывает, что способ дедуцирования действительности из идеи создает только видимость действительного познания, развития определенного содержания, ибо не позволяет вскрыть специфику рассматриваемого предмета. Поскольку понятие как получившая самостоятельное бытие абстракция превращается в активный определяющий и различающий принцип, постольку «конкретное содержание, действительное определение, выступает здесь как формальное, а совершенно абстрактное определение формы выступает как конкретное содержание» (235). Гегель превращает действительность в феномен идеи, но сама идея не имеет другого содержания, кроме этого феномена, и потому первое попавшееся эмпирическое существование трактуется как реальный момент идеи.

Так, Гегель, последовательно развивая понятие собственности как объективированной воли, проводит различие между частной собственностью, наследуемой по майоратному праву и независимой от юридической воли, и имуществом, отчуждаемым и приобретаемым на основе «общей воли», договора. К. Маркс, соглашаясь в целом с этим подразделением, обращает, однако, внимание на грубую непоследовательность Гегеля в оценке этих форм. В отделе о частном праве «истинной идеальностью» частной собственности провозглашается отчуждаемость и зависимость от общей воли, а в отделе о государственном праве — наоборот, мнимое превосходство неотчуждаемости. Причину этого К. Маркс находит в том, что для Гегеля понятия государства, права, собственности и др. как выражения движения абсолютной идеи нетождественны их осуществлению в действительности. Объективный идеализм неизбежно ведет к удвоению мира, что и явилось философской основой некритического позитивизма Гегеля. Вследствие этого понятие собственности развивается им фактически с буржуазных позиций, а его эмпирическая форма — с позиций феодальных.

Хотя К. Маркс еще считает, что землевладение, «независимая частная собственность», является высшей ступенькой, наиболее развитой формой, тем не менее утверждает, что собственность отчуждаемая более прогрессивна, поскольку более «человечна» по сравнению с первой, у которой обрезаны все социальные нервы. В имуществе мы «сквозь частную собственность слышим биение человеческого сердца: это зависимость человека от человека. Какова бы ни была сама по себе природа этой зависимости, она человечна по сравнению с таким рабом, который воображает себя свободным на том основании, что ограничивающей его сферой является не общество, а земля. Свобода этой воли сводится к ее пустоте, к отсутствию в ней всякого другого содержания, кроме частной собственности» (338). Здесь К. Маркс подходит к пониманию частной собственности как определяющей зависимости человека от человека, как общественного отношения. Одновременно в критике апологетической теории майората он фактически начинает выступать (пока в данном частном случае) против изначального определения Гегелем самого абстрактного понятия собственности.

Так, К. Маркс считает, что в майорате частная собственность уже не является определенным объектом произвола, а наоборот, произвол является определенным предикатом частной собственности. Для сословия земельных собственников землевладение становится субстанциональным определением, составляющим «сокровеннейшее достояние личности», его личность вообще, так как является неотчуждаемым благом. В наследственном майорате, таким образом, «субъектом является вещь, а предикатом — человек. Воля становится собственностью собственности» (343). А потому «дело обстоит здесь уже не так, что собственность существует постольку, «поскольку я вкладываю в нее свою волю», а так, что моя воля существует постольку, «поскольку она вложена в собственность. Моя воля не владеет уже здесь объектом, а сама она находится во власти объекта» (336—337). К. Маркс не только имеет в виду предметный, вещный характер частной собственности. Он выступает против конструирования Гегелем сословия землевладельцев в качестве непосредственно политического сословия «природной нравственности», особенностью которого является якобы «покоящаяся на себе воля». К. Маркс утверждает: землевладение как источник средств существования и «покоящаяся на себе воля» суть две различные вещи. Следовало бы скорее говорить о «воле, покоящейся на землевладении» (328).

Гегель доказывал, что сословия своей опосредствующей деятельностью снимают противоречие между правительством и народом, что через их представительство государство примиряет противоположные интересы. К. Маркс же показывает, что сословное представительство — не что иное, как организованная политическая противоположность гражданского общества, а потому не устраняет противоречие гражданского общества, а выявляет, углубляет его, создавая тем самым предпосылки его разрешения.

В отличие от Гегеля, который свел все реальные противоположности прусского общества к отношению всеобщего и единичного в структуре умозаключения, а потому к их замазыванию, опосредованию в качестве разрешения, К. Маркс дает конкретную, глубоко диалектическую постановку проблемы противоположностей. Он считает, что «долгину философская критика современного государственного строя не только вскрывает его противоречия как реально существующие, но и объясняет их, она постигает их генезис, их необходимость. Она постигает их в их специфическом значении. Это понимание состоит, однако, не в том, чтобы, как это себе представляет Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета» (325).

Изучив процесс разложения сословной организации, К. Маркс пришел к выводу о существовании двоякого рода сословий: социального и политического. Сущность социальных сословий как результат исторического развития заключается в том, что «отдельные члены народа равны на небесах их политического мира и не равны в их земном существовании, в их социальной жизни» (310). Деньги и образование выступают в качестве главных критериев в различии этих сословий. Рассматривая их материальное положение, К. Маркс обнаруживает, что «люди, лишенные всякой собственности, и сословие непосредственного труда... являются в меньшей степени сословием в гражданском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги» (311). Если исключение из си-

стемы частной собственности делает «сословие непосредственного труда» не членом, а инструментом гражданского общества, то в противоположности официальных сословий К. Маркс видит противоположность различных форм частной собственности. Он показывает, что противоречия сословий прусского общества в действительных отношениях действительного государства приняли «совершенно новую, а именно — весьма материальную форму, как едва ли следовало ожидать от отношений, существующих в небесах политического государства. Противоположность, показываемая здесь Гегелем, представляет собой, если выразить ее с необходимой остротой, противоположность между частной собственностью и имуществом» (333).

В эмпирическом факте наличия противоречий между сословиями Маркс обнаруживает внутреннее существенное противоречие — в развитии форм частной собственности. Здесь он приближается к пониманию частной собственности как основы классовых различий. В последующем именно это положение он использует для создания и развития материалистической теории собственности. Уже в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс укажет на единство противоположностей частной собственности как основы мирских социальных противоречий и пролетариата как класса гражданского общества, порожденного движением частной собственности и требующего ее уничтожения. А в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» частная собственность будет определена как труд, капитал и их противоречивое взаимоотношение, т. е. как отношение между людьми в сфере экономики.

В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс намечает положение о праве как отражении фактических материальных отношений собственности, сравнивая римскую и германскую системы частного права. У римлян, впервые разработавших право частной собственности как абстрактное право, частное право в его классическом выражении, нет, по мнению К. Маркса, его мистификации. Это проявляется в том, что в отличие от германцев, у них «собственное основание частной собственности, владение, берется как факт, как необъяснимый факт, а не как право». К. Маркс показывает нормальный, неизвращенный характер отношения римлян к собственности. Для них «лишь благодаря юридическим определениям, которые общество дает фактическому владению, последнее приобретает качество правового владения, частной собственности» (347). Основу этих различных форм права он находит в частной собственности и их различие объясняет различием «между римским и германским типом развития частной собственности». Подлинное значение эти положения приобретут с созданием целостного материалистического понимания истории, отправные моменты которого сформулированы Марксом уже в данной работе.

Выводы из критики К. Марксом гегелевской теории собственности имеют принципиальное значение для анализа современных буржуазных теорий собственности. Под влиянием реальных социально-экономических процессов они претерпели определенные изменения. Некоторые буржуазные теоретики вынуждены на словах признавать экономическую природу собственности и ее системообразующую роль. Но большинство из них остается на позициях сугубо юридической ее трактовки и абстрактно-идеалистического подхода к ее рассмотрению, несостоятельность которых К. Маркс разоблачил уже в ранних своих работах.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 333—334, 335, 340.

² Там же, с. 338.

³ См.: Шкрядов В. П. К истории разработки концепции собственности в «Капитале» К. Маркса. — Вестник МГУ, серия 7, экономика, 1967, № 4.

⁴ Гегель. Соч., т. VII, с. 84.

⁵ Корню О. К. Маркс и Ф. Энгельс: Жизнь и деятельность. — М., 1976, с. 540.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 324. В дальнейшем страницы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.

ОПЛАТА ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

(по материалам социологического исследования)

В организации и планировании заработной платы педагогических работников немало нерешенных проблем. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии указывалось, что необходимо «изжить формализм в оценке результатов труда учителей...»¹ Весьма сложной проблемой является установление тесной зависимости заработной платы учителя от результатов его труда, который характеризуется рядом специфических особенностей. Деятельность учителя включает выполнение разнообразных функций и видов работ не только по обучению, но и воспитанию подрастающего поколения. Успех учебно-воспитательного процесса зависит не только от усилий педагога, его квалификации, опыта, педагогического мастерства, но и от способностей учащихся, их отношения к учебе, семейного воспитания и т. д. Таким образом, точное определение количественных и качественных параметров педагогического труда — задача весьма сложная.

В целях изучения практики организации, нормирования и оплаты труда учителей и для выработки научных рекомендаций по их совершенствованию автор провел социологическое исследование в ряде школ Советского района Минска. В процессе исследования нами выявлено, что для оценки труда учителя применяются трудовые нормы, ставки и оклады с учетом квалификации, образования и стажа педагогической работы. Однако в данной системе не находят достаточно полного отражения индивидуальные усилия каждого работника, количество и качество его труда. Труд основной массы учителей оплачивается в зависимости от образования и стажа, без учета индивидуальных достижений в учебной и воспитательной работе.

Необходимость совершенствования системы оплаты учительского труда непосредственно зависит от улучшения его нормирования. Сегодня же в школах точно определена недельная норма проведения уроков: для всех учителей-предметников — 18 часов, а для учителей начальных классов — 24 часа. Проведение урока непосредственно связано с подготовкой к нему, проверкой письменных работ, дополнительными занятиями и консультациями. Затраты времени на эти виды работы в расчете на каждый проведенный урок составляют у учителей русского языка и литературы — 1,5; иностранного языка — 0,8; истории и географии — 0,9; математики — 1,3; физики — 1,2 часа². Это значит, что при выполнении 18-часовой недельной нормы на подготовку и проведение уроков учителя разных предметов затрачивают неодинаковое количество времени и труда. Большинство опрошенных нами учителей подтвердило этот факт. Поэтому норму недельной учебной нагрузки, на наш взгляд, необходимо дифференцировать. При установлении научно обоснованных норм учебной нагрузки «важно, чтобы нормы труда имели примерно одинаковую степень напряженности, так как иначе в распределении по труду не будет в полной мере реализована равная оплата за равный труд»³.

Недостатки в нормировании учительского труда проявляются и в его оплате. Ставки заработной платы устанавливаются на основе единой нормы для учителей-предметников, исходя из 18 часов недельной учебной нагрузки. Как уже сказано, для выполнения этой нормы объективно учителя различных учебных дисциплин затрачивают разное количество труда, а получают равное вознаграждение. Это противоречит требованиям экономического закона распределения по труду при социализме.

Существующая в настоящее время система оплаты труда учителей стимулирует увеличение педагогической нагрузки, так как объем заработной платы находится в прямой пропорциональной зависимости от величины нагрузки. Из всех опрошенных учителей-предметников 64,9% имели нагрузку свыше 18 часов в неделю. А что касается преподавателей русского (родного) языка и математики, то 80% из них имели нагрузку, превышающую норму. В то же время выполнение других видов учебно-воспитательной работы, помимо осуществления учебного процесса, стимулируется недостаточно. Такая система материального стимулирования труда педагогических работников может повлечь за собой ряд негативных моментов. Во-первых, привести к снижению качества преподавания учебных

дисциплин (при большой учебной нагрузке учитель не сможет уделять достаточно внимания повышению своей квалификации, методического уровня проведения занятий, индивидуальной работе с учениками). Во-вторых, чрезмерная учебная нагрузка может снизить качество воспитательной работы с учащимися. Все это не соответствует основным задачам советской школы, ибо для нее «главное сегодня в том, чтобы повысить качество обучения, трудового и нравственного воспитания...»⁴

В существующей практике организации заработной платы размеры доплат за внеурочную работу, на наш взгляд, не соответствуют затраченным на нее рабочему времени и труду. В первую очередь, это касается оплаты за классное руководство. Как известно, она составляет 10 рублей в месяц. Результаты социологического опроса показывают, что более половины учителей, выполняющих обязанности классного руководителя, затрачивают в неделю на эту работу 3—6, а почти треть учителей (32%) — 7 и более часов. Одним из направлений стимулирования учительского труда 62% опрошенных считают увеличение размера доплат за другие виды учебно-воспитательной работы и, в первую очередь, за классное руководство.

Эффективная система заработной платы немыслима без учета качества труда. Качество педагогического труда принято определять по уровню квалификации работника, а критерием самой квалификации считают уровень образования и стаж работы по специальности. На основе этих показателей осуществляется дифференциация ставок и окладов учителей. Однако квалификация отражает непосредственно не качество труда работника, а качество его рабочей силы, т. е. его потенциальную способность к выполнению данного вида деятельности. Поэтому даже у работников одной квалификации результаты труда могут быть различными, а это значит, что уровень образования и педагогический стаж не должны превращаться в автоматический регулятор заработной платы. При установлении заработной платы учителям необходимо учитывать результаты их труда. Для реализации этого положения в последнее время устанавливаются квалификационные категории наиболее опытным учителям, добивающимся высоких результатов в работе. Предусмотрена также возможность выплаты разовых премий учителям по итогам календарного или учебного годов.

Результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что в целом учителя положительно оценивают практику установления квалификационных категорий. Так, свыше половины опрошенных (51%) подтвердили, что квалификационные категории отражают действительные различия в профессиональном мастерстве учителей, качестве их труда. 38,7% учителей указали, что практика присвоения квалификационных категорий и установления соответствующих различий в оплате труда вызывает у них стремление к повышению профессионального мастерства, к достижению наилучших результатов в труде. Однако 19,3% опрошенных высказали мнение, что данная практика слабо стимулирует их к лучшей работе, а 10,7% указали, что не стимулирует. В чем причины таких разных оценок?

В пяти обследованных школах не оказалось ни одного «учителя-методиста» или «старшего учителя». В целом по Советскому району Минска по результатам двух аттестаций (1976, 1981) звание «учитель-методист» присвоено только трем и «старший учитель» — тоже трем педагогам. В школах же района работает свыше тысячи учителей. Таково положение и в других городах страны. Так, в Москве за 1975—1980 годы аттестовано 30 697 учителей. Из них только 95 присвоено звание «старший учитель», а 61 — «учитель-методист»⁵. Такая далекая перспектива получения квалификационной категории не стимулирует учителей. По нашему мнению, необходимо увеличить количество присваиваемых квалификационных категорий, чтобы в каждой школе выделять и материально вознаграждать наиболее опытных педагогов за их добросовестный труд.

Для того, чтобы профессионально-квалификационный уровень стал основным показателем, характеризующим качество труда учителя, он должен включать не только образование и стаж, но и педагогическое мастерство, профессиональную компетентность, деловые качества, призвание, умение владеть современными приемами обучения и воспитания.

Большинство опрошенных учителей среди мотивов выбора профессии поставили на первое место — «нравится работать с детьми», следующий мотив — «работа учителя является для меня интересной и разнообразной».

25,3% опрошенных указали, что считают профессию учителя своим призванием. В то же время некоторая часть учителей (16,6%) отметила, что если бы им пришлось теперь избирать трудовой путь, то эту профессию они бы не выбрали. Одна из причин неудовлетворенности этой группы учителей своей профессией кроется, на наш взгляд, в недостаточном материальном стимулировании их труда. Из них 76% — не удовлетворены системой оплаты труда. 60% учителей этой группы имеют среднемесячный доход в расчете на одного члена семьи менее 100 рублей.

Уровень педагогического мастерства — один из главных показателей качества труда учителя. Он должен не только глубоко знать предмет, но и уметь передать свои знания и опыт, развивать познавательный интерес к изучаемому материалу, формировать у учащихся навыки самостоятельной работы. При оценке уровня мастерства надо исходить из информированности учителя о передовом опыте и достижениях педагогической науки, его умения эффективно применять передовые приемы работы, наиболее соответствующие его педагогическому опыту. Успех обучения и воспитания подрастающего поколения непосредственным образом зависит и от особенностей личности учителя: насколько он может быть примером творческого отношения к работе, дисциплинированности, нравственности, в какой мере оказывает на учащихся положительное влияние.

В настоящее время оценка профессионально-квалификационного уровня учителей осуществляется посредством аттестации. Аттестация должна помочь объективно, всесторонне оценить качество, индивидуальные особенности и результаты деятельности каждого учителя. Эффективность аттестации педагогических работников в значительной степени зависит от качества отзыва (характеристики), его объективности, всесторонности и полноты. На наш взгляд, для повышения качества оценки деятельности учителя целесообразно разработать и внедрить в практику научную систему баллов. Это позволит конкретно учитывать достижения и неудачи учителей в учебно-воспитательной работе, более правильно определять размеры их материального вознаграждения за труд и будет «обеспечивать справедливую и объективную оценку трудового вклада каждого»⁶.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 60.

² См.: Организация, нормирование и оплата труда в непродовольственных отраслях.— М., 1978, с. 70.

³ Шкурко С. И. Стимулирование качества и эффективности производства.— М., 1977, с. 16.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 60.

⁵ См.: Подготовка и проведение аттестации учителей в школе (методические рекомендации).— М., 1981, с. 2—3.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 59.

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

КУЛЬТУРА СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

Судебная трибуна — это средство огромного идеологического воздействия, острое оружие борьбы с проявлениями чуждой нашему обществу морали, взглядов, привычек. Она используется участниками судебных прений для вскрытия пороков в нравственном воспитании отдельных людей, для показа того вреда, который причиняется преступлениями обществу и государству, для правильной правовой и политической оценки совершенного преступления. «Нигде в практической жизни, — говорил М. И. Калинин, — нельзя так хорошо агитировать, как на судебных процессах. Когда агитируешь, надо выбирать соответствующий момент и исходить из конкретных фактов. Судебный процесс и есть тот постоянный, конкретный случай, который берется прямо из жизни»¹.

Хорошо продуманные, аргументированные и яркие по форме речи участников судебных прений, произнесенные с судебной трибуны, помогают подсудимому осознать содеянное им, пересмотреть свое поведение, сделать необходимые выводы, а всем присутствующим — уяснить недопустимость преступлений, важность неуклонного соблюдения законов и норм социалистической морали.

Помогая подсудимому осознать всю тяжесть совершенного преступления, тот вред, который он причинил обществу и отдельным гражданам, судебные прения тем самым кладут начало его перевоспитанию.

Говоря о воспитательном воздействии судебного разбирательства в целом и судебных прений как его составной части следует отметить, что оно может быть эффективным лишь при соблюдении определенных условий. Одним из условий эффективности воспитательного воздействия судебного разбирательства и, в частности, судебных прений, как подчеркивается в руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 года «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений», является строгое соблюдение норм процессуального и материального права, высокая культура судебной деятельности².

Культуру судебного процесса характеризуют строгое соблюдение законности при отправлении правосудия, высокое профессиональное мастерство судей, прокурора и адвоката, безусловное соблюдение норм морали и этикета во взаимоотношениях участников процесса.

Строжайшее соблюдение социалистической законности — основа судебной культуры. Органическую связь законности и культуры раскрыл еще В. И. Ленин на II Всероссийском съезде политпросветов, указавший на необходимость «научить бороться культурно за законность, ничуть не забывая границ законности»³. О взаимосвязи «культурности и законности» говорится и в письме В. И. Ленина «О «двойном» подчинении и законности»⁴.

Высокий культурный уровень судопроизводства состоит прежде всего в том, чтобы последовательно выполнять положения материального и процессуального закона. Как правильно отмечает А. И. Ликас, «в судебном заседании нет мелочей — все существенно и все важно: малейшее нарушение процессуальных норм недопустимо, ибо это подрывает авторитет

правосудия в глазах присутствующих граждан, снижает воспитательную роль суда. Без понимания этих основ деятельности суда не может быть достигнута высокая культура судебного процесса»⁶.

Участники процесса должны неукоснительно соблюдать не только требования закона, но и нравственные принципы социалистического общества. Культура судебных процессов—это прежде всего «соблюдение нравственных, этических требований, человеческое, вдумчивое, осторожное отношение к подсудимому, к его судьбе, забота об интересах потерпевшего, уважение к сторонам, искреннее желание найти правду и максимальная предупредительность, чтобы избежать ошибки»⁶.

Судебный ритуал и соблюдение процессуальных требований имеют прямое отношение к культуре судебной деятельности. Обстановка в суде должна подчеркивать строгость, порядок, деловую атмосферу отправления правосудия, включающую в себя уважительное отношение к сторонам и свидетелям, соблюдение правил вежливости в обращении участников процесса друг к другу и к составу суда. Между тем в судебной практике еще встречаются случаи нарушения судебной этики, проявление неравенства в отношении судей к отдельным участникам процесса, что в конечном итоге наносит ущерб воспитательной роли суда. Так, Ю. Феофанов отмечает, что «в перерыве между заседаниями суда некоторые прокуроры запросто заходят в комнату судей, адвокат же, робко постучавшись, лишь осмелится спросить что-либо. Это все видят. И хотя прокурор, допустим, обменяется с судьей впечатлениями о погоде, публика вольна думать, что там составляется приговор»⁷. Действуя таким образом, суд и прокурор уменьшают воспитательное воздействие судебных прений, поскольку у присутствующих складывается мнение, что дело уже решено, а судебные прения есть не что иное, как соблюдение необходимых формальностей.

Культура судебного процесса в целом и судебных прений как его составной части во многом зависит от формы отношений между государственным обвинителем и защитником подсудимого. Их отношения должны быть проникнуты взаимной вежливостью, выдержкой и тактом.

Наш процесс является процессом состязательным. Но в нем не должно быть места грубым нападкам одного участника процесса на другого, а взаимная критика доводов должна быть средством отыскания истины по делу и не вести к оскорблениям и унижениям личности. Как правильно отмечает М. Ю. Рагинский, «воспитательное значение судебных прений сводится на нет, когда участники прений, увлекшись полемикой, затевают схоластические споры, а в особенности в тех случаях, когда они проявляют неуважение друг к другу, а тем более к суду. Судебная аудитория весьма чутко реагирует на подобные факты, которые дискредитируют прокуратуру и адвокатуру, подрывают авторитет советского суда»⁸. Известный теоретик К. Маркса «воспитатель сам должен быть воспитан»⁹ в полной мере относится к судьям, прокурорам и адвокатам.

Культура прений во многом зависит от содержания судебной речи, от того, насколько она продумана, выразительна, риторически безупречна. Развитию культуры судебной речи и общего ораторского искусства, на наш взгляд, следует уделять больше внимания. Основы красноречия нужно закладывать уже в период обучения в вузе, а умение произносить речи в суде совершенствовать в постоянно действующих школах ораторского мастерства, созданных при областных прокуратурах и коллегиях адвокатов.

¹ Калинин М. И. О социалистической законности.— М., 1959, с. 161.

² См.: Советская юстиция, 1977, № 2; Ликас А. А. Культура судебного процесса.— М., 1971, с. 6.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 465.

⁴ Там же, т. 45, с. 197—201.

⁵ Ликас А. И. Указ. соч., с. 8.

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.— М., 1968, т. 1, с. 180.

⁷ Известия, 1974, 4 декабря.

⁸ Рагинский М. Ю. Воспитательная роль советского суда.— М., 1959, с. 70—71.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

НОВОЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БССР

В отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXVI съезду КПСС предложено «всеми организационными, финансовыми, юридическими средствами накрепко закрыть всякие щели для тулеядства, взяточничества, спекуляции, для нетрудовых доходов, любых посягательств на социалистическую собственность»¹. Конкретными мерами уголовно-правовой борьбы с перечисленными явлениями стали дополнения и изменения в уголовном законодательстве БССР, принятые в октябре и ноябре 1981 года.

Указами Президиума Верховного Совета БССР от 22 октября 1981 года в Уголовный кодекс БССР включены два новых состава преступления: «Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения» (ст. 156-1) и «Нарушение правил торговли» (ст. 156-2), а также внесены изменения в ст. 155, предусматривающую ответственность за самогоноварение².

На необходимость установления уголовной ответственности за поборы с граждан неоднократно указывалось в периодической печати и в работах ученых-юристов³. Эту задачу решает ст. 156-1, диспозиция которой гласит: «Получение работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника».

Непосредственным объектом посягательства данного преступления следует считать социалистические общественные отношения, в которых реализуется принцип распределения по труду.

По своей конструкции состав преступления, предусмотренный ст. 156-1, является формальным. Объективная сторона преступления выражается только в действии — получении незаконного вознаграждения. Вознаграждение должно быть получено путем вымогательства, которое может проявляться как в прямом словесном требовании незаконного вознаграждения, так и в умышленном создании условий, при которых гражданин вынужден ради предотвращения вредных последствий для его законных интересов дать незаконное вознаграждение. Не имеет значения время получения вознаграждения — до выполнения работы и оказания услуги или после. Вознаграждение в смысле ст. 156-1 может носить только имущественный характер: уплата денег, передача вещи, оказание материальной услуги (предоставление путевки, ремонт квартиры и т. п.). Нельзя, например, рассматривать как вознаграждение лестный отзыв в книге жалоб и предложений или в периодической печати. Вознаграждение является **незаконным**, если оно не предусмотрено действующим порядком расчета или превышает установленные преискурантами, тарифами, таксами размеры. Получение с граждан денег в уплату за работу или услуги без соответствующего оформления (без выдачи квитанции, перевозка с выключенным таксометром), но в пределах действующих тарифов, образует признаки иных преступлений (см. ст. 91, 92, ч. 1, ст. 150). Поборы с граждан будут преступными, если они вымогаются за выполнение работы и оказание услуги, входящих в круг служебных обязанностей виновного. Нет состава ст. 156-1, если водитель такси потребовал с пассажира деньги за то, что помог отнести в номер гостиницы вещи, так как эти действия выходят за пределы его трудовых обязанностей. Преступление считается совершенным с момента, когда виновный принял хотя бы часть незаконного вознаграждения. Вымогательство вознаграждения образует покушение на данное преступление.

Субъективная сторона состава ст. 156-1 характеризуется виной в виде прямого умысла и наличием корыстного мотива. Если виновный предварительно договорился с гражданином о передаче ему в качестве вознаграждения заведомо похищенного государственного или общественного имущества, ответственность наступает по ст. 156-1 и по совокупности за хищение.

Субъектом анализируемого преступления, в отличие от получения взяток, может быть только лицо, не являющееся должностным, т. е. не обладающее признаками, перечисленными в примечании к ст. 166. Кроме

того, это должны быть работники сферы обслуживания населения, т. е. лица, работающие в магазинах, на предприятиях общественного питания, в ателье, мастерских, медицинских учреждениях, кассах по продаже билетов, гостиницах, юридических консультациях и т. п. Уголовная ответственность по ст. 156-1 наступает с шестнадцати лет.

Часть II ст. 156-1 в двух случаях устанавливает повышенную ответственность, т. е. за те же действия, совершенные неоднократно или в крупных размерах. Неоднократным будет преступление, совершенное не менее двух раз, если при этом новое преступление совершено до истечения сроков давности уголовного преследования или снятия либо погашения судимости за прежнее, аналогичное преступление. Неоднократным считается и получение одновременно поборов от нескольких лиц. Получение обусловленного вознаграждения от одного лица по частям не образует признака повторности. Крупным размер вознаграждения считается тогда, когда его денежное выражение значительно превышает среднемесячный заработок рабочих и служащих (более 200 рублей).

В целях решительного пресечения махинаций с дефицитными товарами, активизации борьбы с различного рода злоупотреблениями в сфере торговли установлена уголовная ответственность за нарушение правил торговли (ст. 156-2). Диспозиция ст. 156-2 гласит следующее: «Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений торговых предприятий (организаций) или предприятий (организаций) общественного питания или сокрытие товаров от покупателей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности».

Непосредственным объектом посягательства нарушения правил торговли являются социалистические общественные отношения по распределению через торговую сеть и общественное питание продуктов и товаров. Это преступление возможно только на предприятиях и в организациях торговли и общественного питания. Не имеет значения, являются они государственными или относятся к системе потребительской кооперации.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 156-2, предполагает действия, выражающиеся в двух грубейших нарушениях правил торговли: а) продажа товаров помимо специально оборудованных торговых помещений и мест (торговых залов, киосков, ларьков, лотков), со складов, баз и подсобных помещений; б) сокрытие товаров от покупателей. Нарушение первого вида является оконченным преступлением с момента передачи товара покупателю независимо от того, завершён расчёт или нет (деньги не прошли через кассу магазина). Сокрытие товаров от покупателей выражается в припрятывании товаров и продуктов, выпущенных в продажу, т. е. переданных со складов, баз и других мест хранения в торговую сеть для реализации массовому покупателю. Под сокрытием товаров следует понимать непосредственное их припрятывание (укрытие другими товарами, хранение в бытовых помещениях, служебных кабинетах и т. п.), а равно невыставление образцов товаров в витринах или торговых залах, уклонение от выкладки товара, имеющегося в магазине, отсутствие иной информации о наличии товара.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Если товар не был своевременно пущен в продажу по небрежности торгового работника, наступает дисциплинарная ответственность. Обязательным признаком анализируемого преступления является наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности, т. е., нарушая правила торговли, он преследует получение выгод материального характера или руководствуется соображениями родства, знакомства, карьеризма и т. п.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 156-2, могут быть работники предприятий и организаций торговли и общественного питания, непосредственно связанные с обслуживанием покупателей и движением товаров. При этом для квалификации не имеет значения должностное положение виновного. Однако, если действиями должностного лица, допустившего перечисленные в ст. 156-2 нарушения, причинён существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, ответственность должна наступать по ст. 166 «Злоупотребление властью или служебным положением». Уголовная ответственность по ст. 156-2 наступает с 16 лет.

Квалифицирующим признаком нарушения правил торговли является повторность. Это совершение лицом вновь одного из нарушений, названных в ст. 156-2, если за предшествующее нарушение у него не снята и

не погашена судимость, либо к моменту совершения нового преступления не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за первое преступление.

Существенно изменилась редакция ст. 155 «Изготовление, приобретение, хранение и сбыт самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки». В связи с установлением административной ответственности за изготовление, приобретение или хранение самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки и аппаратов для их выработки без цели сбыта уголовная ответственность за такого рода действия, в соответствии с новой редакцией ч. 1 ст. 155, наступает, если они совершены повторно в течение года после наложения административного взыскания, либо лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 155. В ч. II ст. 155 предусматривается ответственность за «изготовление, приобретение или хранение с целью сбыта самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки, либо изготовление или приобретение с целью сбыта аппаратов для их выработки, а равно сбыт указанных спиртных напитков или аппаратов». По ч. III ст. 155 наказываются действия, указанные в части второй этой статьи, если они совершены повторно.

Новая редакция ст. 155 предусматривает ответственность за **приобретение** самогона, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки, а равно аппаратов для их выработки как без цели сбыта, так и с целью их сбыта. Ранее уголовная ответственность за указанные действия не предусматривалась. Под приобретением следует понимать получение самогона, самогонных аппаратов и т. п. путем покупки, обмена, в счет покрытия долга, оплаты какой-либо услуги. Приобретением является и безвозмездное получение крепких спиртных напитков домашней выработки и аппаратов для их приготовления. Но не является приобретением распитие самогона совместно с лицом, изготовившим или хранившим его.

Приобретение самогона или аппаратов для его выработки путем скупки и последующая их перепродажа с целью наживы должны влечь ответственность по совокупности преступлений (ч. 2 или 3 ст. 155 и ст. 151 «Спекуляция»).

В целях усиления ответственности за мелкое хищение отдельных узлов или деталей путем их снятия с автомобилей, тракторов и другой техники Указом Президиума Верховного Совета БССР от 9 ноября 1981 года внесены изменения в ст. 94 «Мелкое хищение государственного или общественного имущества»⁴. В новой редакции ст. 94 состоит из трех частей. Часть I сохранила свое прежнее содержание. В ч. II предусматривается ответственность за мелкое хищение, повлекшее разукomплектование автомобилей, тракторов, сельскохозяйственной и другой техники при перевозках железнодорожным, водным и иным транспортом, а также в местах постоянного или временного хранения. Бывшая ч. II ст. 94 является в новой редакции частью третьей.

Отличие от ч. I ст. 94, мелкое хищение, указанное в ч. II этой статьи, является преступлением в любом случае, т. е. не может расцениваться как административный проступок с учетом личности виновного и обстоятельств дела и в связи с этим влечь ответственность по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 12 января 1978 года «Об административной ответственности за мелкое хищение государственного или общественного имущества»⁵. Ответственность по ч. II ст. 94 наступает при наличии в содеянном всех признаков мелкого хищения, если его совершение было связано с разукomплектованием техники. Разукomплектование сельскохозяйственной техники при отсутствии признаков хищения должно влечь ответственность по ст. 97-1 «Преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники».

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 59.

² См.: СЗ БССР, 1981, № 30, ст. 610, 612.

³ См.: Здравомыслов Б. В. Должностные преступления.— М., 1975, с. 41; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления.— Киев, 1978, с. 132—133.

⁴ См.: СЗ БССР, 1981, № 32, ст. 649.

⁵ См.: СЗ БССР, 1978, № 2, ст. 28.

ПРИЕМ НА РАБОТУ, СВЯЗАННУЮ С НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ ИЛИ ТОВАРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Одной из основных для граждан СССР является закрепленная в ст. 61 Конституции СССР (ст. 59 Конституции БССР) обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к народному добру.

Выполнению этой конституционной обязанности способствуют правильный подбор и расстановка кадров, занятых непосредственно обслуживанием денежных или товарных ценностей, на что прямо указано в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания в одиннадцатой пятилетке»¹.

К лицам, занятым непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей, в первую очередь относят работников, с которыми заключаются договоры о полной материальной ответственности, либо такая материальная ответственность возлагается на них в силу специальных законов. В отдельных случаях работники, непосредственно обслуживающие указанные ценности, могут и не относиться к категории материально-ответственных лиц, с которыми заключается договор о полной материальной ответственности или такая ответственность наступает в соответствии со специальным законом.

На материально-ответственную работу не могут быть приняты лица, имеющие судимость за корыстные преступления или уволенные с работы за хищения. Об этом говорится, например, в ведомственных актах, в частности в п. 2 Типовой инструкции о работе по подбору, оформлению приема, увольнению работников, порядке ведения личных дел и учета кадров, утвержденной приказом Министерства торговли СССР от 9 августа 1968 года².

Кроме того, вступившим в законную силу приговором граждане могут быть ограничены в праве занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет (ст. 26 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 29 УК БССР). Так, суд в качестве меры наказания может, например, запретить занимать должности, связанные с хранением товарно-материальных ценностей.

В юридической литературе подчеркивается, что в соответствующих правах лицо не может быть поражено пожизненно или бессрочно. Сохранение такого состояния лица, однажды осужденного за совершение преступления, на всю жизнь было бы неоправданным и противоречило бы принципу гуманизма. На практике, однако, имеется много примеров, когда отказывают в приеме на материально-ответственную работу лицам, судимость с которых уже снята.

Несколько иначе решается вопрос о приеме на материально-ответственную работу лиц, уволенных по ст. 254 п. 2 КЗоТ БССР (субъектами, подпадающими под действие п. 2 ст. 254 являются лица, занимающиеся непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей). Как ни странно, категория лиц, уволенных в связи с утратой доверия (т. е. по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР) находится даже в худшем положении, чем лица, ранее осуждавшиеся за корыстные преступления. Последние, как уже указывалось, если с них судимость снята, могут быть приняты на материально-ответственную работу. Лица же, уволенные по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР не могут приниматься на материально-ответственную работу. Как указывает Р. Х. Валева³, при этом не имеет значения, привлекались эти лица к уголовной ответственности или нет. Эта же точка зрения выражена и в энциклопедическом словаре «Трудовое право», где прямо указано, что на материально-ответственную и контрольно-ревизионную работу «не могут быть приняты лица, имеющие судимость за корыстные преступления или уволенные с работы за хищения, злоупотребления (в том числе по мотивам утраты доверия)»⁴. С позицией указанных авторов нельзя согласиться, так как лица, по всей вероятности совершившие меньшей тяжести проступок (хотя бы исходя из того, что они не были осуждены), находятся в худшем положении, чем лица, которые были осуждены за корыстные имущественные преступления. В этой связи представляется необ-

ходимым в законодательном порядке определить срок, после истечения которого лицо, уволенное по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР, может быть вновь принято на материально-ответственную работу.

Некоторые авторы предлагают принимать на материально-ответственную работу лиц, уволенных по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР, по истечении одного года. Так, В. А. Глозман указывает, что статьей 54 УК БССР установлен минимальный срок погашения судимости в один год. Поэтому следует считать правильной практику, когда названных лиц, по истечении года после увольнения по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР и предоставлении положительных характеристик с последнего места работы, принимают на должности, связанные с материальной ответственностью и материальными функциями⁵.

В связи с затронутым вопросом хотелось бы обратить внимание на весьма существенную деталь, которую упускают из вида авторы, касающиеся вопроса о правовом положении лиц, уволенных по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР. В юридической литературе указывается на то, что для охраны социалистической собственности и интересов покупателей запрещается принимать на работу с материальной ответственностью и на контрольно-ревизионную работу лиц, уволенных ранее за хищения и злоупотребления, в том числе за утрату доверия (п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР). Однако речь в этих случаях идет лишь о том, что лица, уволенные по п. 2 ст. 254 КЗоТ, т. е. в связи с утратой к ним доверия со стороны администрации, не могут приниматься на материально-ответственную работу (причем под материально-ответственной работой понимается работа, в связи с выполнением которой наступает полная материальная ответственность). Но ведь по п. 2 ст. 254 КЗоТ могут увольняться не только работники, выполняющие материально-ответственную работу,— круг лиц, увольняемых по этой статье, значительно шире. Как известно, по указанному основанию могут быть уволены работники, непосредственно связанные с приемом, хранением, транспортировкой или распределением переданных им ценностей и совершившие такие действия, которые дают основания для утраты доверия к ним со стороны администрации. Как видно из этого, указанный круг лиц включает и такие категории работников, с которыми не могут заключаться договоры о полной материальной ответственности, либо такая ответственность может быть возложена на них специальным законом, так как эти работники не выполняют материально-ответственную работу в общепринятом понимании. Однако будь такой работник уволен по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР, его, согласно действующим нормативным актам, нельзя принимать лишь на материально-ответственную работу, но можно принять на такую работу, в связи с выполнением которой он может быть опять уволен по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР. Так, грузчики, занятые непосредственным обслуживанием товарных ценностей, могут быть уволены по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР. Однако они не относятся к материально-ответственным лицам. В силу этого при увольнении по п. 2 ст. 254 КЗоТ БССР, например, за совершенное хищение, согласно действующему законодательству, такого работника нельзя принимать на материально-ответственную работу, но можно тут же принять грузчиком на такую работу, с которой его снова можно уволить в связи с утратой доверия. В некоторых случаях с продавцами также не заключаются договоры о полной материальной ответственности. В аналогичном положении могут оказаться и другие категории работников. В этой связи предлагаем запретить (конечно в пределах определенного срока, который необходимо установить в законодательном порядке) прием лиц, уволенных по п. 2 ст. 254 КЗоТ, не только на материально-ответственную работу, но и на работу, непосредственно связанную с приемом, хранением, транспортировкой или распределением переданных ценностей. Осуществление этого предложения было бы более последовательным и логичным в вопросе, касающемся правового положения лиц, занятых непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей и уволенных за совершение виновных действий, которые дают основание для утраты доверия к этим лицам со стороны администрации.

Определенное практическое значение может иметь решение вопроса о применении труда лиц, не достигших 18-летнего возраста. Как уже отмечалось, не могут быть приняты на материально-ответственную работу, а следовательно, нести материальную ответственность в полном объеме за ущерб, причиненный предприятию, лица, не достигшие 18-летнего возраста. Согласно ст. 18 ГК БССР в тех случаях, когда закон допускает вступление в брак до достижения 18 лет, лица, вступившие в брак до это-

го возраста, приобретают гражданскую дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак. В БССР этот возраст может быть снижен на два года, т. е. до 16 лет. Можно ли в этих случаях принимать такое лицо на работу, в связи с выполнением которой заключается договор о полной материальной ответственности? В литературе этот вопрос не освещался. Как отметил Б. К. Бегичев⁶, гражданин, будучи единым субъектом социалистического права, обладает неодинаковой по своему характеру дееспособностью в различных областях правоотношений. Например, в одних областях дееспособность выступает как нераздельное единство с правоспособностью и наступает в более раннем возрасте, в других — представляет относительно обособленное проявление правосубъектности и возникает значительно позже. В одних отраслях права гражданин может быть в дееспособности ограничен, в других такое ограничение не допускается. Исходя из изложенного, а также в силу того, что гражданская и трудовая дееспособности соотносятся не как общее и особенное, а как отраслевые виды одного рода, ответ на поставленный вопрос, видимо, следует дать отрицательный.

При приеме на работу, согласно ст. 21 КЗоТ БССР, по усмотрению сторон может быть установлено испытание. При приеме на материально-ответственную работу испытательный срок устанавливается почти всегда. В соответствии с приказом Министерства торговли СССР № 180 от 21.09.77 года «Об исключении должностей ст. контролеров-кассиров и контролеров-кассиров, ст. кладовщиков и кладовщиц, ст. продавцов, выполняющих обязанности заведующих предприятиями, и закройщиков, выполняющих функции модельеров, из Перечня должностей с ненормированным рабочим днем, утвержденного приказом Минторга СССР № 148 от 22.07.74 г.», старшие контролеры-кассиры, контролеры-кассиры, старшие кладовщики и кладовщицы отнесены к категории рабочих и в связи с этим им устанавливается нормированный рабочий день. В силу того, что выше-названные категории работников отнесены к категории рабочих, согласно ст. 22 КЗоТ БССР, срок испытания при приеме их на работу не может превышать одной недели. Достаточен ли этот срок для лиц, выполняющих работу, в связи с выполнением которой с ними может заключаться договор о полной материальной ответственности? Конечно, нет. В полном объеме деловые качества этих работников вряд ли удастся выяснить за столь короткий срок. Значит, как верно указывает В. А. Глозман, при установлении испытания следует руководствоваться не признаком отнесения работника к категории рабочих или служащих, а объемом требований, предъявляемых к ним⁷. Еще в 1961 году А. С. Пашков предлагал в целях устранения возможных недоразумений установить два срока испытания: один общий — для всех рабочих и служащих, и удлиненный — для лиц, замещающих должности, требующие специальных знаний⁸. Причем удлиненный испытательный срок (до одного месяца) предлагался прежде всего для материально-ответственных лиц. Принятие такого положения способствовало бы улучшению системы подбора кадров и уменьшило возможные отрицательные последствия как для отдельных работников, так и для предприятий.

¹ См.: Труд, 1982, 23 января.

² См.: Справочник бухгалтера государственной торговли.— М., 1969, с. 560.

³ См.: Валеева Р. Х., Магницкая Е. В. Трудовые права работников торговли.— М., 1976, с. 11.

⁴ Трудовое право: Энциклопедический словарь.— М., 1979, с. 446.

⁵ См.: Глозман В. А. Право и проверка деловых качеств.— М., 1981, с. 23.

⁶ См.: Бегичев Б. К. Трудовая правоспособность советских граждан.— М., 1972, с. 173.

⁷ См.: Глозман В. А. Трудовой договор в условиях научно-технического прогресса.— Минск, 1978, с. 127.

⁸ См.: Пашков А. С. Правовые формы обеспечения производства кадрами в СССР.— М., 1961, с. 76.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КАК ОСНОВА ПРОБЛЕМАТИКИ ПЕРВОЙ КНИГИ «ГОСУДАРСТВА» ПЛАТОНА

При всей сложности и спорности соотношения политики и этики в работе Платона «Государство» почти бесспорным до сих пор признается лишь то, что первая книга этого труда посвящена если не исключительно, то преимущественно выяснению справедливости как этической категории и имеет только косвенное отношение к проблеме идеального государства. На этом основании некоторые исследователи склонны «отлучить» ее от остальной части «Государства» и рассматривать как самостоятельный диалог, содержание которого не связано непосредственно с остальными книгами. Первую книгу относят к числу ранних диалогов Платона, считая, видимо, ее недостаточно зрелой по мысли и мастерству изложения¹.

Задачей настоящей статьи является попытка доказать, что первая книга «Государства», представляя собой органическую часть целого, связана самым непосредственным образом с проблемой создания совершенного государства. Центральное место в ней отведено не разработке этического понятия справедливости, как это единодушно признается до сих пор, а установлению истинного принципа, которым должна руководствоваться в своей деятельности власть, претендующая на титул справедливой. Теоретическая часть первой книги начинается с обсуждения выдвинутого от имени Полемарха «классового» принципа, согласно которому политическая деятельность должна осуществляться в интересах части общества. Справедливость в деятельности власти, по мнению Полемарха, заключается в том, чтобы действовать в интересах своей партии, общественной группы («друзей»), борясь с ее политическими противниками («врагами»). «Искусство справедливости» — это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред².

Но правомерно ли понимание «друзей» и «врагов» как социальных категорий, а «искусство справедливости» как деятельности власти? Полагаем, что на этот вопрос может быть с полной определенностью дан положительный ответ. Во-первых, греческое слово «philos» означает не только «друг», но «союзник», «сторонник». Во-вторых, друзья и враги в личном смысле представляют собой категории слишком неустойчивые, аморфные, допускающие взаимопереходы и множество оттенков качества. Говорить о «войне» между ними³ можно только понимая под «philoi» и «echphroi» социальные организованные группы с устойчивой структурой отношений. В-третьих, если «philoi» и «echphroi» — личные друзья и враги, то куда они исчезают в «мирное время»? Почему в «мирное время» для «справедливого человека» исключается возможность делать своим личным друзьям добро и чинить неприятности врагам? Очевидно, речь идет о борьбе достаточно стабильных противостоящих сил, которая при каких-то условиях может и прекратиться.

В таком случае «искусство справедливости» (techne dicaiosyne) должно означать политическое искусство. То, что имеется в виду не этическая область, а сфера профессиональной деятельности, подтверждается многократными сопоставлениями искусства справедливости (иногда в этом смысле употребляется просто слово «справедливость») с другими профессиями: медицинской, кораблевождением, кулинарией и т. д. (332, 333, 341, 346 и др.). Лицо, занимающееся политической деятельностью, именуется «справедливым человеком» (dicaios). Только в качестве специалиста — профессионального политика (государственного деятеля) — можно рассматривать «справедливого человека» в одной плоскости с другими специалистами: врачами, музыкантами и проч. Такое сравнение было бы нелепо, если в данном случае под «справедливым человеком» понимать обладателя известных моральных качеств, ибо эти качества не исключаются наличием специальных познаний и могут в полной

мере присутствовать у врачей и музыкантов. Исключение сравниваемых со справедливым человеком специалистов из зоны моральных свойств и оценок дает основание полагать, что имеется в виду не моральная, а профессиональная сторона деятельности личности. Понятие «справедливое» и «несправедливое» относится к оценке принципа, определяющего характер деятельности специалиста-политика.

Для окончательной уверенности, что речь идет о роли политического деятеля в борьбе внутрисоциальных группировок, а не о роли военачальника в борьбе с внешними противниками, следует разобраться в характере «войн» и «сражений», участие в которых составляет смысл профессиональной деятельности «справедливого человека» (332 е). Перевод слова «*prospolemeo*» как «воевать» не является единственно возможным, оно означает также «бороться» в широком смысле. Равным образом «*simmacheo*» значит не только «вместе бороться, помогать в битве», но и вообще «помогать», «содействовать». Таким образом, фраза *En to prospolemein cai en to хυπημασειν* с не меньшим основанием допускает перевод: «В борьбе (против одних), помогая (другим)», что вполне совместимо со значением политической борьбы.

Правда, в работе есть высказывание, которое на первый взгляд можно принять за косвенное подтверждение правомерности традиционного варианта перевода. Платон разделяет «два названия — война (*polemos*) и раздор (*stasis*)» (470 в). И далее поясняет: «Это два разных (проявления), зависящие от двух видов разногласий (*diaphora*). Двумя я считаю их вот почему: одно — среди своих и близких, другое — с чужими, с иностранцами. Вражда (*echphora*) между своими стала называться раздором (*stasis*), а между чужими — войной (*polemos*)». Этим разграничением Платон якобы подтверждает, что под термином «*polemos*» он понимает внешнюю войну (не только по отношению к данному полису, но и по отношению к эллинам вообще; войну с варварами), внутренние же раздоры (внутриполисные и внутриэллиньские) он называет «*stasis*». Но далее из контекста с полной очевидностью следует, что это разграничение относится только к вооруженной борьбе: к войне между полисами или к кровавым мятежам внутри полиса, с одной стороны, и войнам между греками и варварами — с другой. К мирной политической борьбе разграничение этих терминов не имеет никакого отношения. Для обозначения бескровной борьбы политических противников Платон, как видно, считал неподходящим слово «*stasis*», в котором больше духа бунта и мятежа, или «*echphora*», в котором не столько чувствуется борьба, сколько вражда и ненависть, предпочтя им «*polemos*».

Следовательно, с терминологической точки зрения ничто не препятствует нам понимать «*prospolemeo*» и «*simmacheo*» в плане политической борьбы. А логический анализ ряда положений «Государства» в связи с ясно выраженными убеждениями Платона многократно подтверждает безошибочность такого понимания. Под «справедливым человеком» нельзя понимать военного специалиста, поскольку последний нужен и в «мирное время», чтобы обеспечивать военную подготовку граждан. Платон ведь ни в один период своей жизни не был пацифистом. «Государство» и «Законы» недвусмысленно свидетельствуют о его уверенности в непреходящей ценности военного искусства. Нигде он не сделал намека, что мыслямо наступление такого времени, когда государство избавится от необходимости защищать себя. Если предположить, что под врагами подразумеваются внешние враги, то утверждение Сократа, что им нельзя ни под каким предлогом вредить, будет абсурдным (335). Кроме того, по отношению к внешним врагам даже умозрительно нельзя провести отбор «хороших» на свою сторону, «плохих» — на сторону противника (334 с).

Полемарховский принцип деятельности власти в интересах части общества (друзей) Сократ отвергает как неприемлемый ввиду его теоретической несостоятельности. Дурные социальные последствия применения принципа (антагонизм, хроническая нестабильность общества), хотя

и являются основной причиной его отрицания, не выступают в качестве аргумента, так как Сократу важно доказать логическую порочность, «ненстинность» принципа самого по себе, не апеллируя к последствиям. Доказывается это следующим образом. Каждая профессия (*techne*) как сумма знаний и навыков имеет свое назначение: ведь всякое искусство существует, чтобы производить что-то полезное и нужное для людей (341 д).

Поварское искусство нужно, чтобы готовить вкусную пищу; медицина — чтобы восстанавливать и поддерживать здоровье. Допустим, что государственное искусство призвано по своей природе приносить пользу своему классу и вредить классовым врагам (332 с-д). Но приносить пользу и причинять вред можно при помощи любого знания. Каждый специалист посредством профессиональных знаний при желании может в своей области приносить не только пользу, но и вред. Однако не эта способность является истинным содержанием специальности. Хотя многие знания могут явиться средством ведения борьбы, они по своей природе существуют не для борьбы.

Каков же комплекс знаний, при помощи которого государственный деятель (политик) может приносить пользу своим сторонникам и вред противникам? Полемахр отвечает, что содержанием государственного искусства является именно наука политической борьбы. Чтобы установить, так ли это, надо определить истинную область применения государственного искусства, ибо границы служения искусства, определяемые объемом потребностей предмета, которому оно служит, определяют объем и содержание профессиональных знаний.

Например, истинной сферой врачебного искусства является не борьба и не меть классовым врагам, а лечение больных. Поскольку за пределами болезней медицина не нужна, ее назначение ограничивается сферой врачевания. Поскольку искусство кораблевождения за пределами потребностей мореплавания не нужно, нетрудно определить его истинную направленность, границы деятельности и объем специальных знаний кормчего (332 d, e).

Применяя эту методологию к установлению содержания государственной деятельности, Сократ утверждает, что искусство политической борьбы не есть истинное ее содержание. Возможность при помощи государственного искусства вести политическую борьбу определяет подлинное его назначение ничуть не больше, чем, скажем, возможность применить в качестве орудия борьбы врачебные или навигационные познания, которые определяют назначение медицины или кораблевождения. Доказывает он это с согласия оппонентов, исходя из предположки, что потребность в государственном искусстве будет существовать вечно, даже тогда, когда не будет классов и классовой борьбы. «Справедливость нужна и в мирное время» (333 а). Но если предположить, что государственное искусство тождественно искусству политической борьбы и исчерпывается им, то зачем оно нужно обществу, в котором такая борьба отсутствует? Чем был бы полезен обществу, которому нужен специалист по управлению, мастер и знаток тонкостей политической борьбы? В качестве такового он не мог бы участвовать в решении производственно-экономических вопросов (333 в, с). Разве что поручить ему хранение государственной казны? Но и казну доверить ему было бы опасно, так как он, будучи специалистом интриги, обмана, ложного маневра — всего того, что составляет содержание искусства политической борьбы, — мог бы на этом посту использовать свои профессиональные знания и нанести ущерб финансам (333 d, e, 334 а, в).

Таким образом, поскольку искусство управления обществом будет необходимо всегда, а искусство политической борьбы в неантагонистическом обществе не только совершенно бесполезно, но и решительно вредно, и поскольку всякое искусство определяется пользой, то, значит, истинное государственное искусство не может отождествляться с искусством политической борьбы. Исходя из этого, принципом справедливой го-

сударственной деятельности не может быть властвование в интересах части общества при одновременном подавлении другой ее части, что предполагает признание в качестве основного содержания государственного искусства именно науку (мастерство) политической борьбы.

Однако, если принцип отправления власти в интересах части общества не может быть признан абсолютным принципом справедливой государственной деятельности, то нельзя ли признать его, по крайней мере, относительно правильным при каких-то условиях? Признавая правоту аргументов Сократа, Полемарх, по существу, соглашается, что в абсолютном смысле его принцип не выдержал критической проверки, но продолжает настаивать на его применимости в реально существующем обществе, разделенном на «друзей» и «врагов», между которыми фактически ведется борьба. Сократ не согласен и с этим. Но так как при данных конкретных условиях нельзя уже сослаться на логическую несостоятельность принципа, он ссылается на его нравственную недопустимость. Власть в лице ее носителей не может иметь своими сторонниками («друзьями») только нравственно совершенных, справедливых людей. Следовательно, в стане политических противников будут в каком-то количестве находиться весьма хорошие и нравственные люди, которым власть должна вредить в силу своего принципа. Разумеется, такой принцип не заслуживает названия справедливого. В конечном счете, по мнению Сократа, принцип деятельности власти в интересах части общества был бы неприемлем и в том случае, если бы эта часть состояла только из лучших людей. Предположим, мы смогли бы разделить общество на «лучших» и «худших», причем не с точки зрения наших субъективных представлений, личных и групповых интересов, определяющих оценки, а абсолютно объективно, то и в этом случае политическая деятельность в интересах «объективно лучших сил», сопряженная с ущемлением интересов «худшей» части общества, недопустима на принципиальной основе. Причинение вреда определенным членам общества по причине их социального статуса будет вызывать у них ответную враждебную реакцию, толкать на экстремистские акции, т. е. сделает их еще «худшими», будет еще больше обострять социальный антагонизм. Вытекающая из этого необходимость перманентного подавления предполагает тираннические методы отправления государственной власти. Поэтому служение групповым интересам, сопряженное с подавлением всех, не входящих в эту группу, есть по сути дела тирантический принцип¹. Итак, полемарховский принцип отвергается в силу его логической несостоятельности, моральной недопустимости и (самое главное подразумевается) невозможности создать на его основе гармоничное и бесконфликтное общество, являющееся целью всех социальных проектов Платона. Опровержением полемарховского принципа Сократ косвенно утверждает противоположный: власть, чтобы иметь право именоваться справедливой, должна действовать в интересах (на пользу) всех.

Таким образом, рассмотрение полемики между Сократом и Полемархом не в категориях этики, а в категориях политики дает единственную внутренне непротиворечивую и согласующуюся с остальными разделами работы интерпретацию развития платоновской мысли.

¹ См.: Friedlander P. Platon. Bd. II.—Berlin, 1964, S. 45; Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона.— В кн.: Платон. Соч. в 3-х томах. М., 1968, т. 1, с. 51; Алексеев Н. Н. Идея государства.— Нью-Йорк, 1955, с. 59.

² Платон. Соч. в 3-х томах.— М., 1971, т. 3, ч. 1, 332 д. В дальнейшем ссылки даются в тексте, в скобках.

³ Согласился пока с традиционным переводом фразы *En to prospolemein cai en to xuptaschein* — «На войне, помогая сражаться» (332 е).

⁴ По мнению Сократа, подлинным автором утверждения, что «справедливость состоит в том, чтобы приносить пользу друзьям и причинять вред «врагам», мог быть только кто-либо из тиранов (336 а).

В. В. Чепко. Города Белоруссии в первой половине XIX века: Экономическое развитие. — Минск, Изд-во БГУ, 1981. — 143 с.

В книге В. В. Чепко, кроме архивных документов, широко используется статистический материал первой половины XIX века, освещается большой круг вопросов: развитие ремесленного производства, промышленности и торговли, социальный и национальный состав населения, внешний облик городов. В 19 обобщающих таблицах наглядно выражены сдвиги в экономике городов периода разложения и кризиса феодально-крепостнической системы.

В работе раскрыта специфика развития мелкотоварного производства, объясняются причины относительно слабого развития мануфактурной промышленности, охарактеризованы направление и уровень развития торговли. В рассматриваемый автором период интенсивно развивались товарно-денежные отношения, помещичье предпринимательство, капиталистическая промышленность. Наемный труд все больше проникал в промышленность, вытесняя труд крепостной.

Достоинством книги является раскрытие специфики и особенностей развития различных сторон экономической жизни Белоруссии: цеховой организации ремесленного производства, роста количества промышленных предприятий в Минске, Витебске, Могилеве, Гродно, Бресте и других городах.

Автор книги характеризует особенности торговой деятельности белорусского купечества, ярмарочной торговли, внутренних и внешних торговых связей. Он подчеркивает, что господство барщинной системы в Белоруссии тормозило процесс формирования пролетариата, а мелкотоварное производство сдерживало развитие фабрично-заводской и мануфактурной промышленности в городах. Важным

представляется вывод автора, что Белоруссию не следует считать отсталой окраиной царской России.

Хотя монография В. В. Чепко адресована научным работникам, преподавателям вузов и студентам-историкам, она, на наш взгляд, представляет интерес для краеведов, учителей истории и для всех, кто любит отечественную историю.

Я. Н. Мараш

История БССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. Учебное пособие для вузов. / Под редакцией В. В. Чепко, А. П. Игнатенко. — Минск: Изд-во БГУ, 1981. — 328 с.

Учебное пособие имеет обширную источниковедческую базу. Его авторы использовали также богатую историографию, которая включает не только обобщающие труды, но и новейшие исследования советских ученых по различным проблемам истории Белоруссии. Это обогатило пособие новыми интересными материалами и выводами. Характеристика источников и научной литературы обстоятельно дана во введении (с. 5—23). Здесь же рассмотрена проблема периодизации истории БССР. Вся история Белоруссии правомерно подразделена авторами на четыре основных периода, которые соответствуют обществено-экономическим формациям: общинно-родовой, феодальной, капиталистической и формирующейся коммунистической (эпоха социализма). В рецензируемом пособии, которое освещает первую часть курса, глубоко проанализирована история первых трех формаций.

Характеристике общинно-родовой формации посвящен первый раздел пособия (с. 24—38). В изложении этой темы много нового, в частности, использована современная периодизация эпохи, более обстоятельно прослежена этническая история населения на

территории Белоруссии, введены новые научные термины, например, «соплеменность».

Становление и развитие феодальной формации основательно рассмотрено во втором разделе пособия (с. 39—195). На высоком научном уровне с привлечением новых материалов изложены проблемы формирования, развития и разложения феодальных отношений. Ярко освещена авторами героическая борьба народных масс против социального и национального гнета, глубоко раскрыто прогрессивное значение воссоединения Белоруссии с Россией, тщательно прослежено формирование капиталистического уклада в недрах феодальной формации на ее последней стадии.

В третьем разделе, посвященном истории капиталистической формации (с. 196—320), разоблачается грабительский характер крестьянской реформы 1861 года, ее крепостнических и буржуазных черт, показаны особенности развития капитализма в Белоруссии, революционного движения.

Отмечая несомненные достоинства учебного пособия, необходимо и то же время указать на некоторые упущения и недостатки, которые целесообразно устранить в новом издании. В историографическом очерке почему даже не упомянута научная литература о происхождении белорусского народа, истории его традиционно-бытовой культуры. Многие виды источников (археологические, этнографические, лингвистические) только названы. Не раскрыты их сущность и значение. Недостаточно полно охарактеризована в учебном пособии культура (материальная и духовная) трудящихся масс в феодальную и капиталистическую эпохи.

В целом издание первого вузовского учебного пособия по истории БССР следует оценить как важное событие в исторической науке республики. Оно может стать основой для создания стабильного учебника.

М. Ф. Пилипенко

Национальная политика КПСС: Очерк историографии. — М.: Политиздат, 1981.—256 с.

Обозревая исторический путь, пройденный Советским государством, можно выделить ряд проблем, решение которых обеспечило победу социализма, прочность и монолитность СССР в борьбе с фашизмом, построение развитого социалистического общества и успешное продвижение советского народа к коммунизму. В их числе—справедливое решение национального вопроса.

Исторический опыт КПСС в области национальных отношений приобрел всемирное значение. Актуальность его анализа и глубокого обобщения определяется не только возрастающим интересом к нему трудящихся масс всего мира, но и необходи-

мостью дальнейшего совершенствования научного управления и руководства национальными процессами в СССР на современном этапе. Она возрастает и в связи с новой волной антисоветизма и буржуазно-националистической пропаганды, вызванной империалистической реакцией на подготовку советского народа к празднованию 60-летия образования СССР.

Первая попытка обобщенного анализа советской историографии по данной проблеме предпринята в рецензируемой монографии. Она открывается главой о методологии марксистско-ленинского подхода к решению национального вопроса. Ее автор Зайцева Е. А. детально выясняет вклад В. И. Ленина в разработку теории национального вопроса и программы партии большевиков в области национальных отношений. Анализ, проведенный ею на основе тщательного учета и изучения всех ленинских работ, касающихся национального вопроса, позволил подойти к проблеме комплексно, всесторонне и выделить те ее аспекты, которые больше всего волновали В. И. Ленина в годы социалистического строительства. Принципиально новым является раскрытие ленинской характеристики особенностей национального вопроса в Советской России.

Вторая глава (авторы Бурмистрова Т. Ю., Зайцева Е. А.) посвящена партийным документам по проблемам национальной политики КПСС. Центральное место в ней занимает анализ материалов съездов, решений партийных конференций, совещаний, наиболее существенных постановлений ЦК КПСС по национальному вопросу. В главе выделены важнейшие проблемы национальной политики, которые решала Коммунистическая партия в годы социалистического строительства, и сегодняшние задачи.

В III—VI главах (авторы Зайцева Е. А., Захаров И. З., Шурыгин Е. И., Бурмистрова Т. Ю.) дан критический обзор литературы по вопросам национальной политики КПСС, вышедшей за все годы Советской власти. Историографический анализ ведется в проблемно-хронологическом плане, по четырем основным этапам. Проблематика каждого из них определена в соответствии с особенностями задач, стоявших перед Коммунистической партией, при этом во всех главах выделены ведущие проблемы.

Закономерным итогом многогранной работы партии, направленной на социалистическое решение национального вопроса, явилось формирование новой исторической общности людей—советского народа. Специальная глава книги (авторы Бурмистрова Т. Ю., Зайцева Е. А.) анализирует историографию данной проблемы.

Актуальные вопросы поставлены в главе, посвященной критике буржуазных фальсификаций (автор Зайцева Е. А.). Проследив историю развития как советской критической лите-

ратуры, так и становления и усиления антисоветской историографии по проблемам национальной политики КПСС, автор обращает внимание на необходимость координации советских исследований, подготовки обобщающих работ, большей оперативности нашей критики.

В монографии в целом правильно выделены основные этапы развития советской историографии и анализируемые ею проблемы национальной политики, учтены и обобщенно раскрыты важнейшие издания по теме, определены задачи ее дальнейшей разработки. Книга будет ценным историографическим пособием для всех, кого интересуют проблемы национальной политики, истории КПСС и Советского государства.

**В. А. Овсянкин,
В. Н. Сидорцов**

Я. Ю. Нестерович. За союз нерушимый республик свободных: Объединительное движение трудящихся Белоруссии.—Минск: Изд-во БГУ, 1981.—174 с.

Цель книги Я. Ю. Нестеровича разъясняется во вступлении. Она состоит в том, чтобы на конкретном историческом материале показать практическую деятельность Коммунистической партии и Советской власти по проведению в жизнь важнейшего условия ленинской национальной политики—добровольного и равноправного союза народов нашей страны. Исследование разветвляется по трем направлениям. Выясняется отношение трудящихся Белоруссии к ленинским планам создания военно-политического, хозяйственного и государственного союзов, дается конкретное историческое содержание объединительного движения в республике. На основе широкого использования фактического материала автор аргументировано показал, что объединительное движение трудящихся Белоруссии прошло четыре этапа.

Первый этап длился с октября 1917 до конца 1920 года. Он характеризовался совместной борьбой трудящихся Белоруссии и народов России за установление Советской власти, за революционное и боевое единство, против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. На этом этапе объединительного движения главная задача белорусского народа состояла в том, чтобы отстоять Советскую власть и не допустить отторжения Белоруссии от РСФСР. Трудящиеся получили возможность создать свое первое за многовековую историю национальное государство—БССР.

Второй этап охватывает период с конца 1920 до середины 1922 года. Автор широко освещает борьбу трудящихся республик за укрепление федеративных связей и братского сотрудничества с Советской Россией, рассказывает о помощи, которую ока-

зывала БССР населению Поволжья, пострадавшему от засухи 1921 года. Важным результатом этого этапа объединительного движения трудящихся были хозяйственный и дипломатический союз, заключенный между советскими республиками.

Особенно обстоятельно освещен в книге третий этап (вторая половина—конец 1922 года). Именно в это время ленинская идея добровольного и равноправного союза народов страны овладела широкими массами трудящихся Белоруссии. Идея образования СССР была одобрена всеми шестью уездными съездами Советов, уездными партконференциями, Пленумом ЦК КП(б)Б и IV Всебелорусским съездом Советов. Вершиной третьего этапа в объединительном движении явилось создание в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик.

Большой интерес представляет четвертый этап (январь 1923—январь 1924 года). Следует отметить, что автор впервые в советской историографии выделяет этот период в самостоятельный этап объединительного движения, когда трудящиеся открыто и широко выражали свое мнение о вхождении в состав Союза ССР. По существу, шла подготовка в советских республиках к ратификации Союзного договора. В подтверждение этого приводятся многочисленные резолюции митингов, рабочих собраний, крестьянских конференций, которые единодушно одобряли вхождение БССР в состав СССР. Заключительный этап в объединительном движении, подчеркивается в книге, еще раз убедительно подтвердил добровольность вступления советских республик в состав СССР, показал подлинный демократизм и интернационализм принципов создания первого в мире многонационального социалистического государства.

На богатом фактическом материале автор убеждает, что объединительное движение в Белоруссии на каждом этапе возникало и развивалось снизу, по инициативе и воле широких масс трудящихся, местных органов Советской власти, партийных и общественных организаций. Главным выразителем объединительного движения, его ведущей силой выступал рабочий класс во главе с Коммунистической партией.

На наш взгляд, следовало бы объединительное движение за союз республик свободных более теснее увязать с аналогичными процессами в УССР и ЗСФСР.

Монография Я. Ю. Нестеровича имеет большое познавательное и общественно-политическое значение. Она вносит существенный вклад в изучение истории образования Союза ССР и убедительно разоблачает несостоятельные попытки буржуазных «советологов» фальсифицировать эту историю.

М. Ф. Чудаев

Г. М. Лившиц. **Религия и церковь в истории общества.**—Минск: Вышэйшая школа, 1980.—352 с.

Автор уже неоднократно обращался к проблемам религии и атеизма. Им написан ряд крупных монографий, среди которых можно назвать «Свободомыслие и материалистическая философия в Западной Европе (вторая половина XVII в.)», «Французские просветители XVIII в. о религии и церкви» и другие.

Если прежние работы охватывали определенные периоды развития общественно-политической и философской мысли, то в данной книге автор совершил попытку глобальной оценки роли религии и церкви. Актуальность данной публикации несомненна. Она поможет разобраться в тенденциях модернизма и критически подойти к ним в практике атеистической работы. Можно согласиться и с принятой автором системой изложения материала по общественно-экономическим формациям, с раскрытием роли религии и церкви по конфессиям внутри каждой формации.

В первой главе «Религия и церковь в феодальной Европе» анализируется состояние господствующей религиозной идеологии католицизма, ее отношение к протестантизму и православию. Глубоко раскрыты корни и источники идейной и политической борьбы, в которую влетались деятельность церкви и религия. Дана четкая и принципиальная оценка деятельности не только пап римских, но и Ватикана, а также различных папских организаций и учреждений.

Во второй главе вскрыта сущность религии и показаны особенности политики церкви вплоть до избрания на пост папы Иоана-Павла II. Много внимания уделено раскрытию характера связи церкви с интересами господствующих классов, разоблачению реакционной роли религии и церкви в истории революционных и национально-освободительных движений, а также попыток церкви подорвать авторитет научной идеологии — марксизма-ленинизма.

В последней главе «Религия и церковь в СССР» показана антинародная деятельность церкви в первые годы Советской власти и определен процесс эволюции религии и церкви в социалистическом обществе. Автор объясняет основные причины кризиса религии в нашем обществе, вскрывает ее тенденции и модернистские устремления.

Однако в структуре книги наблюдаются явные диспропорции. Так, половину объема (160 с.) занимает вторая глава, в то время как весьма важная третья глава состоит только из 38 страниц. Именно она-то и страдает описательностью и поверхностным изложением проблем. Неясно также, почему вторая глава не подразделяется на параграфы, как другие. Мало внимания уделено деятельности не-

протестантских направлений. Например, во II-й главе адвентизму отведено полторы страницы, иеговизму — две, а баптизму только полстраницы, хотя в мире приверженцев последнего насчитывается более 27 млн. человек.

Несмотря на эти и другие частные недостатки книга Г. М. Лившица — ценный научный труд и представляет интерес не только для специалистов, но и для широких читательских кругов.

**Р. В. Надольский,
А. М. Мицкевич**

И. Т. Роговский. Политическая экономия капитализма: Содержательно-логические схемы. (Учебно-методическое пособие для студентов-заочников неэкономических факультетов).—Минск: Изд-во БГУ, 1981.—296 с.

Учебно-методическое пособие, подготовленное кандидатом экономических наук, доцентом И. Т. Роговским, выгодно отличается от других тем, что в нем даны четкие содержательно-логические схемы по всем темам курса политической экономии капитализма. Они отражают основные структурные связи учебного предмета: системообразующие категории, понятия в их взаимодействии и соподчинении. Выделяя основное содержание предмета, автор пособия дает студентам хороший материал для самоуправления, облегчает и программирует процесс самостоятельного изучения ими курса политической экономии.

Несомненным достоинством методического пособия является то, что в нем дается системное изложение основных экономических категорий и объективных экономических законов капиталистического способа производства. С помощью содержательно-логических схем наглядно раскрывается сущность экономических категорий и законов, показывается диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность экономических явлений и процессов общественной жизни. С классовых, партийных позиций показываются экономические последствия действия законов и закономерностей, присущих капитализму. В пособии экономические законы, категории и явления даны в таком виде, который позволяет воспринимать правильные соотношения между первичным и вторичным, базисным и надстроечным аспектами жизнедеятельности общества.

Рецензируемое пособие отличается высоким идейно-теоретическим уровнем. Четкость определений экономических категорий и законов, в основном исчерпывающее изложение их характерных черт и особенностей, помогли найти точные критерии научной классификации экономических категорий. Популярность и наглядность изложения сложнейших теоретических положений марксистско-ленинской экономической науки позволяют использовать его как в студенческой ау-

дитории, так и в системе партийной учебы.

Удачно сочетаются содержательные-логические схемы с необходимым фактическим материалом, доказывающим и иллюстрирующим закономерности развития капитализма, присущие ему антагонистические противоречия и их обострение на современном этапе. От темы к теме последовательно прослеживается исторически преходящий характер капиталистического способа производства, неизбежность его гибели. обстоятельно проанализированы в логических схемах особенности развития капитализма на современном этапе, его паразитизм и загнивание, углубление общего кризиса капитализма, сущность и основные направления развития государственно-монополистического капитализма.

Структурно-логический подход, в общем известный в педагогике, в политической экономии реализован впервые и имеет большое научно-методическое значение. Использование логических схем позволяет перейти от информационного, описательного изложения материала к проблемному, позволяющему научить студентов умению логически мыслить, анализировать экономические явления и процессы, формировать цельную систему знаний. Эти схемы позволяют более широко использовать в учебном процессе ТСО, интенсифицировать его, повысить уровень преподавания и идейно-воспитательную направленность лекций и семинарских занятий, а также эффективность самостоятельной работы и усвоение учебного материала студентами.

Учебно-методическое пособие не лишено отдельных недостатков. Например, при характеристике факторов, воздействующих на производство и присвоение прибавочной стоимости в условиях современного капитализма (с. 25) не указан такой фактор, как крушение колониальной системы империализма.

Не совсем четко (с. 259) дано определение монополярной сверхприбыли. Отдельные схемы даны несколько громоздко и сложно. Однако отмеченные недостатки не умаляют важности и значения данного учебно-методического пособия.

Логическая последовательность, полнота изложения, популярность и наглядность делают данное пособие полезным и ценным для преподавателей вузов и техникумов, студентов, пропагандистов и слушателей системы партийной учебы.

**Я. А. Язвинская,
А. П. Жукова**

Э. А. Лутухина. Заработная плата: Закономерности и проблемы формирования. — Минск: Наука и техника, 1978. — 213 с.

В рецензируемой монографии на основе теоретического исследования

проблемы заработной платы обосновываются пути ее дальнейшего практического совершенствования. Работа отличается логичной структурой, глубоким проникновением в сущность процессов формирования и движения заработной платы, закона распределения по труду и многих других вопросов. Комплексный подход к обоснованию изучаемых явлений позволил добиться оригинальности решения ряда проблем. Это относится и к интерпретации функционального назначения и классификации заработной платы, когда в традиционных функциях выявляется новое направление жизнедеятельности — влияние на социальные отношения. Автор показывает, что смелое использование социальной функции заработной платы способствует превращению труда в творчество, в жизненную потребность, развивает у членов общества коллективизм, содействует гармоничному развитию личности и выступает фактором признания трудовых заслуг работника. Данная сторона заработной платы остается до настоящего времени еще крайне мало разработанной. Интересной, на наш взгляд, является постановка вопроса о подходе к заработной плате как сложному явлению, находящемуся под влиянием ряда экономических законов, взаимодействие которых обуславливает закономерности ее формирования. В монографии четко определено место закона распределения по труду как ведущего звена в системе закономерностей формирования заработной платы.

Одной из актуальных проблем совершенствования заработной платы является определение ее оптимальной структуры. В литературе нет единого мнения по этому вопросу. Автор высказывает свою точку зрения: традиционное деление заработной платы на основную и дополнительную наполняется несколько иным содержанием. К основной заработной плате отнесена оплата по тарифу (постоянная часть) и премии (переменная часть), а к дополнительной — различного рода доплаты в виде районных коэффициентов, оплаты перерывов кормящим матерям и др. Такая структура позволяет выделить те части заработной платы, которые являются результатом труда повышенной активности, и те, которые требуют затрат общества вне зависимости от производственных результатов. На наш взгляд, решение таких вопросов, как экономические границы основной и дополнительной заработной платы, экономическая сущность премии и принципы построения системы премирования достойны включения в учебные курсы политической экономии.

Несомненный интерес представляют разделы книги, где рассматриваются такие аспекты проблемы заработной платы, как соотношение законов распределения по труду и воспроизводства рабочей силы, обоснование методологических положений форми-

рования минимальной заработной платы, определение ее соотношения с заработной платой среднеоплачиваемых работников, проблема исходного заработка, а также обоснование понятия и состава фонда заработной платы.

Монография Э. А. Лутохиной представляет собой ценное исследование, вносящее существенный вклад в разработку экономической теории вообще и проблемы заработной платы, в частности.

**Ю. И. Палкин,
Г. Д. Соболева**

В. П. Серебрянников. Местное управление и самоуправление Франции. — Минск: Высшая школа, 1981. — 167 с.

Недугом Франции назвал бывший министр юстиции Алэн Пейрефитт всепроникающую власть бюрократии. Подъем революционного движения, формирование левого правительства с участием четырех министров-коммунистов свидетельствуют о готовности трудящихся бороться и с недугом страны и причинами его вызывающими — засильем монополий. Отсюда — особая актуальность исследований конкретного механизма власти французской буржуазии в монографии Серебрянникова В. П. «Местное управление и самоуправление Франции». Основное внимание в ней уделено исследованию нижнего яруса иерархической пирамиды буржуазного государства — местной администрации и ее двух слабаков: местного управления и самоуправления (с. 3).

Стержень исследования Серебрянникова — анализ соотношения между выборными, представительными, и бюрократическими началами местной власти. Первые — объект непрекращающихся атак, вторые — излюбленный метод правящего класса, средство укрепления его позиций. И все же, несмотря на всю привлекательность административной централизации, сводящей органы местной власти к простым исполнительным придаткам государственного аппарата, французская буржуазия не решилась опираться только на нее, не без основания полагая, что она таит в себе угрозу революции. Эта угроза и заставила французскую буржуазию пойти на уступку массам и допустить их к участию в выборах органов местного самоуправления, «самоуправляющихся местных коллективов», как их называет традиция.

В то же время правящий класс позаботился и о том, чтобы крайне ограниченная автономия местных коллективов в решении сугубо локальных проблем не смогла бы стать каким-либо противовесом правительственной власти. Конституция предусматривает недопустимость каких бы то ни было контактов между самоуправляющимися коллективами и парламентом. По образному выражению французских

юристов, на местные коллективы наброшен «железный ошейник» мелочливой бюрократической опеки.

Особая роль в контроле правительства над местным самоуправлением принадлежит префекторальной власти. Префекты, назначаемые главой государства, рассматриваются в качестве депозитаров государственной власти в департаменте.

Важным каналом ограничения местных свобод является устаревшая антидемократическая избирательная система, а также раскройка (декупаж) самоуправляющихся местных коллективов, отдающая предпочтение избирателям правых сил. К чему это ведет, в книге иллюстрируется на примере органов местного самоуправления департаментов — генеральных советов. Для избрания генеральных советов образованы кантоны, каждый из которых выбирает по одному генеральному советнику. Численность населения кантонов при этом не имеет никакого значения, что и ведет к различным злоупотреблениям и махинациям: кантоны, голосующие за левые партии, обычно гораздо многочисленнее кантонов, где сильнее влияние правых. В целом по стране такая система в два раза уменьшает представительство компартии в органах самоуправляющихся коллективов, несмотря почти на двукратное превосходство над правыми партиями в количестве подаваемых за нее голосов (с. 97).

Средством подрыва местных свобод выступают клеветнические измышления, распространяемые органами массовой информации и в выступлении официальных лиц, о малозначимости «местных коллективов», их неполитической роли и т. п. Словесные выпады в адрес местных органов дополняются ограничением их финансовых ресурсов, необходимых для проведения политики, отвечающей нуждам населения. Проекты реформ «местных финансов», разработанные социалистами на осенней парламентской сессии 1981 года и предусматривающие увеличение бюджета «местных коллективов» с 19 до 30 проц., способны лишь улучшить, но не изменить положения дел. Зависимость местных властей от центральной администрации не уменьшается.

Наиболее изощренным методом наступления реакции на местные свободы выступают проекты замены традиционных местных коллективов (коммун и департаментов) новыми территориальными образованиями. В монографии это хорошо показывается на примере нового статуса Парижа и региональных реформ. В настоящее время правительство П. Моруа планирует предоставить регионом статус «местных коллективов», аналогичный статусу коммун и департаментов, ввести прямые пропорциональные выборы в региональные советы. Эти меры предусматриваются совместной програм-

мой левых сил и пользуются поддержкой ФКП (с. 134).

Разумеется, серьезная научная работа не может быть лишена отдельных упущений. Думается, что изложение промежуточных территориальных образований (кантонов и округов) было бы целесообразно выделить в самостоятельную главу, расширить исторический обзор реакционной роли префекторальной власти. Главное не в этом. Специалисты и все интересующиеся проблемами Франции, кризиса современного буржуазного общества и революционного движения в странах капитала получили серьезную, написанную на большом источниковедческом и сравнительном материале книгу.

П. П. Дронь,
Г. М. Пашковский

Verträge in Wissenschaft und Technik./
Autorenkollektiv unter Leitung von Prof.
Dr. sc. jur. Richard Osterland.—Berlin:
Staatsverlag der Deutschen Demokratischen
Republik, 1980.—303 S.

В книге анализируется законодательство ГДР о договорах в сфере научно-технических исследований. В первой ее части изложены проблемы законодательства, регулирующего договорные отношения в области науки и техники, во второй части приведены образцы этих договоров, раскрывается содержание вытекающих из них обязательств и перечислены все вопросы, возникающие в процессе обсуждения и заключения договоров.

Особое место отводится проблеме соотношения плана и договора. Поскольку в сфере науки и техники до утверждения планов сложно точно определить предмет договора, предлагается заключать особые договоры по подготовке плановых заданий (в форме отдельного или координационного договора). В этих документах должны определяться обязанности сторон по координации действий до утверждения плана, по определению сроков точного согласования предмета договора. В их содержание входят обязанности сторон сотрудничать при подготовке договора к заключению и при исполнении его, обязанности информировать друг друга о прогнозах и перспективах развития отрасли, о дальнейших направлениях исследовательской работы и о ее сложностях, а также обязанности сторон сотрудничать в ходе внедрения научно-технических результатов в производство.

В книге рассмотрены следующие виды договоров в области науки и техники: на постановку задачи, организацию исследований, на проектно-конструкторскую разработку изделия, технологического процесса (способа), на создание конструкций, образцов, стандартов, на проведение испытательных работ, осуществление консульта-

ционной помощи, по оказанию услуг в обработке информации.

Характеризуя договорную ответственность, авторы отмечают, что стороны по взаимному соглашению вправе определять размер штрафов и объем подлежащих возмещению убытков, а также условия освобождения от них. Подробно освещаются проблемы правового регулирования деятельности исследовательских объединений, показано их отличие от объединений в промышленности и других отраслях, содержится предложение по совершенствованию их деятельности.

Договорные обязательства по использованию научно-технических результатов возможны в рамках отдельных социалистических стран и в рамках СЭВ. Различаются возмездное и безвозмездное, первичное и многократное, а также последующее использование научно-технических результатов. В книге характеризуются все такие договоры, показаны различия в правовом регулировании обязательств по первичному и последующему использованию научно-технических результатов.

Коллективный труд ученых ГДР предназначен прежде всего юристам, но будет интересен и для многих научных работников.

В. Ф. Чигир,
В. Т. Ведяхин

И. С. Вишневская. Права и обязанности члена жилищно-строительного кооператива.—Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1978.—80 с.

Достоинством рецензируемой книги является анализ прав и обязанностей членов жилищно-строительного кооператива в свете положений новой Советской Конституции. И. С. Вишневская рассматривает действующее законодательство о жилищно-строительной кооперации с привлечением материалов судебной практики, статистических данных из этой области. Всесторонний, системный, комплексный подход позволил автору внести ряд ценных предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего возникновение, изменение и прекращение жилищных правоотношений в ЖСК.

Автор предлагает четко сформулировать в Примерном уставе жилищно-строительного кооператива РСФСР «правило, в соответствии с которым в члены ЖСК должны приниматься не только граждане, проживающие в населенном пункте, где создается кооператив, но и рабочие и служащие, которые постоянно работают в населенном пункте, где организуется кооператив, но проживают за его пределами» (с. 9), а также предусмотреть норму жилой площади, из которой следует исходить при распределении площади в домах ЖСК (с. 20); установить правило о том, что член жилищно-строительного кооператива, пере-

ехавший на постоянное жительство на другую площадь или в другую местность может быть по решению общего собрания исключен из кооператива (с. 36, 69).

Предлагается включать в примерные уставы ЖСК всех союзных республик перечень обязанностей членов кооператива. Обоснованно и убедительно отстаивается мнение о внесении в примерные уставы пункта, предусматривающего возможность принятия в члены кооператива несовершеннолетних и малолетних наследников (малолетних в возрасте до 15 лет—по заявлению их опекунов, несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет—по их заявлению при наличии письменного согласия попечителя. В обоих случаях, кроме того, должно быть также согласие органов опеки и попечительства—с. 54—55). Следует согласиться и с тем, что при определении строительной стоимости кооперативной квартиры должен учитываться поэтажный коэффициент (с. 16), что субъективное гражданское право пользования жилой площадью возникает только после решения общего собрания членов кооператива о выделении пайщику конкретного жилого помещения и только после этого спор о предоставлении жилой площади в домах ЖСК может рассматриваться в суде (с. 22—23).

В книге имеются, на наш взгляд, и некоторые недостаточно аргументированные предложения по совершенствованию законодательства о жилищно-строительной кооперации. Так, недостаточно обоснованной выглядит рекомендация о внесении в примерный устав изменения о предоставлении выходящему из кооператива пайщику возможности передать пай не одному, а нескольким совершеннолетним членам своей семьи (с. 59) по количеству изолированных комнат, т. е. произвести раздел пая. Неубедителен вывод (со ссылкой на пункт 21 Примерного устава ЖСК РСФСР) о том, что выход пайщика из состава кооператива без передачи пая одному из совершеннолетних, совместно с ним проживающих членов семьи, лишает всю семью права на кооперативную жилую площадь (с. 60—61). В этом отношении правы те авторы, которые считают, что при выходе пайщика из кооператива по собственному желанию, оставшиеся проживать в квартире члены семьи имеют преимущественное право на вступление в ЖСК.

Несмотря на некоторые недостатки, монография И. С. Вишневской в целом является полезным исследованием законодательства о жилищно-строительной кооперации.

Г. С. Дробязко

НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ КРАСОВСКИЙ

После тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, старший преподаватель кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов, кандидат исторических наук, член КПСС с 1932 года Николай Ильич Красовский.

Н. И. Красовский родился 19 декабря 1908 года в г. Полоцке в семье рабочего. После окончания в 1929 году Полоцкого педагогического техникума работал директором школы крестьянской молодежи и секретарем райкома комсомола в Ульском районе Витебской области, с 1932 по 1939 год — директором средней школы в Полоцке. В 1937 году заочно окончил Минский пединститут имени А. М. Горького. С 1939 года — на ответственной работе в партийных органах: был секретарем Брестского горкома и обкома партии. В годы Великой Отечественной войны Н. И. Красовский принимал активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, возглавлял отдел по работе в тылу противника 3-ей ударной армии Калининского фронта, был уполномоченным ЦК КПБ и ВШПД по Минской области, выполнял ряд других поручений штаба партизанского движения.

После освобождения Белоруссии от гитлеровских оккупантов Н. И. Красовский снова на партийной работе — секретарь Брестского и Бобруйского обкомов партии, затем заместитель начальника управления пропаганды и агитации, первый заместитель заведующего партийных органов, заведующий отделом науки и вузов ЦК КПБ. С 1959 года и до выхода на пенсию работал заместителем министра высшего и среднего специального образования БССР, а с 1973 года — старший преподаватель кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов. Большой жизненный опыт, твердые идейные убеждения, искренность и живая мысль составляли основу его лекций и наполняли их глубоким содержанием.

Красовский Н. И. известен как видный ученый в области истории КПСС. Он автор более 80 печатных работ, в том числе двух монографий. Широкую известность получила его монография «Высшая школа Советской Белоруссии», выдержавшая два издания, брошюры и статьи по вопросам истории высшей школы, героической обороны Брестской крепости, истории культуры БССР, Николай Ильич Красовский являлся участником многих республиканских, всесоюзных конференций, международных конгрессов и симпозиумов в Бельгии, Венгрии, Канаде, Франции.

Николай Ильич вел большую общественную работу. Был кандидатом в члены ЦК КПБ, неоднократно избирался членом бюро горкомов и обкомов партии, депутатом городских и областных Советов, членом правления общества «Знание» Белорусской ССР, членом ЦК ДОСААФ БССР, членом правления общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, охраны природы, охраны памятников истории и культуры. На всех постах, которые доверяли Н. И. Красовскому, он проявил себя как способный организатор, принципиальный, требовательный к себе и другим работник.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили ратные и трудовые заслуги Николая Ильича Красовского, наградив его орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, тремя орденами «Знак Почета», многими медалями, четырьмя Почетными грамотами Верховного Совета Белорусской ССР.

Светлая память о Н. И. Красовском, верном сыне Коммунистической партии, в рядах которой он находился пятьдесят лет, горячем патриоте социалистической Родины, чутком товарище сохранится в сердцах всех, кто знал и работал вместе с ним.

ЗМЕСТ

Владимир Алексеевич Белый (К 60-летию со дня рождения)	3
--	---

ГІСТОРЫЯ

<i>Мельцер Д. Б.</i> Во имя счастья и прогресса человечества (К 100-летию со дня рождения Георгия Димитрова)	6
<i>Киселев В. К.</i> Партийное руководство разведкой партизан Белоруссии (июнь 1941 — август 1943)	9
<i>Смиловицкий Л. Л.</i> Деятельность Компартии Белоруссии по укреплению педагогических училищ преподавательскими кадрами, повышению их идейно-теоретического уровня и методического мастерства (1944—1952)	12
<i>Розанов А. А.</i> О некоторых буржуазных интерпретациях курса КПСС на разрядку международной напряженности	14
<i>Герменчук В. В.</i> Забота трудящихся Белоруссии о больных и раненых красноармейцах в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции	18
<i>Бабков А. М.</i> Германский оккупационный режим на захваченной в 1918 году территории Белоруссии	21
<i>Чепко В. В.</i> Развитие торговых связей Белоруссии в период кризиса крепостничества (40—50-е годы XIX века)	24
<i>Жукова Т. И.</i> О путях возникновения городов в древней Руси	27

ФІЛАСОФІЯ

<i>Савицкий В. Б.</i> К вопросу о деятельности	30
<i>Титов О. И.</i> Истина и вероятность	33
<i>Булько И. И.</i> О структуре коммунистического критерия нравственности	37
<i>Фурс М. В.</i> Сущность и структура жизненной позиции личности	39

НАВУҚОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Дронь П. П., Белякович Н. Н.</i> Развитие В. И. Лениным марксистского учения о закономерностях формирования нового человека	44
<i>Литвинович А. Ф.</i> Формирование интернационалистского мировоззрения сельских труженников	47

ЭКАНОМІКА

<i>Коновальчик В. И.</i> Сущность и формы обобществления сельскохозяйственного производства на современном этапе	49
<i>Клецкова Т. Л.</i> Критика государственно-правовой теории собственности Гегеля в ранних работах К. Маркса	51
<i>Такушевич А. В.</i> Оплата труда учителей и проблемы ее совершенствования (по материалам социологического исследования)	55

ПРАВА

<i>Данилевич А. А.</i> Культура судебных прений	58
<i>Барков А. В., Хомич В. М.</i> Новое в уголовном законодательстве БССР	60
<i>Василевич Г. А.</i> Прием на работу, связанную с непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей	63

РЭЦЭНЗІІ

Мараш Я. Н. В. В. Чепко. Города Белоруссии в первой половине XIX века. Экономическое развитие	70
Пилипенко М. Ф. История БССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. I	70
Овсянкин В. А., Сидорцов В. Н. Национальная политика КПСС. Очерк историографии	71
Чудаев М. Ф. Я. Ю. Нестерович. За союз нерушимый республик свободных. Объединительное движение трудящихся Белоруссии	72
Надольский Р. В., Мицкевич А. М. Г. М. Лившиц. Религия и церковь в истории общества	73
Язвинская Я. А., Жукова А. П. И. Т. Роговский. Политическая экономия капитализма. Содержательно-логические схемы	73
Палкин Ю. И., Соболева Г. Д. Лутохина Э. А. Заработная плата. Закономерности и проблемы формирования	74
Дронь П. П., Пашковский Г. М. В. П. Серебренников. Местное управление и самоуправление Франции	75
Чигир В. Ф., Ведяхин В. Т. Verträge in Wissenschaft und Technik	76
Дробязко Г. С. Вишневецкая И. С. Права и обязанности члена жилищно-строительного кооператива	76

ПАМЯЦІ ТАВАРЬША

<u>Николай Ильич Красовский</u>	78
---	----

